

ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Эти трое прыгают как один человек: взявшись за руки, Михаил Дмитров, Евгений Трофимов и Виктор Раков одновременно ринулись вниз. Такого рода затяжной прыжок совершается впервые. (Снимок сделан с самолета в Подмосковье.) Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Черекское ущелье в Кабардино-Балкарской АССР. Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Памятник Джузеппе Гарибальди в Риме. Фото А. Становова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 27 (1568)

30 ИЮНЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ДНИ ЮБИЛЕЯ

Вся страна отметила 250-летие одного из славнейших городов нашей Родины — Ленинграда. Трудящихся города горячо приветствовали и поздравили Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.

В честь знаменательной даты состоялась юбилейная сессия Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В Государственном академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова собрались рабочие и ученые, инженеры и писатели, передовые труженики города на Неве. Здесь были и многочисленные гости из разных городов и областей Советского Союза, представители зарубежных стран. Особенно волнующими были минуты, когда группа Героев Социалистического Труда вынесла на трибуну знамя Ленинграда, украшенное двумя орденами — Ленина и Красного Знамени. И вот к ним прибавилась третья награда — орден Ленина, который вручил член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреев.

В дни юбилея в празднично украшенном городе состоялась закладка монумента Победы и памятника великому Ленину; на площадях и набережных, в парках и на стадионе проходили народные гулянья, в которых приняли участие многие тысячи ленинградцев.

Вручение ордена Ленина представителям города Ленинграда.

На стадионе имени С. М. Кирова встретились ветераны рабочей гвардии Ленинграда, которым в дни юбилея присвоено звание Героя Социалистического Труда, — А. В. Бородулин, фрезеровщик Металлического завода, и П. М. Варламов, мастер-вальцовщик сталепрокатного и проволочно-канатного завода (справа).

Фото Б. Уткина.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

1 июля начинается Международный геофизический год...

Редакция «Огонька» обратилась к генеральному секретарю Специального международного комитета Международного геофизического года профессору М. Николе и руководителям национальных комитетов — заместителю председателя Советского комитета, члену-корреспонденту Академии наук СССР В. В. Белоусову и вице-президенту Национального комитета США доктору Аллану Шепли — с просьбой рассказать об объеме и характере научных изысканий, предусмотренных программой Международного геофизического года.

Ниже помещены ответы на вопросы...

ВЕСЬ ЗЕМНОЙ ШАР...

Профессор Марсель НИКОЛЕ,
генеральный секретарь Специального международного комитета Международного геофизического года

Международный геофизический год намного отличается от своих давних предшественников — я имею в виду полярные исследования, которые производились совместно несколькими странами в 1882/83 и 1932/33 годах. На этот раз наблюдения несравненно более широки — и по географическому размаху и по числу дисциплин геофизической науки, которые будут представлены...

Ныне охватывается практически весь земной шар, ни один важный район не остается за пределами наблюдений. Особенное внимание уделяется дисциплинам, изучающим верхние слои атмосферы. По-прежнему ученых будут занимать земной магнетизм, полярные сияния и явления, протекающие в ионосфере. Космическое излучение будет изучаться во всех своих геофизических аспектах. И, наконец, запуск ракет и искусственных сателлитов, несомненно, принесет совершенно новые научные результаты. Для того, чтобы получить полное представление о явлениях, протекающих в верхних слоях атмосферы, на которые большое воздействие оказывает Солнце, астрофизические обсерватории будут непрерывно наблюдать Солнце.

Взглянем на карту Арктики: в самых высоких ее широтах мы видим флажки станций, которые поведут наблюдения по программе Международного геофизического года. Станции Советского Союза вашим читателям хорошо известны. Соединенные Штаты представлены станциями «Арктик-Стэйшн Би», совместными станциями США и Канады — «Алерт» и «Эурека»; есть станции Дании — «Пири Лэнд», «Норд», станции Канады — «Хэйзн Лейк» и «Алерт», совместная американо-датская станция в Гренландии; общая станция Швеции, Финляндии и Швейцарии находится в заливе Мёрчисона.

Еще более яркую картину являет Антарктика, где созданы прочные базы для научных наблюдений. Такие базы в Антарктике организовали Аргентина, Австралия, Бельгия, Чили, Франция, Великобритания, Япония, Норвегия, Новая Зеландия, США и Советский Союз. Кроме советских станций, здесь еще двадцать три, созданные другими странами. На самой высокой широте находится американская станция «Амундсен Скотт» (90°).

В работах Международного геофизического года примет участие около 60 национальных комитетов. В общем, можно предполагать, что метеорологических станций, предназначенных для высотных наблюдений, будет до семисот пятидесяти. Специально земным магнетизмом займутся 276 станций.

Общее число станций, участвующих в наблюдениях за полярными сияниями,— 235; в большинстве они сконцентрированы на высоких широтах. Около ста из них приспособлено для визуальных наблюдений, но, разумеется, такие наблюдения будут вести в каждой стране и многочисленные астрономы и метеорологи-любители.

Сто тридцать шесть станций будут изучать космическое излучение. Оптическими наблюдениями Солнца займутся 88 обсерваторий (главным образом в средних широтах северного полушария), а радиоэлектрические наблюдения Солнца проведут 47 станций, что, кстати сказать, показывает, с какой быстротой развивается этот метод наблюдений Солнца.

По сведениям, полученным от Национального комитета МГГ из США, первый искусственный спутник будет там запущен с восточного побережья Флориды (мыс Канаверал). Его можно будет наблюдать в поясе от 80—40° северной до 40° южной широты.

Из этих данных видна общая картина того огромного и благородного дела, которое привлекает сейчас совместные усилия ученых всех стран.

К НАБЛЮДЕНИЯМ ГОТОВЫ!

Член-корреспондент Академии наук СССР
В. В. БЕЛОУСОВ,
заместитель председателя Советского комитета по проведению Международного геофизического года

В начинающемся Международном геофизическом году советские ученые проведут исследования по 12 разделам общей программы.

В нашей стране к наблюдениям готовы более 500 станций в 350 пунктах. Наибольшее внимание уделяется метеорологическим наблюдениям. Для этого, не считая основной сети обычных метеорологических, создаются еще 292 станции. Тридцать обсерваторий, а также немагнитное исследовательское судно «Заря» будут изучать магнитное поле Земли. Семнадцать станций подготовлены к изучению земных токов, 25 станций — к изучению верхнего заряженного слоя атмосферы — ионосферы. Пятнадцать обсерваторий будут вести службу наблюдений за солнечной деятельностью. Изучение изменений интенсивности космических лучей намечено проводить на 12 станциях. Девятнадцать обсерваторий займутся точным определением широт и долгот. Будет организовано 12 станций по исследованию ледников и снежного покрова. Из других исследований большой интерес представляют наблюдения за микросейсмами (очень слабыми колебаниями земной поверхности), вызываемыми отдаленными штормами и тайфунами, а также изучение глубинного строения земной коры там, где переходит азиатский материк к Тихому океану.

Во время подготовки к МГГ не только были организованы и построены новые геофизические станции, но и на ранее существовавших была улучшена аппаратура. Советская промышленность изготовила для геофизиков большое число новых приборов.

Кроме стационарных наблюдений в обсерваториях, ученые Советского Союза будут участвовать более чем в 20 экспедициях. Наши океанографические суда проведут исследования в Норвежском, Гренландском и Баренцевом морях, в Северной Атлантике, в западной и центральной частях Тихого океана, в Арктике, а также в водах, омывающих Антарктику. Сюда же входит и Советская антарктическая экспедиция, об успешных действиях которой уже широко сообщалось.

Советские геофизики всячески содействуют тому, чтобы международное сотрудничество ученых было наиболее широким и действенным. Члены нашего комитета активно участвовали во всех международных совещаниях, предшествовавших МГГ. По инициативе советских ученых было решено, что результаты наблюдений в целях сохранности и доступности для ученых всего мира будут накапливаться в особых Мировых центрах. Один из таких центров организуется в США, другой — в СССР.

Крупнейшее совместное мероприятие — организация Мировых центров оповещения. Дело в том, что в определенные периоды, когда будет ожидаться повышение активности геофизических явлений, необходимо временно усилить наблюдения. Предсказывать эти периоды поручено Мировому центру оповещения в Вашингтоне и, кроме того, Региональным центрам оповещения в Париже, Москве и Токио.

Другая форма сотрудничества с учеными выражается в организации совместных работ, в обмене специалистами. Так, например, польские и немецкие ученые участвовали в одном из советских исследовательских рейсов в Арктику в 1956 году.

По инициативе советских ученых состоялся обмен специалистами-метеорологами в Антарктике; налажена постоянная радиосвязь между Мирным и базами большинства других экспедиций.

Советские ученые уверены, что Международный геофизический год будет иметь значение, выходящее за рамки одной науки; это грандиозное научное предприятие будет способствовать укреплению сотрудничества между учеными разных стран вообще, а через них — укреплению взаимопонимания между народами.

Большой магнитный павильон обсерватории в Душети (Грузия).

НА АМЕРИКАНСКИХ СТАНЦИЯХ

Доктор Аллан ШЕПЛИ,
вице-президент Национального комитета США по проведению МГГ

Более пятисот американских станций участвует в наблюдениях Международного геофизического года. Многие из них существуют продолжительное время, некоторые созданы заново. Например, на Гавайских островах будет открыта солнечная наблюдательная станция для изучения солнечных вспышек и излучений Солнца. Новые станции создаются в Хановере (Нью-Гэмпшир), в Колорадо — на горной станции Клаймакс. Существует много станций

макс. Существует много станций на Аляске, на континенте США и в других местах.

В МГГ принимают участие крупнейшие ученые США: Джозеф Каплан — председатель нашего комитета, доктор Вальтер Робертс руководит исследованиями по изучению солнечной активности, доктор Е. О. Хульберт — по геомагнетизму, профессор М. Г. Морган координирует научную работу по изучению ионосферы. Мой отец, доктор Харлоу Шепли, непосредственно не примет участия в наблюдениях, но остается нашим неофициальным советником и консультантом по многим вопросам. Он сейчас не директорствует в Гарвардской обсерватории, как в годы последней мировой войны, а читает лекции, пишет труды.

Океанографы США будут очень

Океанографы США будут очень заняты в период МГГ. На кораблях совместно с учеными других стран они проведут исследования в Атлантическом и Тихом океанах. Каждый из кораблей, принимающих участие в научно-исследовательской работе, совершит несколько рейсов.

«Алерт!» — передает телеграф Москвы

«Алерт начинается»,— выстукивают телетайпы на Московском

«Алерт начинается»,— выстукивают телетайпы на Московском центральном телеграфе. Белой змейкой ползет из аппарата лента, быстро бегают по клавишам легкие руки телеграфисток, передавая этот сигнал в Софию и Пекин, Улан-Батор и Варшаву, Белград и Бухарест... Эта телеграмма пришла из Вашингтона. Ее сразу отличили от тысячи других, и даже «срочные» дали ей зеленую улицу. В какие-нибудь полтора — два часа телеграмма стала известна всем геофизическим станциям, входящим в состав европейско-азиатского региона.

...В дни Международного геофизического года могут возникнуть магнитные и ионосферные бури, северные сияния и другие процессы связанные с деятельностью Солнца которые невозможно предвидеть. Поэтому они будут дополнительно изучаться не по заранее намеченной программе, а сверх плана, в особые всемирные интервалы. За 8 часов до начала такого интервала центр Мировых дней в Вашингтоне передаст сигнал: «Алерт!» (по-английски «Будь готов!») — и на всех станциях мира должны начаться наблюдения...

Это пока еще не «настоящий алерт». Но телеграмма в самом деле пришла из Вашингтона, через Нью-Йорк и Танжер (Африка) была передана в Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн по национальным центрам региона, а затем переведена на русский язык и отправлена по всем геофизическим станциям Советского Союза.

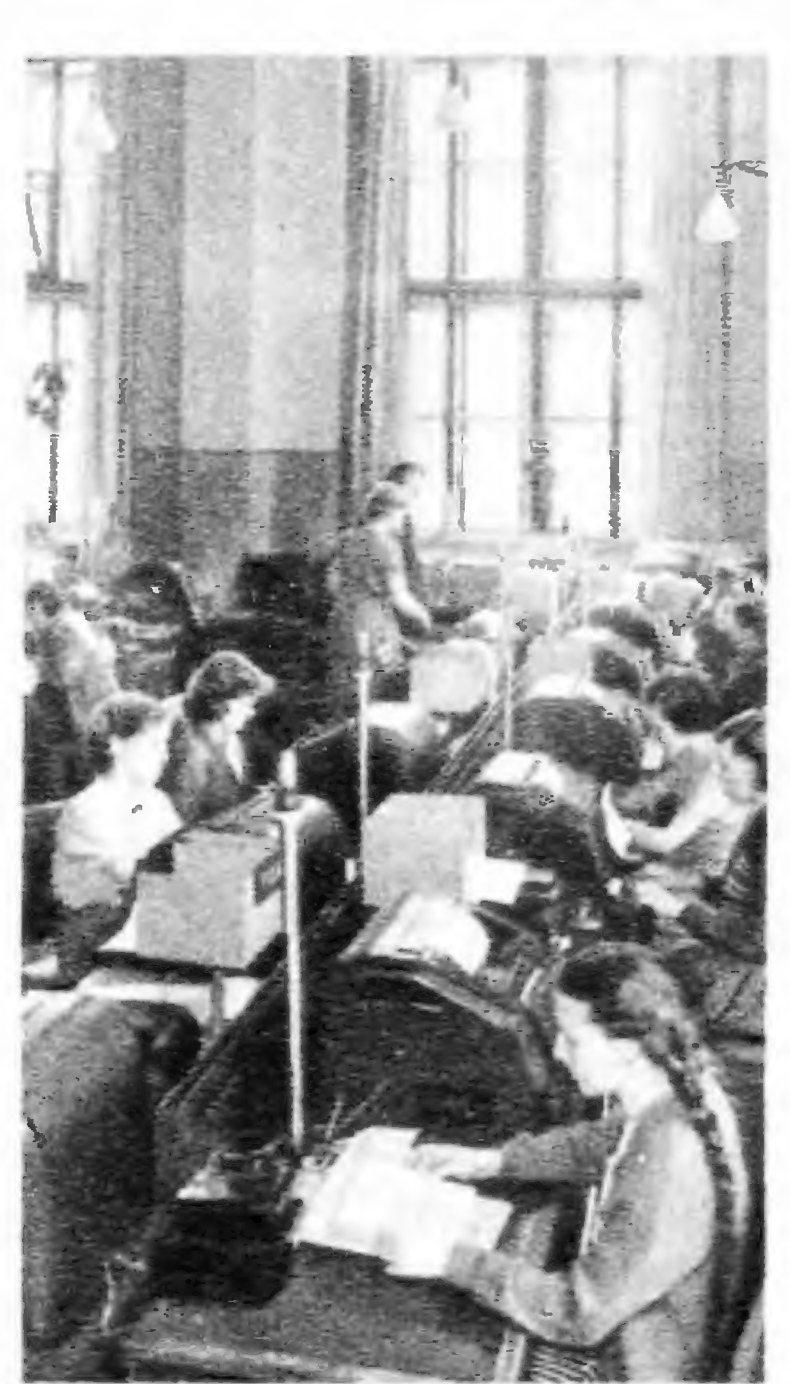
Перед началом Геофизического года связисты еще и еще раз репетируют передачу «алертов». Из Вашингтона в Нью-Йорк (расстояние в 330 километров) телеграмма идет сравнительно долго — 53 минуты. Зато из Москвы в отдаленные пункты, находящиеся на расстоянии 12 тысяч километров, — всего за полтора часа.

Разработан точный график прохождения «алертов». Чтобы отличить их от других телеграмм, им присвоили особую отметку — «Меридиан», заранее заготовили стан-

дартные бланки: ведь сообщаться будет о начале или о конце, о про-

дартные бланки: ведь сообщаться будет о начале или о конце, о продлении или отмене «алертов». Телеграмму с отметкой «Меридиан» передают, как говорят связисты, обеспеченным порядком, то есть вне очереди и без задержек... Здесь, на Центральном телеграфе Москвы, она не застрянет ни на десятую долю секунды.

Т. ТРОИЦКАЯ

«Алерт начинается», — выстукивают телеграфистки на Московском телеграфе.

Фото Е. Умнова.

ВМЕСТЕ С КОЛЛЕГАМИ ИЗ ГЕРМАНИИ

В. СУСЛОВ,
заместитель начальника экспедиции Академии наук Узбекской ССР

Разведочный отряд экспедиции на леднике Федченко.

У заоблачных вершин Язгулемского хребта, на высоте 5 300 метров, берет свое начало один из величайших ледников мира — ледник Федченко. Более чем на 70 километров (в меридиональном направлении) простирается он широкой «рекой» льда. Запаса воды, заключенной в нем, хватило бы для заполнения озера, равного по объему Аральскому морю... Естественно, что влияние его на режим многих среднеазиатских рек огромно.

Двадцать пять лет назад, в 1932 году, во время II Международного полярного года, начались систематические наблюдения за ледником. Тогда под перевалом Кашал-Аяк была установлена высочайшая в мире гидрометеорологическая обсерватория.

Научная экспедиция Узбекской академии наук, ныне поднявшаяся на суровый Памир, отличается своими масштабами от всех предыдущих. Во время МГГ предполагается исследовать весь бассейн ледника Федченко, определить его мощность, изучить его движение. Для этого, помимо существующей обсерватории, будут установлены две новые научные станции. Одна из них, под руководством сотрудника Института математики и механики В. Ноздрюхина, расположится в верховьях ледника, в зоне ураганных ветров, сорокаградусных морозов и снежных заносов. Другая будет внизу, в месте стока ледника.

Вьючные караваны доставляют на ледник по частям разборные дома, научное оборудование и экспедиционное снаряжение, изготовленное заводами Москвы, Ленинграда, Риги, Тбилиси, Ташкента.

Вместе с нами, как и в прошлом Международном году, будут работать ученые Германской Демократической Республики, а также Ленинграда, Москвы, Харькова и других городов страны. Немецкие коллеги предполагают провести фототеодолитную съемку ледника.

В зоне криосферы

Н. ГРАВЕ,
кандидат географических наук

Криосфера — так называются области охлаждения коры земного шара на его полюсах и под близкими к ним широтами, а также в высокогорных районах. Изучение их очень важно: ледники, мерзлые почвы и горные породы обусловливают теплообмен между земной корой и атмосферой.

Один из самых значительных районов современного оледенения во всей Северо-Восточной Азии — хребет Сунтар-Хаята, южный отрог Верхоянских гор. Вот почему сюда, вдали от человеческого жилья и дорог, в безлесные, неуютные места на высоте более 2 тысяч метров над уровнем моря, пилот В. В. Кузаков перебросил грузы и людей. Олени и автомобили доставили лес и приборы. Здесь, в 150 километрах от населенных пунктов, Институт мерзлотоведения имени В. А. Обручева Академии наук СССР решил создать мерзлотоведческую и гляциологическую (по изучению ледников) станцию.

В начинающемся МГГ наша станция получит свое боевое крещение. Предстоит выяснить состав, строение и динамику ледников, тарынов (многолетних наледей) мерзлых почв и горных пород и их взаимосвязь друг с другом. Очень важно знать, как протекают в них и тепловые процессы. Для этого до 30—50 метров глубиной бурятся скважины. Чтобы сравнить условия теплообмена, аналогичные наблюдения ведутся и вблизи поселка Томтор на Оймяконском плоскогорье, в районе «полюса холода».

Сейчас на площадке возвышаются три рубленых домика, мачты радиостанции. Заканчивается отделка дома гляциологической станции. Скважины в Томторе и на высокогорной станции пробурены. К наблюдениям мы готовы.

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ ФОТОАППАРАТОМ В 1917...

Сорок лет назад, 18 июня (1 июля) 1917 года, в Петрограде состоялась массовая демонстрация под большевистскими лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!».

На нашем снимке запечатлен один из моментов этой демонстрации.

Китайцы-красноармейцы на фронтах гражданской войны

В годы гражданской войны в рядах Красной Армии сражались десятки отрядов бойцов-интернационалистов. Среди них были венгры, немцы, чехи, словаки и другие. Бойцами Красной Армии были и китайцы. Находясь в России, они вступили добровольцами в части Красной Армии и партизанские отряды и с оружием в руках защищали молодую Советскую республику. Как указывает известный китайский историк Пын Мин, в 1919 году в Красную Армию вступили 30—40 тысяч китайских рабочих.

Кинохроника, снятая в 1919—1920 годах, запечатлела два таких китайских отряда. На первом снимке — отряд китайцев-добровольцев, в 1919 году действовавший в Белоруссии; на другом — китайцы-красноармейцы, участвовавшие в боях на Юге, в составе частей Красной Армии вступают в только что освобожденную Одессу.

В. ХОДОРКОВСКИЙ

Перед VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов

СДЕЛАНО РУССКИМИ УМЕЛЬЦАМИ

Ткани чудесных расцветок и рисунков, превосходные вышивки и тончайшие кружева, русские национальные наряды, головные уборы, деревянные и металлические изделия, образцы отличной мебели, резьбу по кости, ювелирные изделия, фарфор, художественно разукрашенное оружие тульских, златоустовских и петербургских мастеров и много других вещей, сотворенных руками русских умельцев в XVIII и XIX веках,— все это можно увидеть на выставке прикладного искусства в Историческом музее. Она подготовлена к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Среди экспонатов есть тонкой работы шали, вытканные из козьего пуха. У них нет изнанки, они одинаковы с двух сторон. Середина шалей одноцветная — черная или белая, красная или синяя, а по краям яркая кайма с узорами. На одной из них, например, в узоре из зеленых листьев можно насчитать более 80 оттенков зеленого цвета.

Эти шали — дело рук русских крепостных мастериц Саратовской, Воронежской и Нижегородской губерний. Каждую из них делали по два — два с половиной года, пользуясь сотнями челноков. Через десять лет такой работы ткачихи слепли.

Очень хороши представленные на выставке резные бокалы и ларец-секретер, вырезанный из кости и инкрустированный перламутром.

Замечательны резные работы: архитектурные детали, украшавшие избы северных и поволжских губерний, всевозможная деревянная посуда, прялки, люльки и другие предметы крестьянского обихода. Все это выполнено с большим вкусом.

Посетители увидят также разноцветные домотканые льняные ткани для мужской крестьянской одежды, красивые женские сарафаны, душегреи, чудесные головные уборы, шитые жемчугом.

Богатейшими вышивками украшены фартуки, свадебные сорочки, покрывала, полотенца. Весь мир знает вологодские, мценские, елецкие и ярославские кружева. Образцы их также выставляются.

М. АМИНИНСКИЙ

На снимках (сверху вниз): Коллекция самоваров.

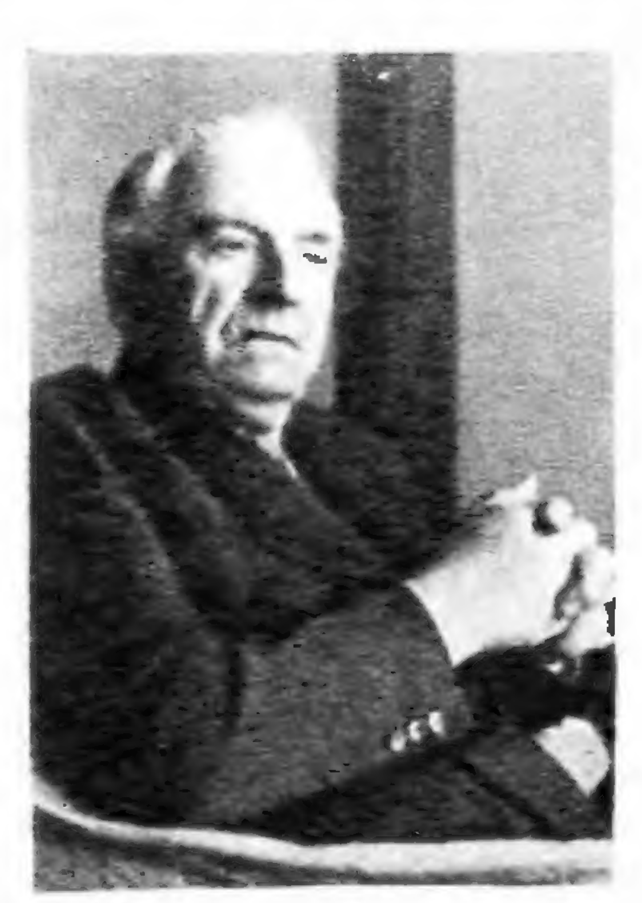
Так выглядит одна из шалей.

Предметы крестьянского обихода: ковши, солонки, вырезанные из дерева.

Фото А. Хлебникова.

В гостях у советских художников

Выдающийся венгерский скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль гостит в Советском Союзе. Он посетил Академию художеств, побывал в мастерских скульпторов, собирается обстоятельно знакомиться с музеями Москвы и Ленинграда. Тепло встречают всюду старого друга нашей страны, которого его горячий интерес к советскому искусству в четвертый раз привел в Москву.

Жигмонд Кишфалуди-Штробль в Москве.

Фото Е. Умнова.

После школы—в колхоз

Выпускники пишут заявления с просьбой принять их в колхоз имени Ворошилова.

В актовом зале Подберезинской средней школы Великолукской области висит объявление: «Сегодня состоится вечер учащихся, посвященный выбору профессии». К назначенному часу со всех концов поселка к школе поодиночке и группами шли юноши и девушки.

Был здесь и председатель колхоза имени Ворошилова Дмитрий Львович Саливон. Он обратился к собравшимся:

— Идите в нашу сельхозартель работать. Нам нужны молодые грамотные люди. Давайте общими силами сделаем наш колхоз показательным хозяйством.

Ребята горячо откликнулись на призыв председателя. Первым подал заявление Петр Митрофанов. Он уже изучил трактор и прошлым летом самостоятельно работал на «Универсале». Такое же решение приняли Варя Моисеенко, Валя Гольнева, Люба Арсентьева, Варя Иванова, Мария Васильева, Николай Капитонов, Валя Кузьмин, Василий Соловьев.

...Через два дня состоялось заседание правления сельхозартели имени Ворошилова. Всех выпускников единогласно приняли в члены колхоза. Общее собрание утвердило решение правления.

В колхозе готовят достойную встречу молодым труженикам полей и ферм. По решению правления им отводится под общежитие два дома.

Н. ИСАЕВ

К ЗАПАДУ И К ВОСТОКУ ОТ КОЛОМБО

КОЛОМБО

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

В середине июня в столице Цейлона — Коломбо проходила сессия Всемирного Совета Мира. Представители разных народов обсуждали там то, что сейчас больше всего волнует человечество: как уберечь мир от ужасов атомной войны.

В те дни мне довелось беседовать с жителями столиц, расположенных к западу и к востоку от Коломбо...

1

Обычно бирманец У Тейн Маунг дежурит на своем велокэбе на набережной возле Стрэнд-Отеля в Рангуне. Завидев одинокого человека, он легонько позванивает и направляется к нему, предлагая подвезти за недорогую плату. Там, на набережной, мы с ним и встретились.

— Я не очень хорошо умею читать, многие важные события мне неизвестны. Но у меня много друзей, и мы часто, ожидая седоков, беседуем о том, о сем. А уж о войне и мире мы говорим очень часто. В этом вопросе мы все думаем одинаково. Очень правильно, что на Цейлоне собрались хорошие люди, чтобы позаботиться о мире. Мы здесь считаем так, что самый лучший способ избавиться от войны — это уничтожить вооружение и прежде всего атомную бомбу. Но это еще не все. Есть еще одна вещь, которую надо очень быстро решить нам всем: надо убрать из всех государств иностранных солдат. Мы слышали, что произошло недавно на китайском острове Тайвань. Если бы мне попался тот американский солдат, который убил китайского рабочего, я разорвал бы его собственными руками! Мы очень сочувствуем китайцам и понимаем их возмущение. Выгнать надо всех этих американских солдат: без этого не будет мира. Может быть, те люди, что собрались в Коломбо, помогут этому...

2

За тысячи километров от бирманца У Тейн Маунга живет итальянец Рем Дирокко. Он не рикша, а продавец фруктов в маленькой уличной лавчонке в Риме, не буддист, а католик. Но вопросы, обсуждавшиеся в Коломбо, волнуют его не меньше, чем У Тейн Маунга. У него тоже есть своя программа достижения мира. Она похожа на ту, что мы слышали на рангунской набережной возле Стрэнд-Отеля.

— Давайте запретим атомную бомбу — это прежде всего! — восклицает Рем, не задумываясь.— И, конечно, чтобы никаких испытаний! Второе: пусть каждый живет в своем доме и ходит в гости, только если его приглашает хозяин. Я лично не хочу, чтобы в мой дом пришел кто-то, поселился бы в моей кладовой, ел бы мой хлеб и за это обещал бы защищать меня от нападения соседа. Нет! Я предпочитаю сам есть свой хлеб и, если нужно, сам защищаться от врагов. Тем более, что я не очень-то верю, что соседи собираются нападать на меня: у них своих дел по горло, им нужно свой хлеб собирать.

Меня зовут Рем. В древние времена одного младенца с таким же именем убил его брат Ромул, чтобы основать город Рим. Я не хочу, чтобы эта история повторилась. Если найдется на свете новый Ромул, я ему скажу: давай, брат, жить в мире. Давай строить город вместе. А не хочешь вместе,— строй отдельно. Построим два красивых города. Ну, а уж если он ни того, ни другого не захочет, придется с ним поговорить серьезно. Ведь Рем уже не младенец, он может не только с фруктами возиться... Кстати, попробуйте черешню, сеньор! Свежая черешня. И не дорого. Из собственного сада. Попробуйте...

3

Ректор Рангунского университета, ученый с мировым именем, доктор Хтин Аунг беседовал с нами в перерыве между экзаменами. Одним из важнейших международных событий за последнее время он считает сессию Всемирного Совета Мира в Коломбо.

— От Бирмы на эту сессию поехала большая представительная делегация. Среди ее членов — профессор математики нашего университета У Аунг Хла. Особенно важно, что впервые такая сессия состоялась в Азии. Да и как может быть иначе! Ведь ни один серьезный человек не может себе представить разрешения хотя бы одного международного вопроса без участия азиатских стран и в особенности без Китайской Народной Республики.

Последние события на Тайване показали, как опасно для дела мира то, что некоторые страны имеют военные базы на чужих территориях. Это касается не только Тайваня, но и Греции и Японии. События на Тайване не пройдут бесследно. Они нашли отклик во всем мире. Я лично считаю, что на Тайване существует оккупационный режим. А мы, бирманцы, прекрасно знаем, что такое оккупация. Мы в свое время много натерпелись от японских оккупантов, от гоминдановских захватчиков. Всякая иностранная оккупация приносит страдания народу. Поэтому я считаю, что главным путем решения проблем мира в Азии должен быть вывод иностранных войск с территории азиатских государств. Да и не только азиатских...

4

Фаусто Рануччи мы встретили сидящим с газетой в руках около старой римской афиши.

— На ваш вопрос не легко ответить. Я не дипломат. Я торговец с площади Порта Маджиоре, дом двадцать. Торгую пуговицами, бритвенными лезвиями, немножно фруктами, кофейными зернами,— в общем, чем придется. Но вот что я вам скажу: я очень хочу мира! Может быть, даже больше, чем иной министр иностранных дел. И это хорошо, что вы интересуетесь моим мнением. Потому что одни министры иностранных дел самостоятельно, без нашей помощи мало чего добьются. Вот бы собраться всем торговцам бритвенными лезвиями, пуговицами, кофейными зернами и обсудить, как сохранить мир! Честное слово, неплохо бы получилось. Смотришь, и мы что-нибудь умное придумали бы. Представляете, если вдруг объединятся, например, торговцы цветами во всем мире! У них же самая мирная профессия на земле: им нужно, чтобы юноши ухаживали за девушками, чтобы были свадьбы и рождались дети. Тогда без цветов не обойдешься. Но все это бывает только в мирное время. Я слышал, что устраивались такие конгрессы, не торговцев цветами, конечно, а всех, кто хочет мира. По-моему, это хорошее дело. Я не дипломат, но мне кажется, что сейчас дела идут лучше, чем зимой, вроде бы потеплее стало. Вот как раз и время всем нам собраться, поговорить... Вы не знаете, там, в Коломбо, об этом разговоров не было?..

5

Продавец газет Доу Уд живет к востоку от Коломбо, в Рангуне.

— Многие думают, что сейчас в мире — мир. А я считаю, что идет война. Самая настоящая. Потому что испытания атомных бомб — это и есть война. Сколько уже людей погибло от этого! А сколько людей может погибнуть! У меня есть маленькая дочь. Могу ли я быть уверенным, что она вырастет здоровой, если не прекратятся испытания атомных бомб? Я не только продаю газеты, но и читаю их. Я знаю, что в Коломбо как раз говорят об этом. Нужно прекратить невидимую войну! Это хорошо, что в Коломбо думают точно так, как я...

6

Рабочий Сальваторе Паппалардо живет к западу от Коломбо, в Риме. Он не очень силен в политике, в газетах предпочитает просматривать лишь спортивную хронику. Но у него тоже существует твердое мнение насчет мира и войны.

— Мне нужен мир, чтобы работать и жить. Я прекрасно знаю, что начнись война—таких, как я, первыми погонят на фронт погибать. Нет, не думайте, что я трус и дрожу за свою шкуру. Если надо сражаться за независимость родины, как это делали наши отцы, борясь с фашизмом, я пойду добровольцем. Но воевать за чужого дядю?.. Дьявол меня побери, если я соглашусь на это! Вы хотите узнать, каков, по моему мнению, путь к миру? Надо разоружаться. Это самое надежное. Тогда не может быть агрессора. Верно? Но это, видимо, произойдет постепенно. А вот что надо сделать немедленно — запретить атомную бомбу!..

Есть, к сожалению, еще люди на земле, которые далеки от Коломбо не только географически. Но таких меньшинство. Среди них нет уличных продавцов фруктов, нет рикш, среди них не встретишь настоящих ученых, торговцев пуговицами и бритвенными лезвиями, нет между ними продавцов газет, нет токаря с завода. Как ни велики географические расстояния, все честные люди душой рядом с теми, кто совсем недавно, собравшись в городе Коломбо, вместе отыскивали пути для того, чтобы всему человечеству избежать новой войны.

г. Рангун — Рим.

В кабардинском театре

Гортанный кабардинский язык, богатый шипящими звуками, звучит непривычно для слуха русского зрителя. Но мы с первого взгляда на сцену узнаем гоголевского городничего — чванного и трусливого бурбона, живое олицетворение российской чиновной среды времен Николая Палкина. Таков Антон Антонович Сквозник-Дмухановский в исполнении артиста М. Сонова. В образе этом нет нарочитости, гротеска. Городничий Сонова — живой человек, со множеством характерных бытовых черточек. Уверенно, непринужденно ведет и роль Хлестакова заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР Т. Жигунов. Скользящая, танцующая походка, манеры, интонация голоса, каждый взгляд, каждый жест заставляют вспомнить бессмертную авторскую характеристику этого персонажа: «приглуповат... без царя в голове», «...говорит и действует без всякого соображения»...

Во множестве остроумных мизансцен переданы нравы уездного захолустья. Спектакль русской классики на кабардинском языке — своего рода экзамен творческой зрелости. Коллектив Кабардинского государственного драматического театра во главе с постановщиком спектакля, главным режиссером Г. В. Моисеевым выдержал этот экзамен с честью.

Большой путь развития прошел театр за двадцать лет своего существования. Начав творческую жизнь в самодеятельных кружках, актеры его получили затем образование в Москве под руководством видных мастеров русской сцены.

Три спектакля, показанные недавно в Москве, свидетельствуют о высоком мастерстве коллектива театра. Драматическая поэма З. Аксирова «Даханаго» воссоздает древнюю народную легенду. В бытовой комедии «Семья Тамаши», написанной артистом театра М. Шхагапсоевым,— будни колхозной деревни. Историческая драма А. Шортанова «Навечно» повествует о совместной героической борьбе русского и кабардинского народов против турецких и татарских завоевателей и о добровольном присоединении Кабарды к России.

Когда смотришь эти разноплановые спектакли, вновь и вновь радуешься разносторонним дарованиям актеров, их исполнительскому мастерству.

С. ТИМОФЕЕВ

Заслуженная артистка Кабардино-Балкарской АССР Б. Сибекова в роли доярки Жан («Семья Тамаши» М. Шхагапсоева).

Народный артист Кабардино-Балкарской АССР М. Тубаев в роли князя Темрюко («Навечно» А. Шортанова).

Фото С. Фридлянда.

«Даханаго» З. Аксирова. Пастух Джаримес — Х. Товкуев и его невеста Казибан — К. Эркенова.

МАРШРУТ НА ЦЕЛИНУ

Тракторист Буруктальского зерносовхоза, что в Чкаловской области, Николай Тихонов написал своему дружку, студенту Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства Виталию Баженову: «...за прошлый год получил премию около 3 тысяч рублей, а наш комбайнер Леша Петров награжден орденом Ленина. Снега в этом году надуло много, и, наверно, урожай опять будет большой. Приезжай на уборку, ждем тебя и, как в прошлом году, вместе поработаем вовсю на нашем тракторе...».

И Виталий снова собирается в дорогу так же, как и сотни его товарищей по институту. Свыше пятисот студентов института усиленно готовятся к поездке на целину. Многие из них уже «ветераны» целины, награждены грамотами и значками ЦК ВЛКСМ. Те, кто в прошлом году работали грузчиками, поварихами, копнильщиками и разнорабочими, сейчас едут уже дипломированными комбайнерами и трактористами.

Каждый день по дорожкам, огибающим здание института, урча мотором, кружит комбайн. Заполнена молодежью и лаборатория. Это работают организованные факультетом механизации «целинные» курсы: и студенты и педагоги находят время для такой внеплановой учебы даже в кипучие дни летней сессии.

Успешно сдаются институтские экзамены, отлично прошли и испытания на курсах механизаторов. Впереди огромные просторы целины. Доброго пути!

С. ФРИДЛЯНД

Этот снимок сделан в 1956 году в совхозе Буруктальском. Тракторист Николай Тихонов (слева) и студент Виталий Баженов (в центре).

Кандидат технических наук Михаил Павлович Новиков проводит со студентом Александром Романовым контрольные испытания на право вождения комбайна. Ждут своей очереди Виталий Баженов, Тамара Ларионова, Нина Бекасова и Михаил Кострюков.

Каждый из этих студентов может предъявить новенький аттестат на звание комбайнера.

Фото автора.

ПОРТРЕТ ГАРИБАЛЬДИ

Рассказ

Рената ВИГАНО

Дорогие друзья из «Огонька»!

К стопятидесятилетию со дня рождения Джузеппе Гарибальди, которое мы отмечаем 4 июля, посылаю вам рассказ о партизанской борьбе в Италии во время второй мировой войны, о гарибальдийских традициях. Эта тема мне особенно близка, так как и мне пришлось партизанить в долине Комо и в Романье, где поныне живы воспоминания о Гарибальди: именно здесь он отбивался со своими людьми от наседавших австрийцев. Его пребывание в этом краю запечатлено в названиях некоторых населенных пунктов: это порт Гарибальди, где он высадился со своими людьми, и Анита — поселок, названный так в честь его жены, там скончавшейся. Во всех семьях этого края передается стариками из уст в уста великая гарибальдийская эпопея, дух которой возродился в партизанской борьбе второй мировой войны. В этом рассказе мне хотелось поделиться воспоминаниями о движении Сопротивления, развернувшемся на нашей земле, о простых, бесхитростных людях, которые пожертвовали тогда жизнью за свободу Италии.

Именно здесь началось весной 1945 года большое наступление гарибальдийских партизанских отрядов; здесь они прорвали фронт у Альфонсине, сметая последние укрепления гитлеровцев в Италии. Этот славный поход гарибальдийских отрядов оказал большую помощь англо-американским войскам. Гарибальдийцы спасали фабрики и машины, охраняли беззащитное население, восстанавливали порядок, возрождали из развалин нашу родину. При неустанной помощи Коммунистической партии Италии, отдавшей лучших своих бойцов в гарибальдийские отряды, партизанская борьба была доведена до победы.

В эти дни, когда весь мир вспоминает бессмертный патриотический подвиг Джузеппе Гарибальди, я хочу еще раз сказать, что питаю братские чувства к Советскому Союзу и всегда вспоминаю о нем с глубокой приязнью и взволнованностью.

Ваш преданный друг
Рената ВИГАНО

Марио вскочил на велосипед и приветственно помахал рукой стоявшему на мосту товарищу.

Был тихий час майского заката, и отблески его горели в окнах домиков, разбросанных среди полей. В этот час, когда тихая долина вся отливала зеленью и золотом, а с болот поднималась мирная дымка тумана, казалось невероятным, что идет война.

Марио быстро спускался по склону, шурша изношенными шинами. Шоссе было серым и пустынным. Он смотрел на асфальт и узнавал в нем каждую трещинку: дорога была ему знакома, как пол в собственной комнате.

Он думал о вчерашнем трудном дне (он выполнял одно рискованное задание) и о многих трудных днях, которые еще предстоит пережить, пока медлительные войска англичан и американцев доберутся до севера Италии, занятого немцами и фашистами.

И он запел, нажимая в ритм на педали: «Тихо, тихо, тихо едут, и как знать, когда приедут!» Так незаметно он добрался до дома, затормозил и спрыгнул с велосипеда.

Внезапно сверкнула молния. Он услышал гром, и сознание его померкло. Марио упал ничком, вытянув руки, повалив на дорогу велосипед. Он лежал неподвижно, уткнувшись лицом в ступеньку лестницы своего дома. Тишина, тяжелая, как свинец. Потом из дома выбежали люди. Одна женщина громко закричала, остальные в ужасе ломали руки. Но на дороге появились вооруженные люди с застывшими лицами, с руками на спусках автоматов. Хрипло команду «Ррр-азой-дись!», они быстро рассеяли маленькую толпу.

Люди разошлись. Это были старики и дети. Их увели женщины. Осталась одна, она все кричала, распростершись у тела, не дотрагиваясь до него, закрывала руками лицо, потом смотрела и снова кричала все громче и громче.

— Хватит! — раздался голос.

Командир отряда подошел и толкнул ногой мертвое тело. Он толкнул и женщину; она вскочила, ударила кулаком по серому сукну мундира, вцепилась в черную материю рубашки.

Он отшвырнул ее к стене и приказал:

— Переверните его!

Марио подняли за плечи, по асфальту растеклась большая лужа крови. Голова его не была задета, но измазанное кровью лицо казалось изуродованным. Труп грубо подтащили к дому, и двое с автоматами уселись на ступеньке.

— Сидите смирно и не смейте выходить! — крикнул командир, подняв голову к окнам дома. — А женщину убрать!

Чернорубашечники подняли ее бессильно обвисшее тело, дверь открылась, и чьи-то руки втащили женщину в дом. Сухо прозвучало: «Марш!», — и отряд удалился. Проходя, последний столкнул ногой велосипед в ров.

Вечер был темный и прохладный. Из дома едва доносились тихие стоны и плач. Но еще долго слышался топот вооруженных людей, которые удалились, твердо отбивая шаг, — они подражали немецким солдатам. Были тогда люди в Италии, которые говорили, как немцы, вели себя, как немцы. Это были итальянские фашисты.

В соседнее селение известие о случившемся принес мальчик. Он убежал через заднее крыльцо и спрятался в поле. Когда совсем стемнело, он соскользнул с обрыва к реке, пробежал по железнодорожному мосту и добрался до дома друзей.

Он постучал в дверь, как было условлено. Она быстро открылась. Семья сидела в кухне при свете свечи. Все глядели встревоженно: в деревне слышали стрельбу.

— Они убили Марио, — сказал шепотом мальчик.

Женщина подала ему стул, и он сел, положив локти на стол и склонив голову, будто засыпая.

Пожилой человек, сидевший у камина, встал, прошелся несколько раз по комнате, остановился и погладил мальчика по голове.

— Немцы?

Мальчик резко поднял голову. Глаза его были полны слез.

— Нет, не немцы, — пробормотал он, — это были фашисты, «черные». Среди них был Эрос Мазино из нашей деревни.

Парень, сидевший у стола, плюнул, застонал и крепко сжал кулаки.

— Тише! — приказал пожилой. — Надо что-

Фотография из старого альбома

Перед нами старинный альбом русского сановника: в напыщенных позах застыли короли и королевы, владетельные князья, принцы всех мастей и национальностей... И вдруг с одного из тяжелых листов глянуло простое, «мужицкое», бородатое лицо, такое спокойное и величавое, знакомое еще с детства. Сомнений нет, тут же на снимке его стремительная подпись: «Д. Гарибальди». Как же попал он сюда, в этот паноптикум королей Европы? Может быть, потому, что в Англии его назвали «некоронованным королем» Италии? Но это неправда: известно, что после того, как он освободил родину от иноземцев, Гарибальди, не заняв никаких должностей, вернулся к простой жизни... «Я не солдат, — говорил Гарибальди соотечественникам, — и не люблю солдатского ремесла. Я видел мой отчий дом, наполненный разбойниками, и схватился за оружие, чтоб их выгнать... Я работник, происхожу от работников и горжусь этим».

Так как же попал в альбом этот портрет?

Лицейский приятель А. С. Пушкина — «питомец мод, большого света друг, обычаев блестящий наблюдатель... приятный льстец, язвительный болтун, по-прежнему остряк небогомольный» — князь А. М. Горчаков был известен в шестидесятых годах в Европе не только как министр иностранных дел России, но и как страстный собиратель автографов и портретов государственных деятелей, художников, композиторов, ученых и артистов всех стран. Одним из людей, которые помогали Горчакову пополнять эту удивительную коллекцию, был лучший фотограф того времени — С. Л. Левицкий. Его работы широко представлены в альбомах канцлера, начиная от фотопортрета вождя горцев Шамиля (с дарственной надписью самого Шамиля Горчакову) до портретов членов Северо-Американской миссии, прибывшей в Петербург в августе 1866 года.

Даже став с помощью Горчакова придворным фотографом, Левицкий не порывал своих связей с кругами русской и польской революционной эмиграции в Лондоне (Левицкий приходился двоюродным братом А. И. Герцену). Этим и объясняется, что в коллекцию канцлера попали многие документы людей противоположного лагеря, людей, боровшихся с царизмом. Так очутилась в горчаковском собрании подлинная записка А. И. Герцена к Левицкому с просьбой переснять портрет английского философа и историка Г. Т. Бокля. Несомненно, через Левицкого же перешли в альбом канцлера запрещенные в России портреты А. И. Герцена и Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и стрелявшего в Александра II Д. В. Каракозова.

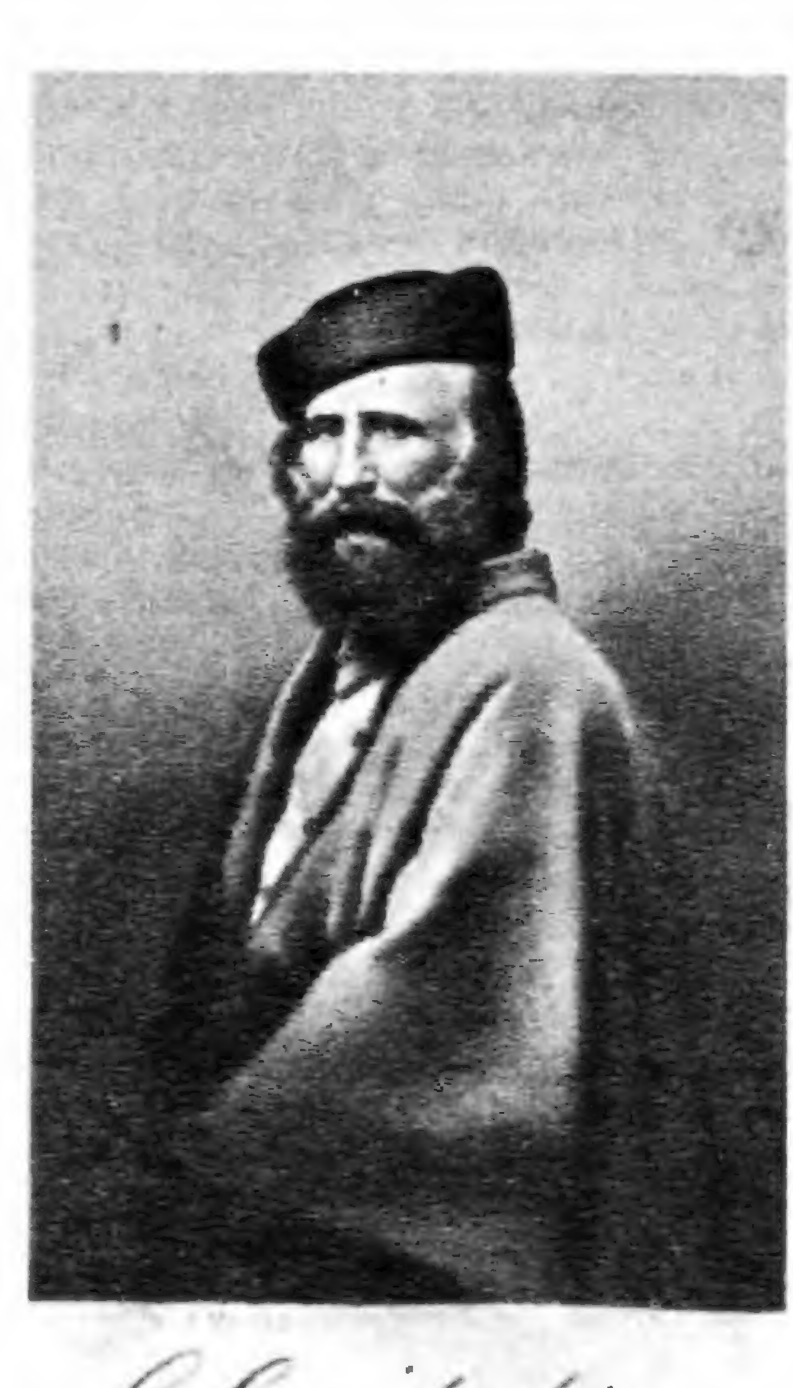
Публикуемый портрет Гарибальди снят, судя по костюму, весной 1864 года: в этом плаще герой итальянского народа приезжал в Лондон. Гарибальди снят, вероятно, во время его остановки в Париже в фотографии Дурони и Мурер. В это время Левицкий тоже жил в Париже, где имел собственное фотоателье. Туда же в этом году приезжал и Горчаков, сопровождавший в Ниццу императорскую семью.

В Лондоне Гарибальди встречался с Мацциии, Герценом и Огаревым. Герцен, которого связывала с Гарибальди давняя дружба, описал эту встречу в «Былом и думах», где дал словесный портрет великого итальянца, во многом дополняющий впечатление от приводимого здесь фотоснимка: «... на нем была красная шерстяная рубашка и сверху плащ, особым образом застегнутый на груди... Все это к нему необыкновенно шло, особенно его плащ.

Он гораздо меньше изменился в эти десять лет, чем я ожидал... Каждая черта его лица, вовсе неправильного и скорее напоминающего славянский тип, чем итальянский, оживлена, проникнута беспредельной добротой, любовью... То же в его взгляде, то же в его голосе, и все это так просто, так от души... Но одной добротой не исчерпывается ни его характер, ни выражение его лица; рядом с его добродушием и увлекаемостью чувствуется несокрушимая нравственная твердость и какой-то возврат на себя, задумчивый и страшно грустный».

Публикуемый портрет итальянского революционера хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве.

М. МЕДВЕДЕВ

то делать, а то они нас всех переловят, как мышей.

Он повернулся к юноше:

— Армандино, сегодня ты будешь спать на сеновале. Спрячешься в соломе и не выйдешь, пока я не позову. А вы, Дженовеффа и Дебора, когда кончится ночь, пойдете туда, куда я укажу.

Он замолчал: его жена Нина заплакала, отвернув лицо.

— Что ты? Плачешь? Забыла, как несла знамя во время забастовки батраков?

— Ты же знаешь, Брандо, я не за себя боюсь. Сердце болит за сыновей.

— Я пойду,— сказал мальчик, поднимаясь. Он, казалось, жалел, что принес сюда это известие.

Мужчина остановил его.

— Мать знает, что ты здесь? Тогда ступай с Армандино на сеновал. Теперь тебе нельзя возвращаться домой. Завтра утром я провожу тебя.

Брандо провел ночь без сна. Лежавшая рядом жена тоже не сомкнула глаз. Они не обмолвились ни словом. Когда первый луч света забрезжил в окне, они вместе сошли в кухню, как делали это в дни летней страды. Нина наскоро приготовила завтрак. Потом Брандо дал каждому поручение.

Дженовеффа и Дебора отправились на велосипедах к шоссе. Обе были молоды, схожи лицом, как близнецы, у обеих были черные глаза и загорелая кожа. Девушки ехали и пели.

Нина вышла на ток, насыпала кукурузы курам и, стоя у молотилки, вглядывалась в даль полей, в полотно дороги: все ли там спокойно?

Солнце взошло в ясном небе. Было тихо. Даже из селения не доносились голоса.

— Так,— сказал Брандо. Он посадил мальчика на раму велосипеда и довез его до перекрестка на шоссе — оттуда было недалеко, через кусты тамариска, до дома.— Иди осторожно, чтобы тебя не видели. Узнай, там ли еще «черные». Постарайся увидеть слесаря Тонио и скажи, чтоб он позднее заглянул ко мне.

Брандо быстро отъехал, обернулся и кивнул мальчику. Он чувствовал себя легким и сильным, как много лет назад, когда за ним охотилась фашистская свора.

Целые сутки лежал Марио там, где его настигла пулеметная очередь, лежал всю ночь, обратив лицо к звездному небу, весь день под палящими лучами солнца. «Черные» были глухи к просьбам жены, матери. У дома стояли люди с оружием,— никто не смел прикоснуться к телу.

По дороге проходили люди. Они кричали фашистам: «Вон!» Но их было немного, этих людей, — только женщины, старики, дети, — для них это было не так опасно.

Все знали, что труп Марио оставлен на дороге не только для острастки. Фашисты хотели заманить сюда отчаявшихся людей, устроить внезапную облаву, отобрать здоровых мужчин, отправить в концлагерь, на принудительные работы, на верную смерть.

Только к вечеру, в тот час, когда зелень изгороди стала влажной и потемнела, когда протянулись длинные тени под косыми лучами, чернорубашечники поднялись, взяли автоматы на перевес и двинулись из селения. Один шел задом, направив автомат на дорогу и дома.

Марио подняли, внесли в дом, обмыли засохшую кровь на лице и в волосах, надели на него воскресное платье.

Марио был молод, добр и любим в семье. Он был вожаком здешних антифашистов; его знали все в округе, где теперь формировался гарибальдийский партизанский отряд.

Утром в селениях, на хуторах, в деревнях, во всех домах узнали о смерти Марио. Это была искра, брошенная в сухую солому. Это было как пожар в степи: огонь вспыхивает в одном месте, пробирается дальше, бежит, сворачивает в сторону, кружит, возвращается, чтобы вспыхнуть с новой силой в куче сухого хвороста, понемногу разгорается в огромное пламя, из которого уже трудно выйти невредимым.

По дорогам ехали люди на старых велосипедах, на которые не позарятся даже немцы. Но и старые, изношенные шины вращались быстро под напором сильных ног — нужды нет, что капли пота выступали на лбу и щеках.

Важно, чтобы дело было сделано, остальное не в счет, говорили мужчины и женщины в каждой семье. «Остальное» могло быть смертью.

Днем из кухни вынесли стулья, и на стол поставили гроб с телом Марио. Проститься пришли все: старики, женщины, дети и мужчины, даже те, кому грозило попасть в заложники. В этот весенний день на залитых солнцем дорогах, в насторожившихся поселках, среди людей, приглушенно разговаривавших на перекрестках, не видать было фашистов и немцев. Они засели в казармах и в клубах, играли в карты, пили, стараясь сделать вид, что ничего не произошло.

Брандо успел вернуться домой до затемнения. Все снова собрались в кухне, заперли дверь, завесили окна.

— Так! — сказал Брандо и уселся у стола. Все смотрели на него выжидательно. Он улыбнулся. Это была широкая улыбка на морщинистом лице старого крестьянина.

— В долине партизаны,— сказал он.— Мы сколачиваем гарибальдийский отряд и назовем его именем Марио.

Он отрезал большой ломоть хлеба и принялся спокойно жевать. На ужин было жаркое из кролика, и Нина начала накладывать мясо на тарелки.

— Ты тоже пойдешь в отряд, Армандино,— вдруг сказал Брандо. — Там, по крайней мере, люди дело делают. А здесь умирают, не зная за что.

— Хорошо, отец,— ответил Армандино, а мать и сестры кивнули головой в знак согласия.

— И вы,— повернулся Брандо к дочерям.— Для вас тоже будет дело: там нужны одеяла, кровати, еда...

Он замолчал и задумался.

— Завтра я пойду к Элиджо,— заговорил он снова и замолчал. Жена глядела на него в изумлении.

— Этот и слышать не захочет, я его хорошо знаю! — воскликнула она.

Брандо поднялся, обнял за плечи жену и ответил:

— Не бойся, я знаю, как надо говорить с Элиджо. С ним и со многими другими.

Дженовеффа и Дебора тихо перешептывались и смеялись. Потом Дебора подтолкнула локтем сестру и выпалила:

— А Джанна, дочь Элиджо, с нами. Я это наверно знаю: вчера я сама видела, как она несла еду парням, тем, которым приходится скрываться.

Молодые итальянские антифашисты, сражавшиеся в одном из партизанских отрядов.
Фото 1944 года.

— Так! — отрезал Брандо, взял уголек из камина и с наслаждением окутался дымом трубки.

На заре он катил на велосипеде к своему приятелю Элиджо. Они дружили с детства, росли вместе, но потом разошлись из-за политики. Элиджо не искал осложнений в жизни, и когда в 1921 году фашисты избили до крови Брандо, он старался не показываться днем в селении, а навещал друга поздно вечером. Брандо лежал с распухшим глазом, в синяках, с кровоподтеками от ударов дубинкой. Они спорили, ссорились. Потом Элиджо помогал Нине менять повязки, и в конце концов друзья мирились.

— Здорово! — сказал Брандо, останавливаясь на пороге кухни.

Это была очень хорошая кухня, большая и удобная, с полом из плиток, газовой плитой и даже холодильником.

— Добрый день,— ответил без особого восторга Элиджо. Молча кивнула головой его жена Селена. Но тут Элиджо, видно, почувствовал неловкость, поднялся и сказал:— Входи, входи. Что это тебя так долго не было видно?

— Занят был,— ответил Брандо.— Но сегодня нужно поговорить с тобой.

Он выразительно посмотрел на Селену. Она взяла таз с мокрым бельем и отправилась во двор его развешивать. Но она то и дело поглядывала на мужчин в открытую дверь, следя за их взволнованными лицами.

— Партизаны. Гарибальдийцы,— слышала она голос Брандо. — Ты понимаешь, что значит гарибальдийский отряд?

Элиджо глядел на стену.

— Да, да, да! — горячился Брандо.— Гарибальди проходил здесь с больной, беременной Анитой и остановился подкрепиться вот в этом самом доме. И люди в долине все взялись тогда за дело. Разве ты не слыхал этого от деда? Слыхал? Ну, вот видишь. Твой дед был дома, когда здесь останавливался Гарибальди с Анитой.

Элиджо поднял голову, глаза его оживились.

— Твой дед,— продолжал Брандо,— пошел за Гарибальди, и мой дед, и много других наших стариков... Теперь надо спасать, что можно, и это должны сделать мы, сыновья и внуки гарибальдийцев. Враг наш тот же, во всяком случае, очень на него похож.

Говорил только Брандо, Элиджо слушал. Селена поняла теперь, почему он все смотрит на стену: там висел портрет Гарибальди, старая литография, она была здесь спокон веку.

Селена вошла в дом, и все уселись у стола.

— Что я должен делать? — спросил Элиджо после долгого молчания.

— Ты будешь прятать тех, кто не хочет надеть военную форму. Укроешь их в погребе, там ведь прячется от призыва твой Эрмес. Когда придет время, мы проводим их к партизанам. Нечего им отсиживаться месяцами в сыром погребе. Я буду посылать к тебе с вестями дочерей.

Он замолчал. В кухне было тихо. Каждый думал о словах, которые были произнесены, о делах, которые предстояло вершить.

— Откупорим бутылку,— сказал Элиджо жене,— и дай стакан Брандо!

Вино не веселило, но оно было выпито в знак восстановления дружбы.

— А еще я тебе скажу вот что, — неожиданно заговорил Брандо.— Твоя Джанна помогает держать связь с партизанами.

Элиджо и Селена, пораженные, смотрели ему в рот.

— Вам это покажется странным,— добавил Брандо.— Она маленькая, беленькая, хрупкая, зато храбрая.— Он взял из рук Селены наполненный стакан вина. Но не выпил его.— Наш гарибальдийский отряд мы назовем именем Марио. Пусть люди помнят, кто его убил. Пусть продолжают его дело.

Селена вытерла две слезинки, скатившиеся по лицу. Элиджо сказал:

— Приводи тех, кого надо... Хоть сегодня вечером. А когда они будут уходить в отряд, пусть с ними идет и мой Эрмес.— Он глотнул вина и отставил стакан. Видно было, что у него сжато горло.— Ты прав, Брандо, в погребе темно и сыро. Пусть идет на свет — с вами, в гарибальдийский отряд!

Перевела с итальянского Р. ЗАМКОВА.

В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Прегражденный плотиной Терек отдает часть своих вод Малокабардинской оросительной системе.

Фото С. Фридлянда.

Город Нальчик. Дом туриста.

горах Кабардино-Балкарии на высоте 2 800 метров расположен молибдено-вольфрамовый рудник. Здесь работают советские люди многих национально-
й. На снимке: заоблачные горняки — кабардинцы и русские — Никита Скоркин, Хамид Молов, Аркадий Парамонов, Михаил Домнич и Бегал Блаев.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА И СОРОК ЛЕТ

Т. МАЛЬБАХОВ,
секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС

Знаменательное совпадение: 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России мы отмечаем на сороковом году Великого Октября.

В жестокой и упорной борьбе отстаивал кабардинский народ свою независимость против султанской Турции и ее вассалов — крымских ханов. Только Русь могла надежно защитить кабардинцев, оттесненных захватчиками от Азовского побережья к предгорьям Кавказа. Обмен посольствами между Кабардой и Москвой в 1552—1557 годах завершился актом большой политической мудрости — кабардинский народ вошел в состав русской державы.

Тесные экономические и культурные связи с Россией оказали прогрессивное влияние на все последующее развитие Кабарды. Хоть и тяжек был для народов Северного Кавказа гнет царских наместников-колонизаторов, но наряду с Россией помещиков и дворян существовала еще Россия Радищева и Пушкина, Герцена и Чернышевского. К ней обращали свои надежды и чаяния свободолюбивые горцы, в ней видели друга и учителя.

Пример русского рабочего класса, руководимого большевиками, поднимал тружеников кабардинских селений на революционную борьбу в 1905—1907 годах. Накануне первой мировой войны 12 тысяч крестьян участвовали в известном Зольском восстании против местных князей и кулаков, захвативших общественные пастбища.

После победы Октября посланцы великого Ленина — С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе возглавили борьбу народов Кавказа против белогвардейцев и интервентов. Вместе с Красной Армией действовали горские партизанские отряды, которыми командовал Бетал Калмыков — впоследствии руководитель коммунистов Кабардино-Балкарии.

Во все периоды своей новой истории трудовые народы Кабардино-Балкарии движутся вперед рука об руку с русскими братьями.

В начале двадцатых годов, когда предгорья Кавказа были охвачены засухой, правительство Российской Федерации оказало срочную помощь голодающим. По решению ВЦИКа в Кабардино-Балкарию были направлены поезда с продовольствием, товарами, семенами, отпущены большие средства на мелиорацию и землеустройство.

Русские врачи энергично боролись с эпидемиями тифа, оспы, малярии. Русские инженеры изучали экономику, разведывали в горах полезные ископаемые. Русские учителя открывали первые кабардинские и балкарские школы. Русский алфавит лег в основу нашей письменности, созданной при Советской власти.

Рабочие-двадцатипятитысячники из Ростова-на-Дону и Донбасса вместе с большевиками Кабардино-Балкарии стали вожаками коллективизации в наших селениях. Заводы Ленинграда и Сталинграда дали нашим полям первые тракторы.

На стройке Баксанской гидростанции нам помогали московские метростроевцы. Видные архитекторы советской столицы, направленные Моссоветом, совместно с нашими специалистами занимались реконструкцией Нальчика.

Успехи индустриализации и колхозного строительства помогли преодолеть вековую отсталость кабардинской и балкарской народностей, способствовали формированию их в социалистические нации.

Когда грянула Великая Отечественная война, трудящиеся республики на фронтах и в тылу проявили себя стойкими советскими патриотами, верными защитниками Родины.

В послевоенные годы благодаря отеческой заботе партии и правительства, благодаря помощи братских народов Советского Союза республика не только залечила тяжелые раны, но и двинула далеко вперед все отрасли своей экономики.

И сегодня, отмечая памятную дату 400-летия, мы с особой гордостью подводим итоги советского периода нашей истории. Сорок лет — недолгий срок, но по своей значимости он далеко превосходит предыдущие три с половиной века...

Разве можно сравнить дореволюционные кустарные мастерские Кабарды с современной индустрией республики, которая ежегодно выпускает продукции более чем на полтора миллиарда рублей! Наш Тырныаузский комбинат дает значительную часть всего молибдена и вольфрама, добываемого в СССР. На заводах Нальчика создаются оборудование для нефтяной промышленности, точные автоматические приборы для цветной металлургии. Баксанская ГЭС обеспечивает энергией не только республику, но и частично Ставропольский край, Северную Осетию, Чечено-Ингушскую АССР. В шестой пятилетке промышленная продукция Кабардино-Балкарии возрастет почти вдвое.

Об индустриальном росте Кабардино-Балкарии говорит создание в республике своего Совета народного хозяйства. Новые принципы руководства промышленностью окрыляют наших рабочих, инженеров, хозяйственников смелыми творческими планами на будущее.

На подъеме находится и сельское хозяйство. На горных пастбищах пасутся стада крупного рогатого скота, тысячные отары овец и многочисленные табуны прославленных кабардинских лошадей. В долинах и степях возделывают пшеницу, кукурузу, цветут сады... В прошлом году доходы колхозов по сравнению с 1953 годом увеличились в два с лишним раза.

Минувшей весной в ответ на обращение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР труженики сельского хозяйства Кабардино-Балкарии приняли новые повышенные обязательства. И они успешно выполняются.

Кабардинцы и балкары, которые в царской России были почти поголовно неграмотны, теперь владеют обширной литературой на родных языках, 70 тысяч детей обучаются в школах, много юношей и девушек получают специальное образование в техникумах и училищах. Первый в республике вуз — педагогический институт, существующий уже 25 лет, преобразуется в Кабардино-Балкарский университет. Учителя и врачи, агрономы и инженеры, артисты и писатели составляют сегодня большой отряд национальной интеллигенции.

Наши успехи в культурном строительстве будут особенно наглядны, если привести для сравнения некоторые данные о странах зарубежного Востока. Среди кабардинцев и балкар давно нет неграмотных, а в Турции до сих пор 65 процентов населения не умеют читать и писать. У нас в республике один врач приходится на каждые 800 жителей, в Турции — на 8 940, а в Иране — на 11 333.

С глубоким удовлетворением воспринят в нашей республике закон, принятый шестой сессией Верховного Совета СССР, о восстановлении балкарского народа в правах автономии, которой он был временно лишен вражескими происками банды Берия. Все балкары, незаконно выселенные несколько лет назад из республики, возвращаются на родные земли, получая от государства помощь в строительстве жилищ, обзаведении хозяйством, трудоустройстве. Созданы новые балкарские колхозы, открываются балкарские школы, издается республиканская газета на балкарском языке.

Радостные дни переживают трудящиеся республики, празднуя 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России. Чувство горячей любви и сыновней преданности обращаем мы в эти дни к великой партии, чье ленинское знамя осеняет путь к коммунизму.

Русской сестре

Отрывок

Фоусат БАЛКАРОВА

Поднимая бокал в серебре,
С гор Кавказа, седых и высоких,
Шлю привет своей русской сестре
И равнинам далеким.

В кабардинскую землю вросли
Корни дружбы большой и сердечной,
Век за веком столетья прошли,
Стала дружба извечной.

И заботливо в сердце моем
Теплота этой дружбы хранится,
И согреты тем вечным теплом
В книге счастья страницы...

Перевел с кабардинского
Е. ЯШКИН.

ПО ДОРОГАМ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

С. МОРОЗОВ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Отполированный шинами асфальт шоссе пересекает равнину. Петляют каменистые тропы по склонам гор, белеющих вдали снеговыми вершинами. Тучи пыли плывут над скотопрогонами, истоптанными, избитыми множеством копыт.

Дороги Кабардино-Балкарии... За каждым крутым поворотом — новый пейзаж, новые красоты щедрой и разнообразной природы Кавказа. И всюду, куда ни глянь: в долинах под тенью садов, на знойном солнцепеке предгорий, в поднебесной прохладе альпийских лугов,— открываются картины труда советских людей, яркие приметы новой географии республики.

Такой Терек, какой увидишь сегодня, не описывали ни Лермонтов, ни Маяковский. Выйдя из гор на равнину, река замедляет стремительный бег и, встретив на пути плотину, отдает часть воды закованному в бетон каналу. Глубокий тоннель выводит терскую воду к полям, и там она растекается по множеству русел Малокабардинской оросительной системы.

Веками суховеи выжигали земли Малой Кабарды. Потому-то и звалось Неурожайным одно из крупных сел на правом берегу Терека. Теперь это село называется Урожайным. Богато плодоносят поля и сады, щедро напоенные влагой.

Где хорошо родит земля, там и скот сытый, упитанный, продуктивный. Неподалеку от Урожайного, в колхозе имени Маленкова, молочнотоварная ферма дала в прошлом году самые высокие надои в республике — 2 909 литров на фуражную корову.

— Добьемся первенства и в этом году,— уверенно говорит дояркам Римма Оразаева, та самая, которую недавно похвалил в Ростове на совещании Никита Сергеевич Хрущев.

Год назад Римма — студентка Орджоникидзевского сельскохозяйственного института — стала доить коров на ферме. Продолжая учиться заочно, она перешла на пятый курс. Хорошую практику, богатый опыт получает будущий зоотехник Оразаева на пастбище и на скотном дворе.

Богаты скотом колхозы республики. С начала лета до поздней осени горные луга пестрят стадами коров, конскими табунами, овечьими отарами. Одна из таких отар повстречалась нам на пути к альпийским пастбищам.

→

— Наша местная порода. Второе уж поколение растет,— говорит Додуша Махова — председатель колхоза имени Сталина. Ловко поймав барашка с толстым курдюком, она гладит его пушистую, мягкую шубу.— Кто скажет, что этому красавцу еще и полугода нет от роду?

Ягненок и впрямь хорош. Ростом, сложением, весом он почти не уступает взрослой овце. Уже несколько лет в Зольском районе разводят таких полутонкорунных овец. Впервые в колхозе имени Сталина был проведен зимний окот. За весну ягнята подросли, и с началом летнего выпаса их уже начинают стричь. Додуша Махова, первая кабардинская женщина — председатель колхоза, по праву гордится успехами своих односельчан.

Чтобы лучше сохранялась влага на полях, засеянных кукурузой, коноплей, подсолнечником, в колхозе «Красная Кабарда» применяют новую машину, сконструированную в республике,— культиватор с ротационными мотыгами.

Интересны, богаты впечатлениями встречи с тружениками земли. Но немало в Кабардино-Балкарии и людей, владеющих индустриальными профессиями.

На склонах крутой горы, увенчанной острым пиком Молибден, на высоте почти трех километров, познакомились мы с бурильщиком Беталом Блаевым, с его товарищами Михаилом Домничем, Аркадием Парамоновым, Хамидом Моловым, Никитой Скоркиным. Горняки только что вышли из шахты и, отдыхая, смотрели вниз, где в разрывах облаков виднелись плоские, как на чертеже, городские кварталы.

Тырны-Ауз — Долина ветров — зовется этот горняцкий город на дне ущелья. Многим заводам поставляет свою продукцию Тырны-Аузский молибдено-вольфрамовый комбинат, крупнейший в Советском Союзе. Геологи комбината продолжают разведку богатств здешних гор. На снимке — молодые специалисты И. Литвиненко и В. Веприцкая.

К самому центру города подступает тенистый парк, постепенно переходящий в лесной массив. За лесом, на живописных холмах, проглядывают из-за деревьев санаторные корпуса бальнеологического курорта Долинское. Более 18 тысяч человек отдыхают здесь каждый год, пользуясь минеральными водами, грязелечением.

В прошлом году гидрогеологи открыли в Долинском новый целебный источник. Мощной обжигающей струей бьет из-под земли вода температурой свыше 80 градусов, богатая хлоридно-натриевыми, йодисто-бромистыми солями.

Спору нет, великолепны окрестности Нальчика. Но еще красивей, богаче природа в горах, там, куда каждое лето устремляются туристы, где круглый год трудятся ученые.

В заросшей соснами лощине Терскол, меж заснеженных склонов Главного Кавказского хребта и массива Эльбрус, раскинулся поселок Института прикладной геофизики Академии наук СССР — главная база высокогорной комплексной экспедиции.

В Терсколе создана большая лаборатория для изучения облаков, исследования снежных лавин, для ведения многих интересных работ по геофизике.

Мы засняли инженера И. В. Молоканова, когда он проверял градиентную установку, служащую для измерения температуры и влажности воздуха, скорости и направления ветра на различных высотах.

От главной базы экспедиции, расположенной в 2 200 метрах над уровнем моря, еще дальше, на километры ввысь, расходятся тропы к научным станциям и походным лагерям ученых. По такой крутизне не пробраться ни вездеходу, ни коню. Грузы и аппаратуру сюда доставляют на яках. Вот они, переселенные на Кавказ уроженцы Тибета, неутомимые путешественники по горам. Впрочем, нет, из трех яков, запечатленных на снимке, один — самый крупный — родился здесь, под Эльбрусом, чья двуглавая снежная вершина сверкает вдали...

В ГОРНОМ КРАЮ

Алим КЕШОКОВ

Дар дружбы

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец...».
Лермонтов
(«Дары Терека»)

Без винтовки, без кинжала
Я пустился утром в путь.
И кольчуга, как бывало,
Не обтягивала грудь.

И от горного подножья
Взяв подъем на перевал,
Не искал я бездорожья,
Встреч с людьми не избегал.

Был ночлег мой не тревожен:
Я не думал о враге,
И оседланную лошадь
Не привязывал к ноге.

Появляясь на утесах,
Где клубились облака,
Я горянок длиннокосых
Не пугал у родника.

Не спешил никто в ауле
Боевой подать сигнал,
Самодельной горской пули
В грудь мою не посылал.

Здесь напомнит лишь о давнем
Песня старая порой,
Пули след на черном камне
Да могила под горой.

Я рассказывать не стану,
Кто зарыт в ней и когда...
Нынче к брату Дагестану
Ходит в гости Кабарда.

Сдвинем чарки! Эту дружбу
В полный голос я пою,
Сердце ей свое на службу
До кровинки отдаю.

Секретные стихи

Я вспоминаю случай тот,
Как будто пью касторку...
Нашел я деньги у ворот —
Чуть смятую пятерку.

— Что мне купить! —
возник вопрос.—
Его решить легко ли!
— Давай мы купим папирос,—
Сказал приятель в школе.

Я, с другом честно поделив
И курево и спички,
Пришел домой и, задымив,
Закашлял с непривычки.

Тут, как на грех, явилась мать.
Сдержал я кашель чудом
И юркнул быстро под кровать,—
Ни жив ни мертв лежу там.

Боюсь, чтоб мать не начала
Домашнюю уборку.
Вдруг слышу:
— Как же так могла
Я потерять пятерку!

Купить для лампы керосин
Хотела по дороге:
Ведь в темноте не может сын
Учить свои уроки...

Я сжал окурок и едва
Не вскрикнул от ожога,
Но мамы грустные слова
Сильнее жгли намного.

Хоть вскоре зажила рука,
Но я стихи вот эти
От мамы до сих пор пока
Еще держу в секрете.

Перевел с кабардинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Тост

Кайсын КУЛИЕВ

Вовеки пусть не гаснет в доме нашем
Простой очаг, что мы зажгли теперь,
И пусть беда, чей лик знаком и страшен,
Не отопрет вовеки нашу дверь.

И пусть, коль будет радость мчаться к людям,
Обвалы путь не преграждают ей.
Пусть для врагов мы тверже стали будем
И мягче всех мы будем для друзей.

Пусть мы подружим, как вода с мукою,
Когда хозяйки делают чурек.
Пусть трусость будет нам всегда чужою,
А с мужеством сроднимся мы навек.

И пусть хлеба́ настолько густо встанут,
Что и змея не проползет сквозь них.
Пусть наши изреченья люди станут
Века хранить в пословицах своих.

И самой крупной трудностью народа
Пусть будет радостный прием гостей.
Как наши горы, вечно пусть свобода
Стоит неколебимей крепостей!

Перевел с балкарского
Н. КОРЖАВИН.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Повесть

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Дом был охвачен пламенем вызревшей рябины и осенних листьев.

Алексей Дённов очень обрадовался тому, что дом стоит на прежнем месте. Хотя дома преимущественно стоят на прежнем месте.

Он просунул два пальца за ремень, согнал назад мягкие складки гимнастерки и постучал. Всего три раза. Остальные тридцать три достучало сердце.

Но открыла не Таня. Дверь открыла Кирилловна — Танина мать, долговязая, сутулая старуха в очках. Она через эти очки долго разглядывала Алексея. Постарела, должно быть, старуха, если не узнает...

— Заходи, Алеша. Здравствуй, — сказала Кирилловна.

И тут же повернулась спиной, отошла к печи, углубилась в лохань со стиркой.

В комнату она Алексея не повела, и Алексей остался в кухне, присел к столу, застланному рыжей клеенкой, повесил фуражку на колено.

— Ну, как живете? — спросил он.

— Хорошо живем, — ответила старуха.

Она переложила белье из лохани в закопченную выварку и поставила все это вариться на печь. Оттуда тотчас повалили клубы серого пара, горького, как мыло.

— А Таня где же? — спросил Алексей.

— Придет скоро. На работе. Она до полвосьмого...

— Закурить можно? — сразу оживился Алексей и достал из кармана пачку «Севера».

— Нельзя, — сказала Кирилловна. — Нельзя у нас курить. — Она отерла руки фартуком, перевязала косынку, подошла ближе. — Ты, что же, отслужил свое?

— Демобилизован досрочно.

— А служил где?

— В Германии... — И заволновался: — Писем моих разве не получали? Таня разве не получала?

Кирилловна фартуком провела по клеенке, присела, пожевала губами.

— Ты вот скажи, как они теперь, немцы, смирные?

— Всякие есть.

— А живут не голодно?

— Нет. Сытно живут.

В смежной комнате зашуршало, пискнуло. Кирилловна поднялась и пошла. Котят завели, что ли?

В приоткрытую дверь Алексей увидел очень знакомый столик под кружевной салфеткой. На нем — узкая ваза с бумажными цветками, пузырьки и коробки. Овальное щербленое зеркало. В раму воткнута фотография.

Сразу в груди и горле потеплело. Алексей для верности пригляделся острее, но и без того все ясно: его портрет. Присланный первым письмом — погоны еще без ефрейторской лычки. Лицо смугло и светлоглазо. Узкий, отчеркнутый складкой подбородок, худые щеки. Жесткие вихры...

Алексей вынул расческу.

Тут снова зашла Кирилловна и спросила:

— А что, солдатам нынче зачесов не состригают?

— Разрешается.

— Красивше, конечно, — то ли одобрила она, то ли осудила. — Никакую немку там себе не завел?

— Нет... — От такого подозрения щеки Алексея потемнели. И он добавил: — Там строго.

— Ну и хорошо, когда строгость! — осердясь вдруг, загремела кочергой в печи Кирилловна.

В соседней комнате опять зашевелилось и запищало. Старуха швырнула кочергу, пошла туда.

«Не в духе, значит».

На крыльце застучали каблуки. Визгнула обитая изнутри войлоком дверь. И вошла Татьяна. Таня.

С первого шага она как будто рванулась к нему. Большущие зеленые глаза засияли. Встрепенулись по-птичьи руки с расставленными пальцами. Раскрылись губы.

— Алешка!..

Второй шаг был короток, от ноги к ноге, — и запнулась. Руки отпрянули, сробев. Резкие борозды пошли над бровями, и потухли глаза.

Алексей встал, уронив фуражку, ожидая третьего шага.

А третий Танин шаг был спокоен и тверд. Глаза уже прямо, с дружеской лаской смотрели в его глаза. Протянулась рука.

— Здравствуй.

И Алексей увидел то, что так любил видеть: как отражаются ресницы в Таниных глазах; почти ощутил на губах шелковистость ее щек; ноздри уловили знакомый, яблочной свежести запах, который всегда был с ней.

(«Чудак-человек, — не раз смеялась Таня, когда он расспрашивал об этом запахе. — Я же в карамельном цехе работаю!..»)

Так они постояли, не разнимая рук, секунды две или больше. Потом Таня отняла руку и стала торопливо стаскивать с себя шелестящий, молочного цвета пыльник.

— Погоди. Я сейчас, — сказала она.

И пошла туда, в комнату.

Алексей уселся на прежнее место. Теперь он мог ждать сколько угодно. Таня была здесь, рядом. Ее давно, целых два года, не было рядом с ним. Сколько раз он уже мысленно пережил эту встречу шаг за шагом. Только не знал, что так звенит в ушах, когда снова берешь в свою руку руку любимой девушки. А в ушах звенит известно из-за чего: это кровь клокочет.

Он теперь мог ждать сколько угодно. Но все же не сводил глаз с приоткрытой двери.

Там знакомый столик под кружевной салфеткой, пузырьки и коробки. Овальное щербленое зеркало с фотокарточкой в раме, а в зеркале — Танина рука, округло охватившая желтое одеяльце, и обнаженная, белая, полная, слегка колышущаяся грудь...

Алексей Дённов зажмурился и отвернулся. Он понял, что там, в одеяльце, все понял.

Потрескивала печь. Скрипели над головой часы-ходики. Пальцы Алексея негромко выстукивали по клеенке. А глаз он не открывал.

Открыл он их только тогда, когда почувствовал, что Таня стоит рядом.

Она стояла рядом и держала на руках — солдатиком — человечка в чепце и желтом одеяле. Человечек смотрел на Алексея, замахивался ручкой. Глаза у человечка были зеленые, но мутнее Таниных, нос утопал промеж щек...

— Его Алексеем зовут, — сказала Таня, улыбаясь. — Это в честь тебя, — добавила уже без улыбки и значительно поглядела на Алексея.

Из комнаты, еще сильнее ссутулившись, вышла Кирилловна, кинула за печь смятый ворох

тряпок, прошла, не взглянув, кухню, резко захлопнула за собой дверь. Потом и другую дверь — крыльца. И еще третью — калитку.

Человечек в чепце испуганно прильнул к Таниной шее. А Таня вздернула подбородок, но продолжала смотреть на Алексея, слегка раскачиваясь из стороны в сторону: баюкала.

Алексей потер лоб ладонью. Откашлялся.

— Как же это... получилось?

— Не знаешь, что ли, как дети получаются? — закричала на него Таня и круче вздернула подбородок.

И опять стала раскачиваться из стороны в сторону. Алексеев тезка, видимо, засыпал возле ее шеи, калачиком завернув руку себе за спину. Осторожно переступая, Таня протиснулась в щель приоткрытой двери, и Алексей увидел в зеркале ее склоненную спину, локти колдующих рук.

Потом снова вышла к нему и сказала:

— Хочешь, провожу?

У калитки на утлой скамье сидела Кирилловна. Поглядела на них. Только не так, как бывало, на обоих сразу, а порознь: сперва на Татьяну, затем на Алексея.

— Отец на пенсию не вышел? — спросила она.

— Вышел, — усмехнулся Алексей. — Мамаше непривычно, что отец сидит дома. С утра до вечера ругаются. Потеха...

— Ты заходи, Алеша, — помолчав, пригласила Кирилловна.

Алексей не очень уверенно кивнул. А сам почувствовал, что, может, следовало бы и добрее попрощаться с ней. Неплохая все же старуха...

Был вечер теплый, уже осенний, без ветра. Еще не до конца стемнело, а фонари зажглись. Окраинные старые деревья гнули над заборами поредевшие, сквозные кроны. Лиловые космы уличного дыма — скопилось за день — недвижно висели над крышами. Темной заплаткой застыл в небе квадратик запоздалого бумажного змея, будто его там позабыли.

Алексей и Таня вышли переулком на Кооперативную. Здесь громыхали трамваи, светились витрины с тыквами и помидорами, возле кино спрашивали лишний билетик.

Навстречу все шли неторопливые прогуливающиеся пары. Рука об руку. Алексей подумал, что здесь как-то неловко идти просто рядом, и тоже взял Таню под руку.

У некоторых подъездов и подворотен стайками в светлых платьях стояли девушки. У других — парни в темных костюмах. В одной такой кучке высокий парень бренчал вполруки на гитаре, остальные смотрели на струны.

Когда Алексей и Таня поравнялись с ними, парень бренчать перестал, приподнял за козырек маленькую кепку и сказал Тане:

— Привет!

Она, не повернув головы, ответила.

Может, Таня заметила, как обозначились зубы под худыми щеками Алексея, или локтем почувствовала, как вздыбились мышцы его согнутой руки, — она медленно повернула к нему бледное от фонарного света лицо, свела брови, сказала спокойно:

— Это не он.

Долго шли молча. Потом Таня спросила:

— Ты, Алеша, где думаешь устраиваться?

— Не решил еще, — оживился Алексей. — Я ведь служил в танковых, ремонтировал моторы. Теперь в дизелях разбираюсь. Хотелось бы к технике поближе... А тут местпром, глухота. На сахарных заводах работа сезонная. — Засмеялся: — К вам, что ли, на кондитерскую идти?

— Не надо к нам.

— Не пойду... Я еще в армии думал совсем адрес сменить. На Урал или в Сибирь. Ребята разъезжались, очень звали: там, знаешь, какие дела!..

Алексей выпростал руку, достал папиросу, зажег. Добавил глуше:

— Только тогда я рассчитывал вместе. С тобой.

Кооперативная улица кончилась, упершись в Береговую. И здесь они остановились, прислушались, как плещется, омывая сваи, небыстрая речная вода.

— Алеша, а ведь я тоже хочу, чтобы ты уехал. Даже не советую, прошу...

— Мешать буду? — зло скрежетнул зубами Алексей.

Таня открыла рот — ответить, но раздумала и только вяло махнула рукой: мол, разве иное услышишь?

Дёнов, ощущая в пальцах мелкую дрожь, почувствовал, что если сейчас она, Татьяна, заплачет, он может ударить ее...

Но Таня не заплакала. Она открыто смотрела на него. И упрямо повторила:

— Ты уезжай. Прошу.

Алексея почему-то обрадовало это ее смелое упорство. Ведь такой он ее и знал еще девчонкой. Настойчивой, смелой и правой даже тогда, когда не права. Большая потеря потерять такую.

— А может быть, Татьяна... все-таки вместе?

Похоже, будто она знала, что он так скажет. Но ответила, не колеблясь:

— Нет. Ни к чему. Ничего не поправишь, Алешка... Езжай один. У тебя все впереди.

«Потерять. Потерять такую — вот что впереди... Или уже позади?» — соображал Алексей, часто глотая дым из папиросы.

— И еще, — сказала она. — Чтобы все было ясно между нами. Только ты, ради бога, не засмейся... Я тебя одного любила. И люблю. И буду. Слышишь?

Они опять засияли и стали шире, большущие, светлые даже в темноте глаза.

Из-за угла выполз крутодугий, ворчливый трамвай без прицепа. Замер, будто споткнувшись о стык. Нетерпеливо звякнул.

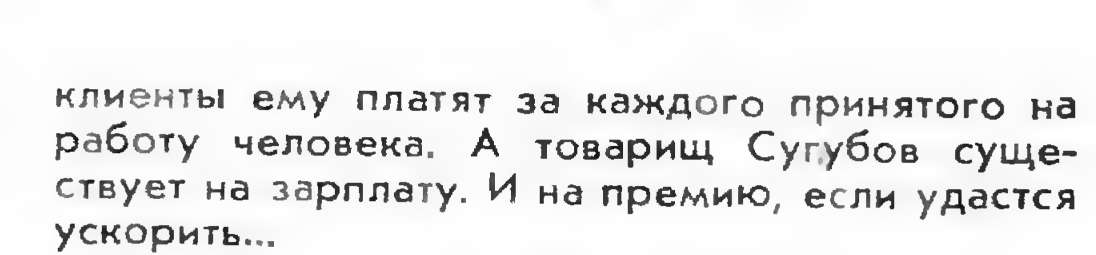
— До свидания, Алешка!..

Таня резко повернулась и побежала к вагону.

Алексей видел, как она успела вскочить на подножку, отвернулась от окна, раскрыла сумочку и протянула кондукторше монету.

Набирая скорость и повышая голос, трамвай уехал.

Алексей Дёнов сосредоточенно докурил папиросу и швырнул окурок за парапет набережной.

2

Паспорт новенький. С гознаковским, денежным хрустом перелистываются страницы.

«Действителен... Гоголь Борис Борисович... 1928-й... выдан... номер...» Фотокарточка владельца: гривка на лбу, глаза лучатся трогательной чистотой, выражают сыновнюю любовь к сотрудникам паспортного стола и вообще к милиции.

— Свежий документец. Приятно в руки взять, — хвалит товарищ Сугубов.

Затем переводит взгляд с фотокарточки на владельца. Гривка на месте. И глаза по-прежнему выражают любовь: только теперь к нему, товарищу Сугубову, а в его лице ко всей системе организованного набора рабочей силы.

— Трудовая книжка? — мягко интересуется товарищ Сугубов.

Тот, конечно, разводит руками:

— Нету.

И еще улыбается, стервец!

Для товарища Сугубова, уполномоченного областного управления оргнабора, вопрос ясен вполне. Подобных типов он немало встречал на своем веку.

Все просто и увлекательно, как сказка про белого бычка.

Человек вербуется, предположим, на Дальний Восток, ловить рыбу лососевых пород. Ему выдают аванс, покупают плацкартный билет, ставят в паспорте штампик «Принят на работу туда-то» — и счастливо доехать!

Прибыв на место, человек получает подъемные в размере, предусмотренном договором, прилежно изучает правила техники безопасности, садится в поезд (как правило, ночью) и отбывает в неизвестном направлении. Затем он избавляется от паспорта, сунув его, например, в печку. Обращается в милицию и, уплатив положенные сто рублей штрафа за утерю паспорта, получает новый — уже без штампика. Подытожив сальдо в свою пользу, человек опять отправляется в отдел оргнабора (разумеется, в другой)...

Да, товарищу Сугубову отлично известны все эти ходы-выходы.

«Значит, обмануть хочется?» — прищуренным взглядом спрашивает товарищ Сугубов и постукивает карандашиком.

«Хочется», — признается встречный взгляд.

«А если взять тебя сейчас за холку и, знаешь, — куда?»

«Куда?»

Здесь, однако, ход мыслей товарища Сугубова принимает несколько отвлеченное направление.

Дня два назад ему переслали специальное письмо комбината «Севергаз» — одного из постоянных клиентов областного управления оргнабора. «Севергаз» просит ускорить вербовку рабочей силы. Но, подтверждая особые льготы для поступающих на работу — двойные подъемные, двойные ставки, двойной отпуск, — комбинат ставит особые условия, с которыми просит знакомить нанимающихся.

Из управления звонили дважды: «Ускорить. Не вытягиваем плановой цифры». Как известно, оргнабор существует на деньги, которые клиенты ему платят за каждого принятого на работу человека. А товарищ Сугубов существует на зарплату. И на премию, если удастся ускорить...

Письмо из комбината «Севергаз» лежит в столе товарища Сугубова. На столе лежит чистый лист бумаги, и он постукивает по нему карандашиком — уже плашмя.

— Трудовой книжки, значит, не имеется? — снова спрашивает Сугубов. И, понимающе кивнув головой, объявляет: — «Севергаз». Устраивает?

Судя по искоркам, метнувшимся в глазах Гоголя Бориса Борисовича, его все устраивает. Но солидности ради он осведомляется:

— Это где же? Якутия?

— Коми АССР, — твердо сообщает парень, сидящий поодаль, у окна.

Сугубов мгновенно переносит прищур на парня. Рыжий парень, абсолютно рыжий, а также рябой и губастый. Рослый и значительный в плечах.

— А вам, что, случалось бывать в Коми республике?

— Был случай. Три года провел.

— По какой статье? — живо интересуется товарищ Сугубов.

— А вот я анкету заполнять буду, прочтешь! — без особого дружелюбия переходит на «ты» парень.

Он тяжело ерзает на стуле, оглядывается, багровеет — настолько возмутила парня проницательность уполномоченного по оргнабору.

Но Сугубов не обижается:

— В «Севергаз» не имеете желания?

— А что? Могу. Места очень приличные. Город большой, на железной дороге... Зря я там сразу работать не остался.

— Фамилия?

— Бобро Степан Петрович.

Две птички появляются на бумаге.

День выдался, несомненно, удачный. В комнату то и дело, стучась и без стука, входят люди. Осмотревшись, рассаживаются. Уже по комнате плывут синие завитки табачного дыма и соседские разговоры:

— Какой «Севергаз»? Не слыхал...

— В двойном размере? А не врет?

— Далеконько все же...

— Свояк поехал, не жалуется...

— Девчат, говорят, там нисколько нету...

— Ну, этих, положим, везде избыток.

— Жильем-то как, обеспечивают?..

— Да, и двойной отпуск, — погромче, для всех, беседует с очередным посетителем Сугубов. — Вот здесь распишитесь... Бланочек? Пожалуйста...

Алексей Дёнов сидел и ожидал своей очереди. Ожидал, вертя в руках фуражку. На околыше фуражки выделялось пятно невыцветшего сукна — там раньше была кокарда. Теперь нету: штатским она не положена. Латунные пуговки по бокам потускнели, а одна даже позеленела с краю. Алексей поглядел

на рукав — и там пуговицы имели померкший, окисленный вид.

«Черт,— нагрубил себе Алексей,— всего две недели из армии, а до чего опустился...»

И он тотчас решил принять меры. Вынул из кармана дощечку с прорезью посредине, в прорезь продел пуговицу. Из другого кармана достал зубную щетку без ручки с густо-зеленой щетиной, вымазанной особой мазью, известной только ювелирам и солдатам: «крокус» называется. И стал этой щеткой драить пуговицы. Одна за другой вспыхивали они солнечным, фанфарным блеском.

— До чего интересно!

Алексей повернул голову. Рядом с ним, оказывается, сидит девушка и наблюдает от нечего делать, как он драит пуговицы. Смуглая, с темными, очень густыми даже на вид волосами. Так себе девушка.

Алексей, конечно, ей ничего не ответил, только яростней деранул щеткой по пугозице. Пуговица оторвалась и покатилась.

Девушка тихо засмеялась. Первая успела нагнуться, подала пуговицу Алексею.

Но Алексей не смутился. Солдата ничем не смутишь: он тут же перевернул фуражку вверх дном и извлек иголку с ниткой. И стал пришивать.

Пуговица, как на грех, отскочила от рукава и пришивать ее, не снимая гимнастерки, было несподручно. А снимать гимнастерку в такой обстановке Алексей не решился.

— Дай-ка,— сказала смуглая девушка и отняла у Алексея иголку. От нитки она тут же оторвала кусочек и стала совать его Алексею в зубы.

— Зачем это? — удивился Алексей.

— Чтобы память не зашить, — объяснила ему девушка.— Примета такая, когда на человеке зашиваешь.

«Вот еще ерунда!»,— подумал Алексей. Но нитку она ему все же в зубы затолкала. Так он и сидел с ниткой во рту, пока соседка пришивала ему пуговицу.

А тут как раз подходит его черед беседовать с уполномоченным.

— Я вас приветствую! — говорит Алексею товарищ Сугубов, отрадно улыбается и даже слегка отделяется от стула — тянет совочком ладонь.— Если не ошибаюсь, демобилизованный воин?

— Так точно.

Алексей отвечает по-военному. Но уже без той армейской звонкости, а с той штатской глуховатостью, с которой говорят «так точно» или «здравия желаю» уволенные в запас. Долго еще говорят.

— Рад, рад, — говорит товарищ Сугубов. — Наш золотой фонд! Позвольте документик...

Изучает. Вроде нравятся ему бумаги Алексея Дённова. Спрашивает сладостно:

— Что же вы пожелаете? Может быть, «Севергаз»?

— Дело вот в чем, — говорит ему Алексей.— Куда — это мне не важно. Я служил в танковых войсках, механиком по ремонту. Дизеля... Мне главное, чтобы по этой же специальности. Или мотористом.

— Тогда вам есть прямой смысл ехать в «Севергаз»! — восклицает товарищ Сугубов.— Это же целый комбинат, там всяких моторов — боже ты мой!..

— Мало ли что комбинат! — замечает Алексей.— Бывает и хлебокомбинат. А вы мне толком скажите, если вас посадили тут людей нанимать, какая работа. Например, есть ли там дизельные установки?

Сугубов чешет пониже затылка, лезет в ящик, где лежит у него специальное письмо из комбината «Севергаз»: нет ли там чего на этот счет? Но затем передумывает и ящик запихивает обратно.

— Ну, если не хотите в Коми АССР, — говорит он Алексею, — могу вам предложить Красноярский край.

В это время рыжий парень Степан Бобро, который сидит неподалеку и излагает в анкете свою запятнанную биографию, отрывается от этого скучного дела и вмешивается в разговор:

— На что тебе, солдат, Красноярский край? Если ты дизелист по профессии, то тебе самое место в комбинате «Севергаз», который помещается в Коми республике. Потому что там газ добывают из-под земли. Землю для этого насквозь буровят. А чем? Турбиной. А турбину чем? Насосом. А насос благодаря чему, смекаешь?.. Там такие, солдат, дизеля — «Шкода», в Чехословакии их покупают. Сила!

Алексей удовлетворенно кивает головой. Сугубову же говорит:

— Ладно. Оформляйте в «Севергаз». Только в бумаге прямо запишите: дизелистом. Чтобы без всяких недоразумений было.

Тогда товарищ Сугубов кидает карандаш в стаканчик, страдальчески кривится:

— Дорогой вы мой человек! Я бы вас со всей душой и дизелистом назначил, и токарем, и даже начальником отдела кадров... Но я же, поймите, не имею таких прав: я набираю людей для предприятия, а кого куда и по каким должностям, это на месте разберутся... Вам только что человек все объяснил, как и почему, и насчет дизелей коснулся. А мы тут будем рядиться, как на базаре, заниматься несвойственными функциями... Прямо даже стыдно так поступать демобилизованному воину Советской Армии.

Не то, чтобы Алексею стало очень стыдно, но он замечает, что все в комнате этому разговору уделяют внимание.

И, может, ему, этому уполномоченному, на самом деле не дано такого права — разбираться, кого на какую работу.

Главное, что рыжему парню известно: дизеля там имеются.

— Давайте пишите,— говорит Алексей Дённов уполномоченному.

Уполномоченный пишет. Левой рукой. Левша, наверное.

После Алексея к столу подходит та самая девушка с очень густыми волосами, которая сидела рядом с ним и пришивала пуговицу.

— Ворошиловградская Евдокия Климентовна, — заявляет она.

Алексей даже глаза выпучил, услышав эту фамилию. Он как-то не представлял себе, что у такой маленькой девушки может быть такая большая и такая торжественная, как строевой марш, фамилия. И что такие фамилии вообще бывают на свете.

Еще сильнее он удивляется, когда эта девушка, не дав уполномоченному даже рта раскрыть, говорит:

— В «Севергаз».

И при этом она слегка поворачивает голову в сторону Алексея, улыбается ему....

Бывает, конечно.

— Прошу внимания, — говорит товарищ Сугубов, постучав карандашиком по графину с желтой водой. — Тем, кто оформляется в «Севергаз», необходимо пройти медицинскую комиссию, согласно правилам оргнабора, подвергнуться авансированию, получить проездные билеты... Минуточку, товарищи, вопросы потом!..

В поте лица своего трудился в этот день товарищ Сугубов.

Правда, без пяти минут шесть, уже намереваясь идти домой, он вдруг вспомнил, что позабыл ознакомить нанимавшихся людей со специальным письмом комбината «Севергаз» об условиях найма.

Однако в этакой горячке всего, конечно, не упомнишь.

Зато на листе бумаги, который товарищ Сугубов кладет в папку, выстроились столбиком двадцать четыре фамилии. Возле каждой фамилии птичка.

3

Им всем выпала дальняя дорога. Они уже были попутчиками. А попутчики, как известно, быстро знакомятся друг с другом.

Так что на медицинскую комиссию отправились вчетвером: Алексей Дённов, Борис Гоголь, Степан Бобро и Марка Кирюшкин. У Марки жемчужные зубы. Он цыган.

Только до комиссии решили сходить в баню. Собираясь к врачам, люди всегда ходят в баню, и врачи должны это ценить.

Баня в городе была единственная и поэтому именовалась во множественном числе — «Бани». А может, так и положено.

Еще не в предбаннике, а там, где торгуют билетами и мылом, произошел инцидент.

Алексей, Гоголь и Марка купили билеты по рублю. А Бобро Степан пригнулся к окошечку, протянул десятку и сказал:

— Давайте самый дорогой...

— Душ? Ванну? — спросила кассирша.

— Мне чтобы... отдельный кабинет.

Пораженные Дённов, Гоголь и Марка разинули рты. А Степан, червонный, как рак или будто уже из бани, прикупил кусок мыла и пошел налево. Им же было направо.

— Артист! — ругнулся Гоголь.

Мылись обстоятельно. С вениками. В просветах между клубами пара сверкали жемчужные зубы Марки-цыгана.

— А, как хорошо...— с акцентом восхищался он. — Первый раз так хорошо. Я в бане первый раз.

— Ну? — удивился Алексей. — А раньше как же мылся?

— А я не мылся. В таборе не моются. Так живут.

Зубы Марки улыбались (они всегда улыбались), а глаза тосковали. Тосковали они, однако, не из-за того, что жалко стало Марке покинутого табора.

— Все равно найдет меня Барон. Найдет... Обязательно убьет. Он уже убивал, когда уходили.

— В Коми АССР не найдет. Далеко, — успокоил Алексей.

— Далеко? — сияли зубы Марки. — Мы там уже сто раз бывали. Ковры продавать ездили. Там ковры любят, деньги есть. Там на коврах заработать можно.

— А ты зарабатывал? — спросил Гоголь.

— Много зарабатывал.

— Зачем же ушел? Закона испугался?

— Я не испугался. У Барона нож страшнее закона... Я везде ездил, видел, как живут люди. Я тоже, как люди, жить хочу. В школе не учился — буду, в баню не ходил — каждый день буду ходить...

Снова сверкнула тоскливая улыбка Марки:

— Не люблю табора. Наверное, я не цыган... Наверное, украли меня.

— Отмоешься, посмотрим, — захохотал Гоголь.

В поликлинике их разлучили, выдав номерки к разным врачам, чтобы не стояли в очереди.

Алексея сначала стучал по спине терапевт, потом по коленке — невропатолог, а глазник заставил читать на плакате разные буквы, сперва большие, потом маленькие. Алексей все угадал, а напоследок через всю комнату прочел глазнику, в какой типографии отпечатали эту хитрую грамоту для очкариков.

В рентгеновском кабинете была непроглядная темень.

— А вы раздевайтесь, молодой человек, — веселым тенорком сказала темень Алексею.

Когда Алексей разделся, она же, эта темень, взяла его вежливо за локоток и запихнула промеж двух железных досок, будто в бутерброд.

— Так. Посмотрим, чем вы дышите... Вздохните...

Потом уже, когда Алексей оттуда вылез, в углу зажегся малиновый фонарик, и он увидел, как малиновая рука шутя-играя нарисовала на листочке бумаги типовые легкие, а сбоку — разъяснение, что и как.

— Одевайтесь. Следующий...

Пока Алексей одевался, следующего тоже запихали в бутерброд. Бело засветился экран, а на экране показались солидно отдувающиеся ребра, весело трепещущее сердце.

— Так... так... — сказал тенорок. — Так, так... Послушайте, больной стойте спокойненько!..

— Я не больной, — обиженно ответили из бутерброда.

— Ну вот, теперь все! — воскликнул тенорок и шагнул куда-то к стене.

Вспыхнул верхний, обыкновенный свет. Алексей, сожмурившись от этого света, увидел тонкого старичка с белыми волосиками над ушами — доктора.

А из бутерброда вылез Степан Бобро. Голый по пояс. Но голый или нет, сказать было трудно, поскольку от шеи до пупа он был сплошь разрисован синевато-черными изображениями. Там был огромный орел, уносящий в облака женщину. Был просто женский портрет с косыми глазами. Затем заходящее солнце, трехтрубный крейсер и буханка хлеба — на уровне желудка. Между картинками вкось и вкривь различные надписи, в частности «Не забуду мать родную» и «Мне в жизни счастья нет».

— Да-а... — тихо, с уважением протянул доктор. — Изумительно. Скажите, пожалуйста, а где это вас так?

— Знаете, папаша, вас тут назначили людей изнутри смотреть. Верно? А не снаружи. Вот и смотрите, что у меня внутри.

Степан уже заметил Алексея и наливался краской по всем направлениям. В краске тонуло заходящее солнце, трехтрубный крейсер и орел со своей добычей.

— Извините, — сказал доктор. — Но это поразительно... Вам не доводилось читать «Илиаду»? Там есть отличная глава, посвященная щиту Ахилла. Целая глава перечисляет все, что изображено на щите. Однако Гомер...

— Вы, папаша, — перебил его Степан Бобро, — лучше бы объяснили как врач: снимается это чем-нибудь или уже в гроб так ложиться?

— Право, боюсь утверждать. — Доктор взял себя одной рукой за подбородок, а другой эту руку подпер. — Разве только врачебная косметика, если и она не отступит... А вы, молодой человек, почему до сих пор здесь?

Это уже относилось к Алексею, и он послушно вышел. На скамейке, у двери кабинета, сидело человек десять, и все они враз загалдели:

— Один выкарабкался... Три часа сидел... А второй еще сидит...

— Там особенный случай, — объяснил Алексей. — Редкий очень в медицине. Изучают.

И стал дожидаться Степана Бобро.

Вскоре дверь отворилась, оттуда вышел Степан, а за ним показался тонкий доктор. Он, почтительно кланяясь, стал пожимать Степану руку.

— «Илиаду» вы все-таки прочтите. Непременно.

— Ладно, — пообещал Степан.

— Желаю вам всего наилучшего. Следующий...

— Пойдем, что ли? — сказал Степан Алексею.

У выхода из поликлиники в скверике сидела та самая девушка с очень густыми волосами, которая пришивала пуговицу. Сидела, покачивая смуглой ногой в желтом носочке. Она улыбнулась Алексею, как только его увидела, издали. Ему одному, как будто Алексей был один, а не со Степаном Бобро.

— Только отмучились? А я уже давно...

И как ни в чем не бывало пошла рядом. С Алексеевой стороны.

— Вы, извиняюсь, здешняя или с района? — заинтересовался Степан, высматривая сбоку девушку.

Но девушка обернулась к Алексею:

— У тебя билет в какой вагон?

— Так ведь всем в третий выдали, — ответил он.

Степан же шумно понюхал воздух и сказал:

— Тепло. Бабье лето. На севере оно тоже, между прочим, бывает.

— А ты валенки купил? — спросила Алексея девушка. — Надо купить. Там, говорят, за зиму две пары сносишь.

— Ну, до свидания, — сказал Степан Бобро. — Мне в этот переулок сворачивать.

И свернул в тупик.

— Не спрашиваешь, а меня зовут Дусей, — сказала девушка. — Тебя, знаю, — Алешей.

— Фамилия у тебя какая-то удивительная, — усмехнулся Алексей. — Ворошиловградская!

— Ничего удивительного, — сказала Дуся. — Я же детдомовская. Меня в детдом из Ворошиловграда привезли: война была. Что меня Дусей звать, я тогда уже знала. А фамилии не знала. Никто не знал: у меня погибли все. Мне и записали в метрику: Ворошиловградская. А отчество — Климентовна, по Клименту Ефремовичу. Понял?

— Все равно удивительная, — сказал Алексей. Но уже не усмехнулся.

Они теперь шли по той самой Кооперативной улице, где позавчера еще Алексей шел с Татьяной. С Таней.

Шли мимо витрин с помидорами и тыквами, мимо окон и подворотен. Только на улице было не темно, как тогда, а светло и не было гуляющих: рабочее время.

«Вот как. Оказывается, очень просто, — подумал вдруг Алексей. — То с одной шел по этой улице, а теперь с другой. И ничего страшного».

Они поравнялись с кинотеатром. Окошко кассы было открыто, вход открыт, никто не спрашивал лишнего билетика. Только несколько мальчишек при портфелях сидели на ступеньках с разочарованным видом.

— Зайдем? Напоследок? — предложила Дуся.

Будто они уже много раз ходили в это кино. Или как будто там, куда они едут, не видать им больше ни одной кинокартины.

Картина оказалась интересной. Про милицию. Они сначала подумали не на того парня, на которого следует, а потом разобрались, выпустили и посадили другого, какого следует. Первый же парень тогда записался в бригадмильцы. И женился на одной хорошей девушке.

— Счастливые! — снова вздохнула Дуся, когда парень-бригадмилец под конец стал взасос целоваться с этой хорошей девушкой.

После кино Алексей и Дуся заходили в столовую. Дуся настрого приказала Алексею сидеть за столом, а сама его обслуживала. Принесла хлеб, вилки и две порции гуляша. Хлопотала, будто дома у себя кормила хорошего гостя. Даже спросила:

— Вкусно?

Забрели они и в парк. Там аллеи шуршали опавшими листьями. Холодными каплями брызгался фонтан. Духовой оркестр играл длинные вальсы.

Но они ушли подальше от музыки, в самую глубину, где и фонарей не было. А скамейки были.

Посидели там, разговаривая о разном. О дороге, например.

— Где это ты извозился? — спросила вдруг Дуся. — Давай почищу, мел...

И стала тереть ладонью рукав Алексеевой гимнастерки.

Алексей пригляделся к рукаву, засмеялся, отстранил ее ладонь:

— Какой мел? Это же от луны...

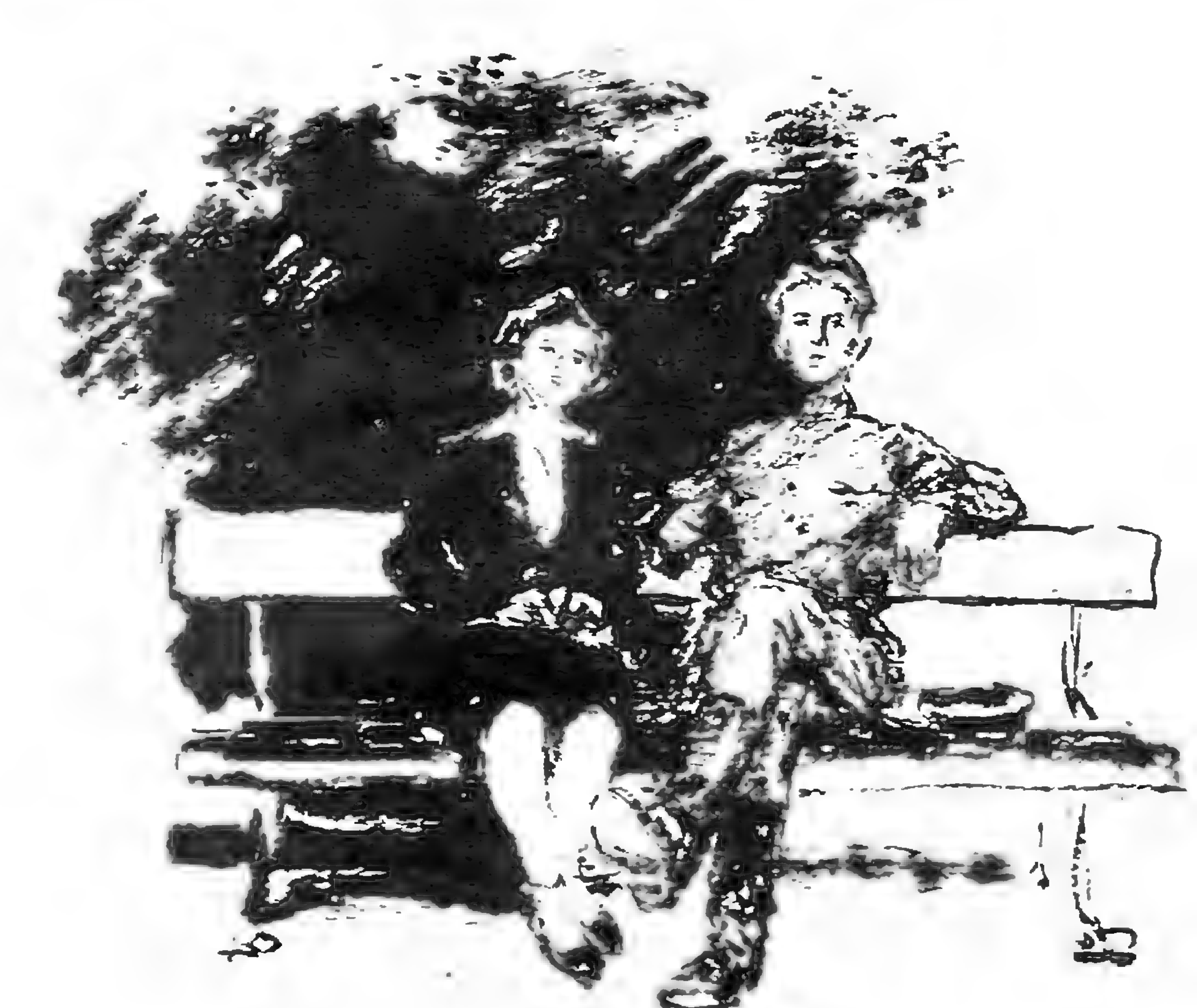
И верно: это луна, процеженная ветками старых, облезлых дубов, роняла свет, пятная землю, скамьи, одёжу.

Она, как лезвие, рассекала бегущие перистые облака. Она была уже по-осеннему зелена и студена.

Запрокинув головы, Алексей и Дуся смотрели на луну.

Завтра им уезжать.

Продолжение следует.

Клара Цеткин

В мае 1917 года Роза Люксембург, в то время заключенная в крепость, писала друзьям, что Кларе Цеткин ко дню шестидесятилетия лучше всего было бы подарить «что-нибудь о греческой философии или литературе... хорошее немецкое издание греческих философов, наверное, больше всего обрадовало бы ее. Она теперь очень усердно занимается в этой области и вообще питает к этому слабость».

Клара Цеткин всегда поражала знавших ее людей широтой кругозора и глубиной знаний. Просматривая ее библиотеку, восхищаешься прежде всего отбором произведений, той строгостью вкуса, которая отличает знатока от любителя, обладателя знаний от обладателя книг.

Как бы многогранна ни была теоретическая деятельность Клары Цеткин — исследователя и пропагандиста учения Маркса — Ленина, оратора и публициста, талантливого литературного критика и знатока школьного образования,— любая область мышления была для нее ареной борьбы за интересы пролетариата.

Жизненный путь Клары Цеткин начался 100 лет назад, 5 июля 1857 года, в Германии, в саксонском селе Видерау, в семье местного учителя Эйснера и закончился 20 июня 1933 года в Москве. Вся эта жизнь была без остатка отдана революции.

Зерна любви к свободе запали в душу Клары еще в детстве. Ее мать была страстной сторонницей женской эмансипации, отец любил рассказывать о дрезденских революционных боях 1849 года. В семье хранились предания о дедушке-французе, участнике наполеоновского похода в Италию, покинувшем армию, когда Наполеон стал императором.

Несомненно, большую роль в ее развитии сыграли и студенческие годы, проведенные в институте известного педагога Августы Шмидт: институт славился далеко за пределами Лейпцига своим либеральным духом...

В то время в Германии быстро росли города и промышленность и вместе с тем обострялись социальные противоречия. Семидесятые годы — это период первых крупных успехов германской социал-демократии. Чуткость к страданиям народа и напряженные раздумья над всем происходящим заставили Клару Эйснер выбрать дорогу борьбы.

Сделать этот выбор ей помогли, в частности, «нигилисты», русские эмигранты, жившие в Лейпциге.

1878 год. Год блестящего окончания института и начала революционного пути. В октябре Бисмарк добился принятия исключительного закона против социалистов. Клара вступила в социал-демократическую партию Германии в 1881 году — в тот тяжелый и острый момент, когда партия была нелегальной, когда многие панически покидали ее ряды.

В развитии ее политических взглядов немалую роль сыграл русский эмигрант Осип Цеткин, убежденный марксист, друг, а впоследствии муж Клары. Он жил в Лейпциге, деля свой день между партийной деятельностью и столярной мастерской,— он считал, что должен работать сам, чтобы быть ближе к пролетариату.

В 1881 году Осип Цеткин был арестован. Его обвинили в распространении нелегальной литературы и как иностранца выслали из страны.

В конце 1882 года Клара в Париже — центре революционной эмиграции. И Клара и Осип Цеткин испытали здесь все тяготы эмигрантского существования, особенно когда появились дети. Кларе пришлось днем ходить с урока на урок, а возвращаясь, садиться на всю ночь за переводы...

В Париже вместе с Лаурой Маркс-Лафарг Клара Цеткин организует пролетарское женское движение, сотрудничает в социалистической прессе. О ее статьях с похвалой отзывается Энгельс.

В 1889 году Клара участвует в работе Конгресса социалистов, на котором был создан II Интернационал. Она выступает на нем с речью о роли женщин в борьбе рабочего класса.

В 1890 году под напором рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. Клара Цеткин вернулась на родину. Вскоре ей предложили возглавить редакцию газеты «Равенство», издававшейся в Штутгарте для немецких работниц. Двадцать пять лет бессменно находится она на этом посту. В. И. Ленин часто и с большой похвалой отзывался об этой газете.

Клара Цеткин всюду ведет непримиримую борьбу против тех, кто отклоняется от марксизма и, тем более, изменяет ему. За резкость выступлений оппортунисты называли ее «дикой Кларой». Председательствовавший на партийном съезде 1896 года Игнац Ауэр пробовал отшутиться от критики Клары Цеткин: «И это угнетенный пол? Что же произойдет, когда этот пол станет свободным и равноправным?» Клара Цеткин начала свое следующее выступление словами: «Предупреждаю: я буду говорить не как угнетенный пол, а как член партии»...

Для совместной борьбы против ревизионистов Клара Цеткин объединяется с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом, которых Ленин называл «верными сторонниками рабочего класса», наиболее вдумчивыми и выдающимися вожаками мысли немецких социал-демократов. С Розой Люксембург Клару Цеткин связывала особенно тесная дружба.

Однажды Кларе пришлось проходить вместе с Розой Люксембург мимо полигона, где солдаты обучались стрельбе. Встретившись с Каутским и Бебелем, они шутя рассказали об опасности, которой только что подверглись. Бебель подхватил шутку и начал читать надгробную речь «жертвам милитаризма». Роза Люксембург прервала его: «Да скажите коротко и ясно: здесь покоятся единственные мужчины, которые оставались у немецкой социал-демократии».

4 августа 1914 года социал-демократическая фракция рейхстага проголосовала за военные кредиты. 5 августа Роза Люксембург разослала около 300 телеграмм социалистическим деятелям, известным ей в качестве левых. Она приглашала их принять участие в антивоенной конференции, но получила всего шесть ответов: пять уклончивых и только один, в котором дано безоговорочное согласие. Этот ответ пришел от Клары Цеткин. 31 октября 1914 года Клара Цеткин вместе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом публично выступила против немецкой военной политики.

За участие в созыве антивоенной женской конференции 1915 года в Берне власти обвинили К. Цеткин в измене и, когда она вернулась в Германию, бросили в тюрьму.

Понимая необходимость новой партии, свободной от предателей социализма, Клара Цеткин участвует в создании Спартаковского союза — зародыша будущей Коммунистической партии Германии. В мае 1917 года на страницах «Равенства» Клара призывает немецких рабочих последовать примеру русских братьев, свергших царя, за что правые немедленно сместили ее с редакторского поста.

Особенно напряженная борьба развернулась по вопросу об отношении к Октябрьской социалистической революции. На заявление правых, будто они критикуют Советскую Россию во имя «защиты социалистических принципов», Клара Цеткин отвечала: делайте в своем доме выводы относительно принципов и тактики — «начните сами!».

«Будем учиться у русской революции!» — вот призыв, которому она осталась верна до конца своих дней. Ленин был для нее высшим идейным, нравственным, политическим авторитетом. Она видела в нем идеал пролетарского вождя, проникнутого «любовью к творческим массам, доверием к ним, верой в величие и красоту того дела, которому он отдал свою жизнь, верой в торжество его».

«Нас всех чрезвычайно радует,— писал В. И. Ленин Кларе Цеткин 26 июля 1918 года,— что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами».

После Октября деятельность Клары Цеткин приобретает новый размах. В России и Германии, во Франции и Италии она выступает как представитель Коминтерна. В грозовую ночь вброд, по горло в воде, переходит она итальянскую границу, чтобы в Милане на съезде социалистической партии дать сражение реформистам. Фашисты, узнав о предполагающемся приезде К. Цеткин, клялись, что поймают этого «красного агента». И действительно, они обнаружили «Цеткин», когда та под охраной рабочих вышла из здания, где проходил съезд, и села в машину. Они гнались за машиной, пока... оттуда не вышла молодая актриса, оставив преследователям на память парик и палку...

В двадцатые годы Клара Цеткин ведет огромную работу в женском пролетарском движении, участвует в борьбе против троцкистов, пишет статьи и книги.

Ничто не могло остановить семидесятипятилетнюю, почти ослепшую Клару Цеткин, когда она решила поехать в августе 1932 года в Берлин, чтобы, используя свое право старейшего депутата, открыть рейхстаг и дать в этот ответственный час истории бой фашизму.

Фашистские газеты угрожали ей убийством, если она осмелится выступить. Вся гитлеровская фракция явилась в рейхстаг в форме штурмовиков. Но Клара Цеткин произнесла свою знаменитую речь. Она призвала немецкий народ к единому фронту борьбы против фашизма.

Речь в рейхстаге — это последнее историческое выступление замечательного трибуна пролетарской революции, ветерана международного рабочего движения, прожившего великую и прекрасную жизнь.

М. КОРАЛЛОВ

«КОЛОКОЛ» В РОССИИ

К столетию со дня выхода первого номера

А. ГУКОВ

«Когда на рассвете 25 августа 1852 я переходил по мокрой доске на английский берег и смотрел на его замарано-белые выступы, я был очень далек от мысли, что пройдут годы, прежде чем я покину меловые утесы его»,— так начинает А. И. Герцен в «Былом и думах» повествование о своей эмиграции в Лондоне. Здесь Герцен создал Вольную русскую типографию — свободную трибуну русского народа.

1 июля 1857 года является знаменательной датой в истории русской революционной печати: в этот день — 100 лет тому назад — в Лондоне вышел первый номер газеты Герцена «Колокол». В предисловии к нему говорилось: «Появление нового русского органа... не есть дело случайное и зависящее от одного личного произвола, а — ответ на потребность: мы должны его издавать... «Колокол» будет звонить, чем бы он был затронут — нелепым указом, или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под «Колокол».

Газета выходила на восьми страницах форматом большого альбома. Она печаталась на тонкой бумаге и была удобна при транспортировке. «Колокол» начал выходить ежемесячно, затем — через две недели, в иные месяцы (в 1861 году) газета выходила еженедельно.

Тираж «Колокола» доходил до 3 тысяч экземпляров. По тем временам это была внушительная цифра.

«Колокол» издавался с 1 июля 1857 года по 1 июля 1867 года; за это время вышло 245 номеров [1].

Как распространялся «Колокол»?

Во многих городах Западной Европы были опорные пункты, через которые «Колокол» и другие лондонские издания Герцена направлялись в Россию. О «Колоколе» говорили, что его читают в избе крестьянина и в Зимнем дворце...

Царское правительство, сильно обеспокоенное появлением в России бесцензурного, вольного слова, принимает все меры, чтобы не допустить в страну издания Герцена.

Началась тщательная перлюстрация корреспонденции, поступающей из Лондона.

В Центральном государственном историческом архиве в Москве хранятся архивы «III отделения собственной его императорского величества канцелярии».

Вот одно из многочисленных «дел» III отделения: «О Познанском книгопродавце Зупанском, имеющем намерение выслать в С.-Петербург сочинения изгнанника Герцена». В деле есть следующий документ, подписанный управляющим III отделения Тимашевым:

«В 3-м отделении соб. е. и. в. канцелярии получено сведение, что Познанский книгопродавец Зупанский предполагает послать в СП-бург сочинения изгнанника Герцена употребив для этого следующий способ: сочинения эти оклеить сверху обертками других книг французских или немецких одинакового формата с предполагаемыми к пересылке и запаковать оные в тюки, положив в самую середину, между другими книгами, дабы при вскрытии тюка с одной или с другой стороны они оставались незамеченными».

В этой же папке имеется интересный документ, посланный 12 декабря 1859 года финляндским генерал-губернатором шефу жандармов князю Долгорукову: «...Имею честь препроводить при сем вам четырнадцать поименованных в прилагаемом при сем списке запрещенных книг, найденных в особом пакете таможенными чиновниками на шхуне «Rapides», которая по пути из Любека потерпела кораблекрушение в Аландских шхерах и оставлена была экипажем».

Из приложенного списка видно, что на шхуне в числе запрещенных изданий были четыре книги «Полярной звезды» за 1855—1858 годы, произведения Герцена «Крещеная собственность», «Прерванные рассказы» и двадцать номеров «Колокола» за 1857—1858 годы.

Интересна переписка вокруг напечатанного в «Колоколе» воззвания Огарева к русским солдатам и офицерам. Дело называется: «О печатном и возмутительном воззвании, появившемся в С.-Петербурге под заглавием «Что надо делать войску».

В папке находится донос агента, посланный русскому послу в Лондоне Бруннову. Доносчик пишет:

«В течение будущей недели от 10-го до 17 марта (1862 г.) издатель Трюбнер пошлет на имя своего дома в Лейпциге, через Антверпен и оттуда железной дорогой, 3 000 экземпляров брошюр для духовенства и войска. Эти экземпляры будут уложены в одном ящике с английскими книгами и пакетами следующего номера «Колокола»... Лейпцигский Трюбнер пошлет некоторое количество полученных им брошюр в Берлин на имя книгопродавцов Шнейдер».

Донесение агента, посланное в Петербург, вызвало поток директив III отделения министрам внутренних дел и финансов, наместнику в Польше и всем пограничным генерал-губернаторам.

Вскоре, 16 марта 1862 года, в III отделение из министерства финансов направляется копия депеши поверенного в делах в Гамбурге; к депеше было приложено письмо тайного агента гамбургской полиции, написанное на немецком языке: «Теперь сделалось известным, что в ближайший четверг будут отправлены через Марсель в Константинополь, посредством транспортной конторы (Messagerie Imperiale) шесть ящиков с печатными сочинениями.

А. И. Герцен. Портрет маслом работы дочери А. Герцена, Натальи Александровны Герцен.

Эти ящики будут сверху наполнены белым свинцовым порошком (poudre de plomb); брошюры же посредством пресса будут заключены в двойном дне.

Шесть бронзовых бюстов императора Николая, наполненные внутри брошюрами, будут отправлены в Россию кратчайшим путем через Германию. Бюсты эти еще не готовы и находятся у литейщиков.

В свое время я вам сообщу по телефону, на чье имя отправится этот транспорт в Германию, равно и день отправления. Я боюсь, чтобы не укрылась от нас отправка через Францию».

Из находящихся в деле шифрованных телеграмм видно, что агентуре удалось напасть на след и узнать багажные номера ящиков с литературой. Неизвестно, был ли конфискован груз, направленный через южные порты, но, судя по документам, воззвание к солдатам появилось в Петербурге и после литографирования стало распространяться в воинских частях. 14 марта 1862 года Виленский военный генерал-губернатор писал шефу жандармов: «На днях я получил официальным путем литографированный экземпляр возмутительного воззвания «Что надо делать войску». Воззвание это вложено неизвестно кем в карман цирульнику Староингерманландского пехотного... полка Емельянову в бытность его при вечернем богослужении в одном из костелов г. Гродно...»

Вскоре шефу жандармов стали поступать донесения о распространении воззваний к войскам в Смоленской, Воронежской, Харьковской, Бессарабской и других губерниях.

В архиве хранится множество свидетельств суровых репрессий, которым подвергались люди, распространявшие материалы Вольной русской типографии. Но, несмотря ни на что, многие издания доходили по назначению.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».

Пропаганда «Колокола» расшатывала устои феодальной монархии в России, и в этом историческая заслуга революционера-демократа, замечательного русского человека Александра Ивановича Герцена.

[1] С 25 мая 1865 года «Колокол» издавался в Женеве.

Наш Левитан

Народный художник СССР, академик В. Н. Бакшеев

Как-то весной, когда я жил на даче недалеко от Москвы, ко мне приехал И. И. Левитан. Вечером мы пошли на тягу вальдшнепов. Был чудный тихий вечер, все кругом было в каких-то перламутровых тонах. По серо-зеленому небу плыли лиловатые облака, освещенные оранжевыми, золотистыми лучами заходящего солнца. Левитан остановился и сказал: «Я и вы — мы умрем, это неизбежно, — но жаль, что этого мы больше не увидим!»

И. И. Левитан был художник-поэт, безгранично любящий нашу природу и главным образом природу средней полосы России, любящий ее больше жизни. Все пейзажи его наполнены глубоким внутренним содержанием, чарующей гармонией красок. Глядя на них, вы забываете, что это картины. Это сама жизнь, сама природа.

Взять хотя бы работы, которые воспроизводятся в этом номере журнала «Огонек».

В пейзаже «Овраг» голубовато-зеленоватое небо. Как хорошо оно гармонирует с темно-синим озером! Между небом и озером желтоватая светлая полоса берега. С левой стороны темные березы. Местами ветки берез освещены солнцем, а часть веток, которая ближе к озеру, темная. Первый план в желтоватых полутонах. Кое-где белеют цветы.

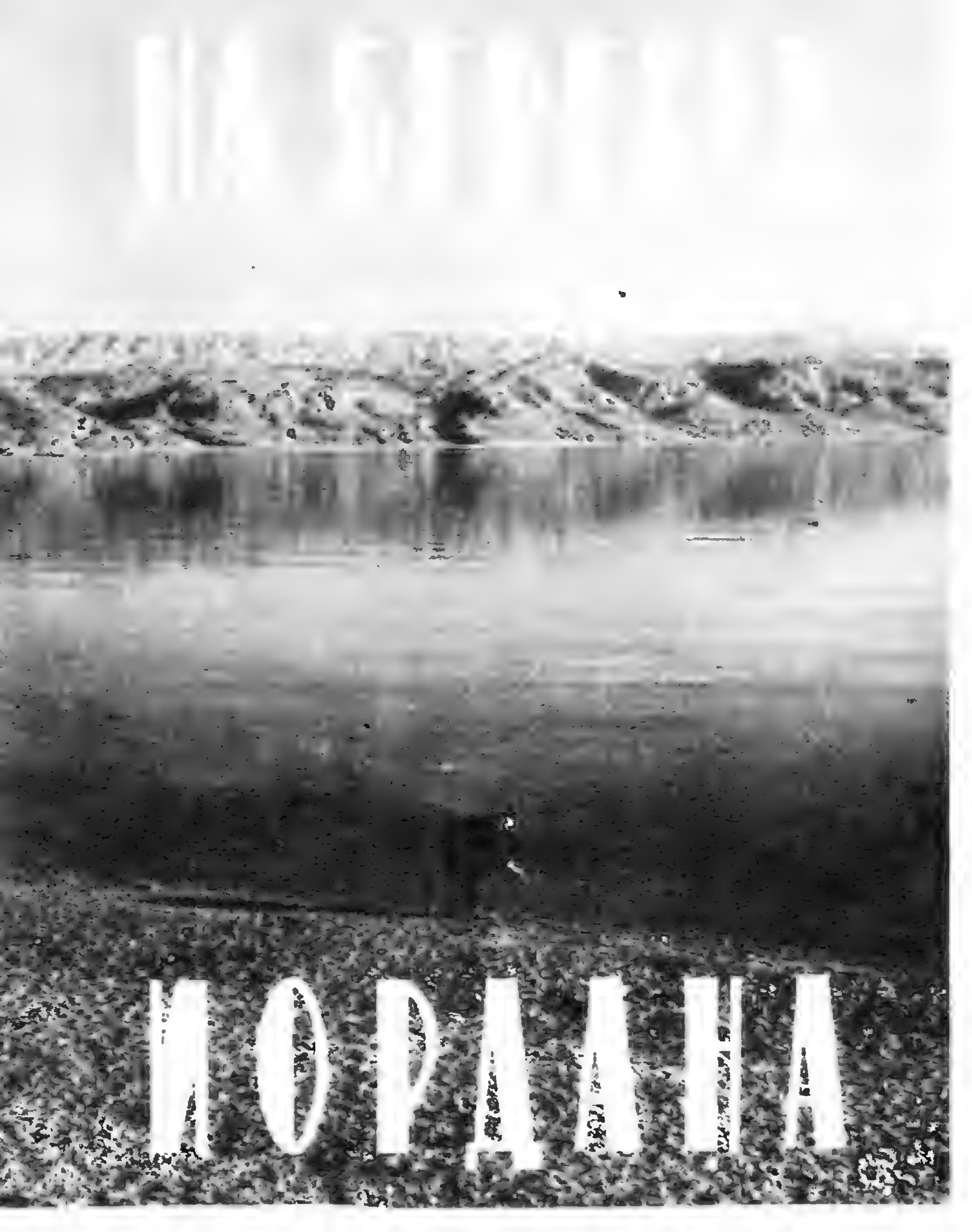
Какая чудная гамма: небо внизу светлое, переходящее вверху в синий цвет. Озеро окаймлено с правой стороны тепло-желтоватыми березами, светлыми стволами.

Благодаря темным веткам берез с левой стороны небо, дальний берег и озеро получают большую глубину.

В пейзаже «Сумерки. Луна» великолепно передан вечерний покой: все тихо, деревья как будто заснули, вода, как зеркало, все замерло, ощущается приближение ночного холода.

Но как пленительна эта красота сумерек, какой чудесный холодный тон неба, на котором выступают темные ели и покрасневшие осины! Как легко, правдиво написан берег с левой стороны!

Сколько поэзии в небе, луне, в этих берегах! Это наш родной русский пейзаж. В нем есть что-то вечное, неумирающее...

Мертвое море.

Николай **ДРАЧИНСКИЙ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Трудные всходы

Неподалеку от села Сельфид мы остановились на дороге, вьющейся по долине среди округлых каменистых холмов. На унылых, серых склонах там и сям видны были люди и животные, шла какая-то очень напряженная работа, но над чем там трудились, понять было нелегко. Завидев приближавшегося всадника на верблюде, доктор Таг тотчас окликнул его:

— Что они там делают?

— Пашут, эффенди.

— Здесь пашут? Зачем?

— Эффенди должен знать, что приближается пора сева. А кто же станет сеять, не вспахав землю? Прежде чем съесть лепешку, нужно вырастить зерно, эффенди,— уже не без лукавства добавил всадник и поехал своей дорогой.

Мы с трудом взобрались по склону. Седой старик в длинной серой галабие выбирал камни. Если они не очень глубоко вросли в землю, относил в сторону и складывал стенкой. Если камень был очень тяжелым, он звал на помощь молодого, черноусого крестьянина в синих брезентовых брюках, больше похожего на рабочего, нежели на феллаха. На двух осликах, впряженных в соху, молодой пахал, лавируя среди каменных нагромождений. Впрочем, слово «пахал» не дает представления о его работе. Маленькой сошкой, изготовленной из кривого сука, он царапал жесткую землю. Красноватая эта земля проступала лишь редкими пятнами среди серых каменных глыб, занимавших по крайней мере четыре пятых площади его поля.

Этот участок, всего в 15 дунамов, принадлежал старику Мухаммеду Абдельхади Рамалю.

— Глубже пахать нельзя,— говорит Рамаль,— внизу скала, земля трудная: камни да камни. Но, слава аллаху, хоть такая есть. А вон Хасан и вовсе лишился своего участка. — Старик кивнул на молодого.

История, которую рассказал Хасан Махмуд Рахми, вкратце такова. У него был участок побольше и получше, чем у Рамаля, меньше камней, больше мягкой почвы. Когда бывал урожайный год, Хасан мог даже кое-что приберечь на черный день. Урожаи здесь зависят от дождей. Весной всегда дует сирокко — горячий, свирепый ветер. Статистики подсчитали, что в Иордании раз в три года бывает хороший урожай, раз — средний и один раз плохой — бедствие для землепашцев. Но случилось так, что знойный сирокко два года подряд выжигал всходы, едва поднявшиеся над землей.

В первый бедственный год Хасан, чтоб прокормить семью и купить семена, занял денег у местного ростовщика и продал буйвола. На следующий год пришлось уже взять ссуду в английском банке под залог земли. Хасан рассчитался с ростовщиком, а сам отправился в Дахран на нефтяные промыслы. Он надеялся там заработать, чтоб погасить долг банку и сохранить землю.

Целый год работал Хасан на знойной аравийской земле, перетаскивая в песках стальные буровые трубы. До них нельзя было дотронуться обнаженной рукой: так их раскаляло немилосердное солнце. Он вернулся в деревню, так и не скопив нужной суммы. Банк отобрал землю. Лачуга, ослик и две маслины в палисаднике — вот все, что осталось у Хасана и его шестерых детей.

— Еще эти штаны куплены на деньги, заработанные в американской нефтяной компании,— сказал Хасан в заключение.

Старик Рамаль раньше сам обрабатывал свой участок. Но теперь он стал уже совсем слаб. Поэтому пригласил Хасана в компаньоны. Они работают вместе; у Хасана есть ослик, у старика тоже. Договора никакого нет: просто урожай поделят пополам.

— Только бы дожди пошли,— говорит Рамаль, поднимая глаза в бездонное небо, которое кажется отлитым из синего стекла. Старческие глаза тускнеют, и феллах снова принимается за работу. Орудуя киркой, он старается выкопать небольшой камень и освободить клочок земли в две ладони. А Хасан взял мотыгу и взрыхляет землю там, куда не мог забраться своей маленькой сохой.

...Есть такая легенда. Шла дева Мария по полю мимо человека, сеявшего горох. «Что ты сеешь?» — спросила она крестьянина. «Камни!» — пошутил сеятель, и вдруг действительно все поле покрылось камнями. В окрестностях Иерусалима есть место, густо усеянное круглыми камнями, его и называют Гороховым полем и всегда показывают паломникам и туристам.

В Иордании легко представляешь себе, как родилась эта легенда. Только десять процентов территории королевства пригодно к земледелию. К тому же природа неразумно распределила здесь свои дары: там, где хорошая почва, нет влаги, а там, где выпадают дожди,— камни и кручи. Лишь в немногих местах, разбросанных на западе страны, где есть и влага и мягкая почва, колосятся тучные нивы, зреют плоды в буйных садах. Почти все эти земли принадлежат помещикам и шейхам.

В то же время в стране есть много бесплодных ныне пространств, которые могут быть превращены в области цветущего земледелия. Орошение только одной долины Ярмука в полтора раза увеличило бы посевные площади в королевстве. Немало засушливых и пустынных земель таят в себе обильные запасы подпочвенных вод, но задавленным нуждой феллахам не под силу самим бурить артезианские скважины.

— Все дело в том,— говорил мне тогдашний министр сельского хозяйства Абдель Кадер Салех,— что в стране хозяйничали иностранцы. В своих интересах они умышленно удерживали нас в экономической отсталости. Они делали так, чтобы мы во всем зависели от них, в том числе и в снабжении хлебом насущным.

Национальное правительство поставило своей задачей поднять экономику государства. Несмотря на огромные трудности: недостаток средств, специалистов, техники,— первые шаги были сделаны и в улучшении сельского хозяйства. С помощью правительства крестьяне стали бурить артезианские колодцы для орошения полей. Специальные инструкторы разъезжали по селам, пропагандируя среди феллахов новую агротехнику. Намечалось строительство гидротехнических сооружений.

Американские империалисты, захватившие сейчас власть в Иордании, прежде всего разогнали национальное правительство. Недавно агентство Ассошиэйтед пресс сообщило из Аммана, что бывший министр сельского хозяйства Абдель Кадер Салех арестован в Иерусалиме, где он скрывался от преследования. Люди, которые хотели, чтоб у феллахов Рамаля и Рахми хватало хлеба на весь год, пришлись не по нутру заокеанским колонизаторам.

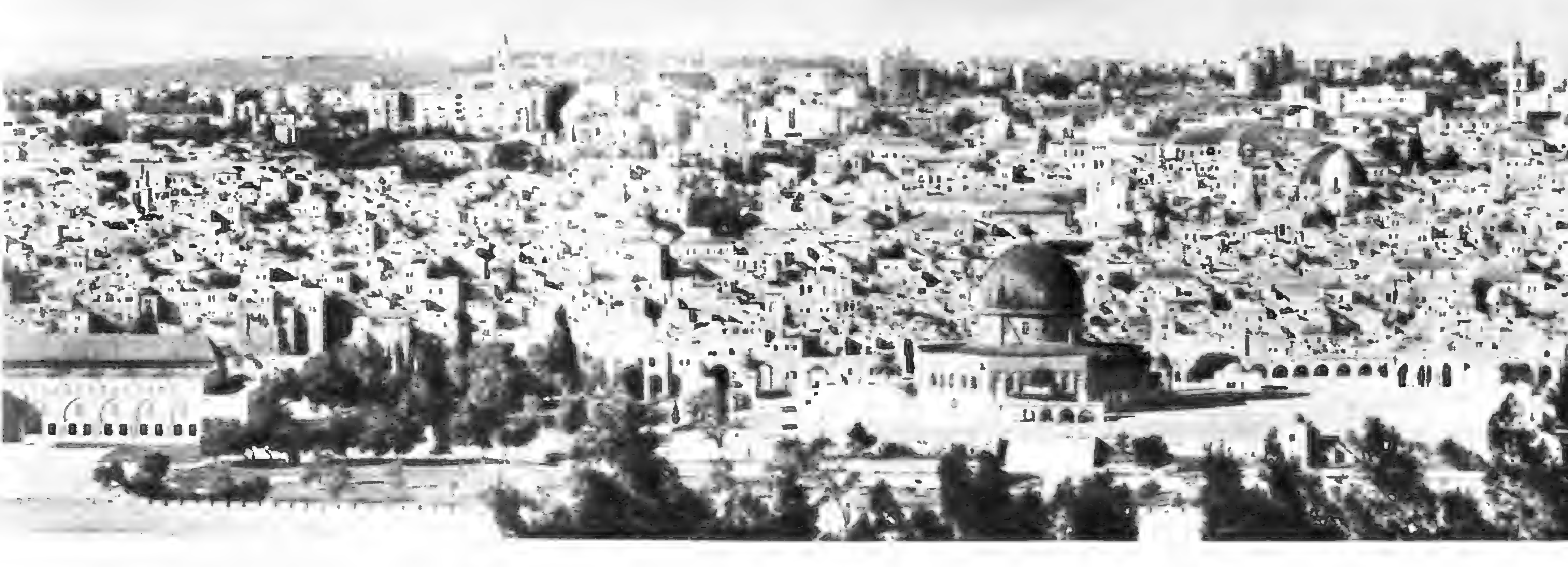
В тени чужих олив

Склон горы похож на огромную лестницу. Длинные кривые террасы опоясывают солнечную сторону и поднимаются до самой вершины. На каждой террасе ряд олив. Толстые короткие стволы увенчаны зеленоватым облаком, острые листики густо-зеленые с одной стороны, с другой отливают жемчугом. Легкое дыхание

Феллах Абдеррахим Али.

См. «Огонек» №№ 22 и 24.

Иерусалим. Вид с горы Олив.

ветра — и листва трепещет, как рой веселых серебристых бабочек.

Хотя дождей давно не было, земля здесь влажная после полива. Нагретая солнцем, она источает приторные ароматы плодородия. Под нежный шепот листьев разносится ритмичное повизгивание пилы. Взобравшись на кряжистое дерево, Абдеррахим Али спиливает старые ветви. Они с шумом падают вниз, и мохнатые лапы их еще долго дрожат, ударившись о камни. Их почему-то жаль.

— Это нужно,— говорит Али, слезая с дерева для короткого отдыха.— Они бесплодны. Ветка дает хорошие плоды всего несколько лет, а затем лишь зря сосет соки. На ее месте вырастут новые, усеянные плодами, как небо звездами. Зато корень живет долго. Этому дереву уже тысяча лет! — Али похлопал ладонью по серой, пористой коре старого мускулистого ствола с пышной шевелюрой молодых ветвей наверху.— Да, да, саид, тысяча! Это вам скажет каждый, кто научился различать возраст дерева.

Оливковые рощи, покрывающие ныне холмы европейского юга, пришли отсюда, с Востока. Здесь они выращивались с незапамятных времен. Но как-то трудно себе представить римских легионеров, подкреплявшихся плодами с этого самого дерева, которое теперь кормит феллаха Али и его семью. Жена и двое малолетних детей работают вместе с ним. Сейчас жена сидит в отдалении: по здешним обычаям женщине непристойно быть там, где беседуют мужчины.

— Если посадить молодой побег маслины и хорошо работать, то через четыре — пять лет он дает первые плоды. Но, говорят, такое дерево недолговечно: оно зачахнет после ста пятидесяти лет жизни. Если же вырастить маслину из семени, из косточки, такое дерево растет тысячу лет.

С утра и до вечера трудится Али вместе со своим семейством в саду.

— О саид, маслина — капризная принцесса,— говорит он.— Только один раз не угоди ей, и все труды даром. Нет, она не умирает, не чахнет. Она просто не дает плодов или дает их слишком мало.

На участке Али сорок восемь деревьев, но ни одно из них не принадлежит ему. Внизу, в деревне, живет дряхлый старик Афани. У него большой дом, три жены и много земли. Сам Афани почти не выходит из дому, а всю землю и рощи сдает в аренду феллахам. Желающих много: ведь в селе около половины крестьян не имеют земли.

Али арендовал большой участок, его трудно обработать одному, но Али еще молод и полон сил. К тому же у него есть ослик — немалое подспорье в хозяйстве. Две трети урожая он отдает хозяину и только треть получает за свои труды. В урожайный год заработка хватает, чтоб не голодать. В королевстве очень много крестьян-арендаторов, но нет какого-либо закона, ограждающего их права. Хозяин земли назначает любые условия. Издольщик живет в постоянном страхе, что владелец земли расторгнет договор и передаст участок другому.

— Мне бы только десять своих деревьев, саид, и было бы хорошо...— говорил Али, глядя на склон, курчавый от множества олив.— Ведь несправедливо, что все это принадлежит одному старику. Это не по закону пророка... А мне бы только десять, и я бы возблагодарил аллаха за его милость,— мечтал вслух феллах Абдеррахим Али в тени чужих олив.

Иерусалимский вечер

С горы Олив, или, как ее еще называют, горы Елеонской, виден весь древний город. Он широко раскинулся на нескольких холмах причудливым нагромождением стен и куполов.

Мы стояли на плоской крыше приземистого здания на самой вершине горы. Рядом возвышался минарет небольшой мечети, в стрельчатых окнах которого виднелись солдаты в красных с белыми пятнышками платках. В трубы и бинокли они смотрели на город. Где-то там пролегала зыбкая линия перемирия — источник постоянной тревоги для жителей обеих сторон. Косые лучи заката окрасили зубчатые стены, купола и башни, тени стали синими и густыми.

Между нами и минаретом находилось небольшое восьмиугольное строение без крыши. В середине его виднелся выступ гранитной скалы, обложенной рамой из белого мрамора, а на сером камне вмятина, слегка напоминающая след человеческой ноги. Согласно христианской легенде, с этого места Христос вознесся на небо, оставив людям на память отпечаток своей ступни.

Когда мы спустились туда, араб, равнодушно сидевший до этого в уголке, достал крошечный кипарисовый крестик на цепочке из

Иерусалим. На улице города.

косточек маслины, проворно потер его о выступ скалы и протянул мне. Истребовав в награду за подарок пятнадцать фильсов, он стал жаловаться на трудные времена. Паломников и туристов сейчас почти нет, и ему нечем кормить своих детей. Он разразился проклятиями по адресу англичан и французов, затеявших войну в Суэце и вообще не дающих арабам жить спокойно.

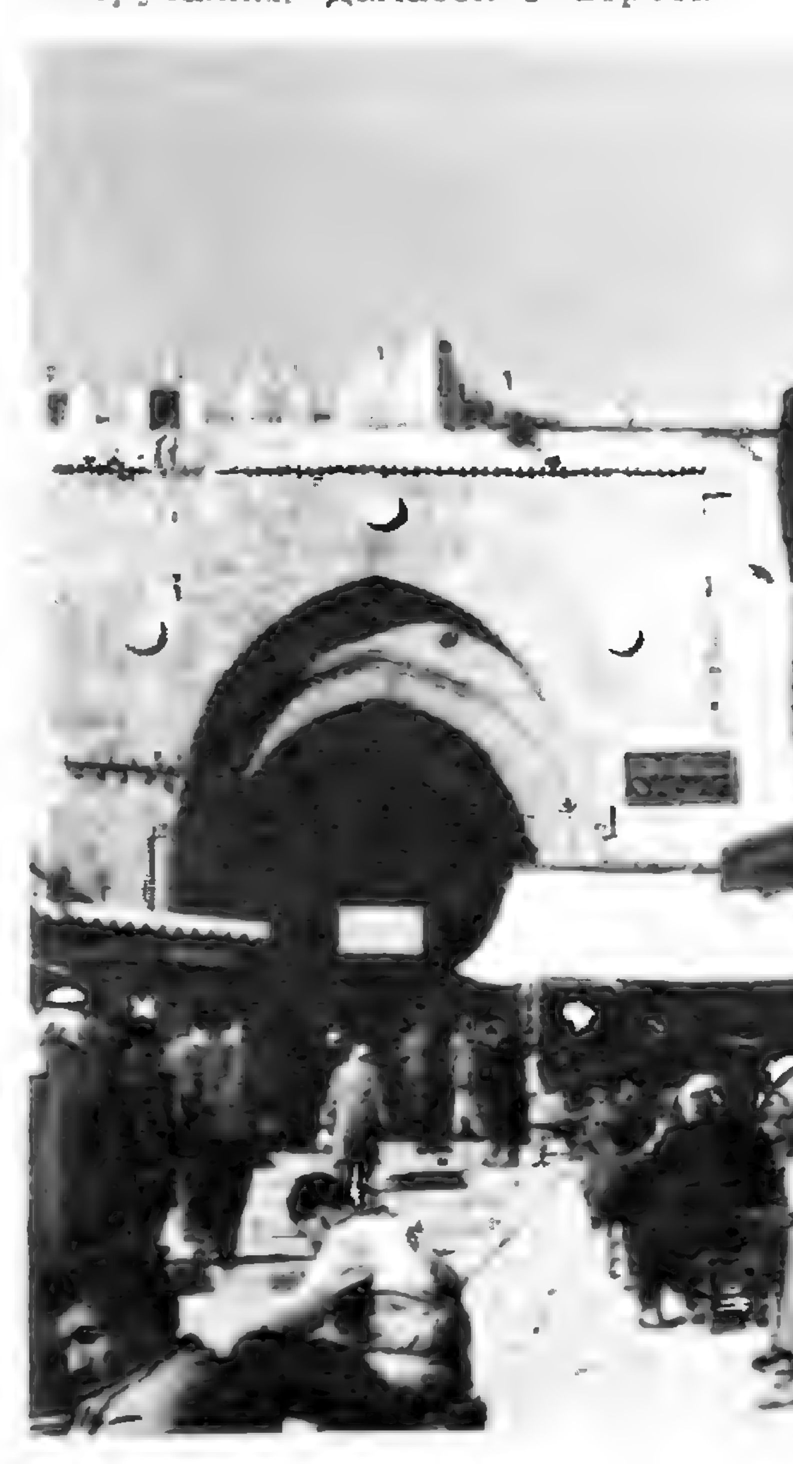
В Иерусалиме все странно переплелось и смешалось: исторические памятники с нелепыми вымыслами, глубокая древность со злободневной новью. Нельзя не залюбоваться изумительным орнаментом стен грандиозной мечети Омара, построенной почти тысячу триста лет назад. Но свежие проломы в чудесных узорах лазури и золотой смальты, разбитые решетки окон, напоминающих каменные кружева тончайшей работы, возвращают вас к событиям наших дней. Лишь несколько лет назад, во время палестинской войны, рвались здесь снаряды, руша драгоценные сокровища культуры.

С доктором Тагом мы побывали в одной из здешних школ. На тесном дворе, мощенном большими плитами, резвилась детвора, пока учитель не призвал ребят в классы, ударяя по куску рельса, привязанному к пальме.

Учитель Зугди Абдалла Сердави говорил, что школ в королевстве очень мало. Из десяти жителей лишь два умеют читать и писать. Показывая школу, он подчеркнул, что место это историческое. Здесь побывал знаменитый Салах-Ад-Дин (Саладин), здесь жил великий халиф Омар ибн-Хаттаб. Христиане утверждают, что в этом дворе творил свой суд Понтий Пилат и именно здесь римский наместник пытался выведать у Иисуса Христа, «что есть истина».

У здания школы начинается «Крестный путь», идущий по кривым и грязным улочкам на Голгофу, к Храму гроба господня. Стиснутые высокими стенами домов, улицы эти густо кишат народом. На некоторых из них даже в самый яркий полдень темно и сыро. Мелкие лавочки, образующие сплошные ряды, выставили свои товары почти под ноги прохожим. Здесь же жарится мясо, на глазах у покупателей готовятся восточные сласти, трудятся сапожники, портные. Бродит продавец во-

Иерусалим. Дамасские ворота.

ды с большой бутылью на животе. Две металлические чашечки как-то укреплены у него на пальцах, вроде кастаньет, он непрерывно стучит ими, наполняя воздух резким, металлическим звуком. Пестрая толпа движется по этой улице-траншее. Арабы в чалмах или серых платках, женщины, с ног до головы закутанные в черное, монахини-кармелитки в крылатых белых чепчиках, католические священники в котелках, греки-ортодоксы в высоких черных шапках с крестами на груди, солдаты, торговцы, крестьяне.

Вдруг из разноголосой толпы до моего слуха донеслись русские слова: «Ты только не опаздывай, Вася!». Кто их произнес, узнать было немыслимо.

На двери одной из лавочек висела афишка на русском языке: «Магазин Иосифъ Яковлевич Катанъ. Продается по умеренной цене разная церковная утварь, а именно: свечи, ладонъ, перламутъ, чотки, покрывала, воздухи. Иконы и сундуки на кипарисе и другие предметы».

Улочки поднимались в гору, большинство их сходилось на небольшой, глубокой от окружающих ее высоких стен площади. Здесь стоит Храм гроба господня — высокое массивное здание, сложенное из крупных камней.

Будучи человеком неверующим и не искушенным в религиозных обрядах, я мало что понял из того, что происходило внутри храма. В центре, под высоким куполом, стояла небольшая часовня. Под ажурными ее сводами мраморная надтреснутая плита, над которой висит множество больших лампад. Это и есть гроб.

Высокий купол храма подпирают металлические конструкции, такие же фермы поддерживают стены снаружи. Здание грозит обвалом. Там и сям развешаны красные огнетушители: здесь довольно часто бывают пожары, которые уже наносили строению большой ущерб.

При тусклом мерцании лампад и свечей трудно было разглядеть детали огромного темного помещения. Вокруг центральной часовни церкви — алтари христиан различных толков: отдельно католиков, армян, коптов. Больше всего, однако, греко-православных. К алтарям вели запутанные ходы, нужно было подниматься по крутым ступеням, потом спускаться вниз: храм построен на скалистой вершине горы. Кое-где шла служба, разносилось церковное пение.

Инженер Салем Аюб (в центре) и его помощники.

Вошла небольшая группа туристов, предводительствуемая очень подвижным, черным, как жук, гидом. Он бесцеремонно расталкивал священнослужителей, проводя свою группу от одной достопримечательности к другой. Объясняя что-то своим слушателям, он старался перекричать пение псалмов. У одного алтаря гид воскликнул:

— Медам, месье! Это русские иконы. Обратите внимание: они из чистого золота!

Настоятель храма архимандрит Кирияк пригласил меня в свою келью и расспрашивал о Москве, о Советском Союзе. Он грек, но неплохо говорит по-русски, лишь изредка вплетая английские или греческие слова. Он живет здесь уже 55 лет. Его комната напоминала зал музея. Но на небольшом столе с подсвечниками лежали свежие газеты и журналы.

Архимандрит сказал, что он читал многие речи митрополита Николая Крутицкого и Коломенского в защиту мира и горячо их одобряет, ибо проповедовать мир между народами — святое дело каждого христианина.

Сгущались лиловые сумерки, когда мы вышли из храма и стали спускаться с Голгофы по скользким камням мостовой. На белых ступенях большой церкви какой-то очень знакомой архитектуры сидела монашка в черных одеждах с лотком на коленях. Я направился к ней, чтобы купить пачку сигарет, и услышал, как она громко сказала кому-то в открытую дверь:

— Андреевна, ты бы сходила к Ибрагиму за луком.

Монашку звали Марьямовна. В 1913 году выехала она из Самарской губернии, а в следующем приехала сюда.

— Когда плыли, на море было волнение страшное, думали, все погибнем,— рассказывала она.

Она повела меня внутрь высокого пустынного храма, и шаги гулко повторяло многоголосое эхо. Этот большой монастырь был построен русскими мастерами, специально приезжавшими сюда из Москвы. Запыленные росписи стен вызывали в памяти работы палехских художников. Среди икон и религиозных картин одно полотно приковывало к себе внимание: Христос, несущий крест. С большой силой художник показал не бога, а человека, измученного, усталого. Я вытер густую пыль в углу картины и прочел: «Илья Репин. 1898 г.».

В этом богатом храме всюду видны следы упадка и запустения. Пахнет сыростью и пылью, как в доме, давно покинутом жильцами. Раньше в монастыре было много послушниц, а ныне остались лишь четыре дряхлые старухи. Какое-то общество выдает им небольшую сумму на пропитание...

— Неужто из самой Москвы? Вот чудеса-то, господи! — говорила Марьямовна, провожая меня.— А мы уж и забыли, какие люди русские. Как-то там на Волге теперь? Здесь русских нынче мало осталось. Старые послушники умирают помаленьку, а новых нетути...

В Иерусалиме и других местах есть несколько русских православных церквей и монастырей. Но здешнее духовенство раскололось на две партии: одни признают патриарха Московского и всея Руси, а другие подчиняются митрополиту Анастасию, живущему в Америке.

Иерусалимские газеты поместили заметки и фотографии по случаю приезда советского журналиста. Как рассказал мне один электромонтер, сын русского священника, это почему-то вызвало переполох в большом монастыре на Елеонской горе. Игуменья и ее помощницы долго обсуждали, как быть, если «он придет сюда». Дело кончилось тем, что на воротах вывесили надпись по-русски: «Заходить посторонним людям запрещается».

Марьямовна же, как видно, не разбиралась в высоких материях церковной политики и была просто искренне рада повидать человека с родимой земли, вдали от которой она прожила столько лет.

Мы двинулись дальше. Улицы, которые всего полчаса назад были такими шумными и тесными, с наступлением темноты сразу опустели. Часто попадались лишь вооруженные патрули да полицейские на лошадях. Мы прошли Дамасские ворота и были уже у своего отеля, когда вдруг издалека донеслась частая стрельба.

— Очередной инцидент на линии перемирия, это здесь часто бывает,— сказал наш спутник и пожелал спокойной ночи.

Мертвое море

Есть в нем что-то необычное, почти фантастическое. На этих иссушенных зноем землях даже самый крошечный ручеек — источник жизни. Возле него цветут сады, зреют злаки. Но воды этого моря убивают все живое. Многие народы побывали здесь — арабы, иудеи, греки, римляне. Каждый из них называл это огромное озеро на своем языке, но смысл имени был один: мертвое, гиблое, безжизненное.

Мы стояли на пустынном берегу: ни травы, ни птиц. На другой стороне озера из ярко-голубой воды круто поднимались красноватые горы. Голые, изрезанные морщинами склоны. Казалось, какая-то злая сила сорвала с них естественный покров.

Мы с доктором Тагом хотели искупаться, но полицейский, присматривавший за нами во время поездки, отговорил: холодно. Мы лишь умылись. Через несколько минут лицо и руки покрылись белым налетом соли, а на губах остался нестерпимо горький вкус, от него долго нельзя было отделаться. В этом море нельзя даже утонуть: густая вода сама удерживает человека на поверхности.

Иногда из Иордана в Мертвое море заплывает рыба. Она гибнет уже через минуту. Одну рыбешку, выброшенную на берег, нашел доктор Таг. Она была тверда, как палка, в крепком панцире из соли.

Полицейский, будучи христианином, просвещал нас с доктором насчет библейских преданий. Здесь некогда, говорил он, были плодороднейшие места, стояли цветущие города Содом и Гоморра. Но за беспутство жителей города были сожжены огнем и серою, а на их месте образовалось Мертвое море. Спасся лишь праведник Лот с дочерьми. А жену его наказали за любопытство и превратили в соляной столб...

— Однако одного столба маловато, чтоб сделать воду такой дьявольски соленой, да еще и горькой,— заметил доктор.

Мы двинулись дальше. Нас продолжал мучить вкус горькой соли на губах, и, завидев в стороне от дороги несколько палаток, мы направились туда и попросили напиться.

В палатках жили рабочие, которые под руководством инженера Салема Аюба прокладывали здесь трассу новой автомобильной магистрали. На ящиках, служивших столом, появились чашечки кофе, и сразу создалась атмосфера искренности и гостеприимства. Было приятно находиться среди этих простых людей Иордании, озабоченных судьбами своей родины.

Салем Аюб — один из восьмидесяти инженеров, имеющихся в королевстве,— с горечью говорил о низком уровне жизни народа, о стремлении империалистов искусственно держать страну в отсталости.

— Вы возвращаетесь от Мертвого моря,— говорил инженер.— Одно только это море может стать источником национального богатства для Иордании. Ведь это гигантская кладовая минеральных солей.

Химический анализ показывает, что каждый литр воды Мертвого моря содержит 275 граммов солей калия, натрия, брома, магния, кальция. Запасы минерального сырья исчисляются здесь в 43 миллиарда тонн! Бром и поташ здесь можно добывать в неограниченном количестве при крайне малых затратах. Страна располагает огромными запасами фосфоритов, которые имеют большой спрос на мировом рынке, а добывают их здесь ничтожно мало.

— Вы спрашиваете, почему? — продолжал инженер.— Потому что страной управляли иностранцы, которые хотели, чтоб она не развивала свои ресурсы. После палестинской войны к Иордании отошел большой завод по производству поташа на северном берегу Мертвого моря. Прибыли этого предприятия уже в то время составляли несколько миллионов фунтов. Эти средства можно было обратить на дальнейшее развитие промышленности. Но Глабб послал кочевников, и они по его приказу разрушили завод.

Прощаясь, Салем Аюб сказал:

— Мы помним и чтим все, что сделал Советский Союз для поддержки Египта в его борьбе за свободу.— И затем он добавил: — Спашибо.

Оказалось, что инженер работал в Иерусалиме вместе с сыном одного русского священника и запомнил это русское слово...

ОНИ ПРИЕДУТ ИЗ ВЕНЫ

Л. СТЕПАНОВ

Фото А. НОВИКОВА.

В Австрии желающих поехать на московский фестиваль оказалось так много, что пришлось провести несколько туров отборочных соревнований и ряд конкурсов.

Секретарь Подготовительного комитета В. Черман рассказал нам, что на московский фестиваль поедет около тысячи юношей и девушек. Среди них рабочие, служащие, студенты, крестьяне (хотя крестьян будет меньше, потому что фестиваль совпадает с уборочными работами в Австрии). На фестиваль хотят ехать люди самых различных взглядов, социального положения, возрастов. В Подготовительный комитет обратился даже один седовласый профессор, который заявил, что он непременно должен поехать в Москву со всем своим факультетом...

В состав австрийской делегации войдут четыре молодежных самодеятельных ансамбля Вены, Граца, Кремса и Инсбрука.

Председатель клуба Ганс Балёг поедет на фестиваль со всей своей семьей. Сам Ганс — служащий венской полиции. Жена его Анна работает на маргариновой фабрике, а сын Хайнц— ученик на сталелитейном заводе.

В рабочем клубе XII района Вены мы встретились с большой группой австрийских юношей и девушек.

Когда председатель клуба Ганс Балёг объявил, что в клуб пришли советские журналисты, молодежь окружила нас и стала расспрашивать о Советском Союзе. А мы, в свою очередь, спросили, кто из присутствующих собирается принять участие в московском фестивале и как к нему готовятся.

Среди танцующих нам показали Хайнца Слецака — руководителя организации «Свободная австрийская молодежь» в XII районе Вены. Позже он рассказал нам: «Я работаю электромонтером. Может быть, поэтому меня всегда особенно интересовали успехи вашей энергетической промышленности. Успехи эти колоссальны. Надеюсь, кое-что из этого удастся увидеть своими глазами». На нашем снимке вы видите Хайнца Слецака и его жену.

Эрика Турецек отправится в Москву в составе ансамбля организации «Свободная австрийская молодежь». Ансамбль, состоящий из 80 человек, везет в Москву боевые песни рабочего класса, такие, как «Братья, к солнцу и свободе...», «Варшавянка», а также австрийские народные песни. Танцевальная группа, в которую входит и Эрика, выступит на фестивале с национальными танцами.

←

→

Ученица ювелира Лизе-Лотте Клотц радостно сообщила нам, что она тоже поедет в Москву.

— Даже на фотографиях Кремль, университет и московское метро поразили меня красотой и величием, и я счастлива, что смогу теперь их увидеть...

Девятнадцатилетний металлист Вальтер Пашек едет в Москву в составе рабочей делегации завода «Сименс и Шуккерт». В делегации — 14 человек, из них 9 — ученики-металлисты, получающие лишь небольшое пособие. Молодежные прогрессивные организации и товарищи по работе помогают им собрать деньги на поездку.

Вальтер Пашек — член производственного совета учеников и молодых рабочих. Активный участник самодеятельности, он часто выступает как чтец и конферансье. Вальтер хорошо знает произведения Л. Толстого, Н. Гоголя, М. Горького, В. Маяковского, Н. Островского.

1927 год. Первый спортивный самолет-авиетка конструкции А. С. Яковлева.

В гостях у генерального конструктора

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. БИДЕНКО.

Тридцать лет назад в Москве, на поросшем травой Ходынском поле, появился крошечный белый самолетик. Его окрестили «воздушным мотоциклом». Около него суетился озабоченный юнец.

Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев.

Из ангаров, от выстроившихся на линейке аэропланов спешили к авиетке механики и летчики.

— Сашка самолет выкатил! — слышались возгласы.

На аэродроме хорошо знали юношу, помнили, как он прибегал сюда с ребятами посмотреть через забор на аэропланы, а окончив школу, стал работать на аэродроме: мыл хвосты самолетов, катал тяжелые бочки с горючим, помогал механикам. В свободное время он уходил на край Ходынки, к оврагу, где было самолетное кладбище, выискивая там среди разбитых аэропланов какие-то детали. А теперь, пожалуйста,— построил самолет...

И вот сейчас, через тридцать лет после описанных событий, я еду к бывшему пареньку с Ходынки — к генеральному конструктору, Герою Социалистического Труда Александру Сергеевичу Яковлеву — в руководимое им опытно-конструкторское бюро.

За окнами машины мелькают подстриженные газоны, обвитые зеленью ограды, проплывает серый корпус, внешне похожий на клинику, из которого доносится ровный гул станков. Автомобиль останавливается перед стеклянными дверями. Вхожу в вестибюль. Слева всю стену занимает скромная, но выразительная выставка, ставшая элементом оформления зала: на крупных фотографиях запечатлены самолеты, созданные в КБ.

В кабинете генерального конструктора стол, на котором нет ни книг, ни чертежей, ни бумаг. Одна только красная модель реактивного самолета.

— Юбилей? — улыбаясь, переспрашивает А. С. Яковлев.— Громковато. Правда, лично для меня и для всех сотрудников КБ эта дата дорога — тридцатилетие со дня полета первого сконструированного нами самолета.

— Сколько конструкций самолетов вы создали за эти годы?

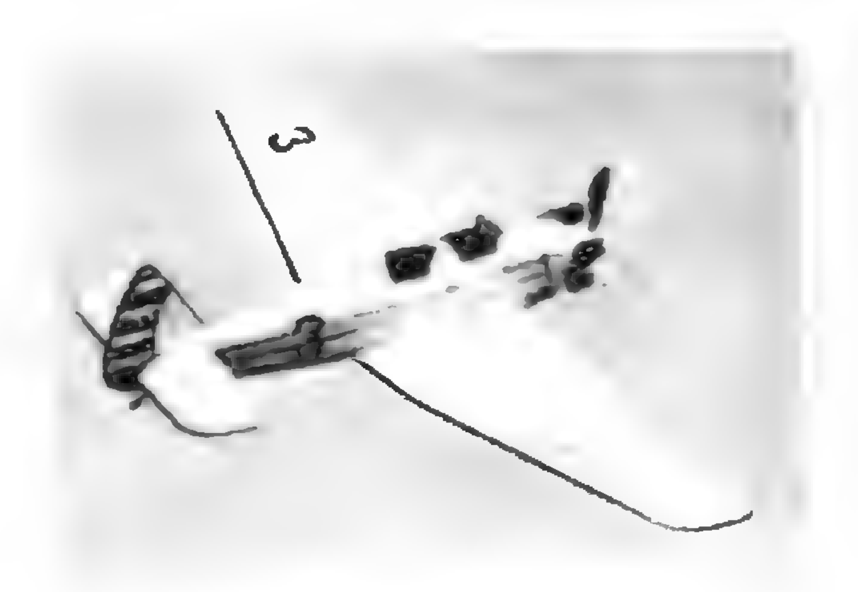
— Много. Наше бюро выпустило спортивные, учебно-тренировочные, боевые машины и даже вертолеты. В общей сложности за эти тридцать лет построено более 50 тысяч самолетов разных типов, разработанных в нашем бюро. Только за время Великой Отечественной войны было дано фронту около 30 тысяч истребителей «ЯК».

...Начинал Яковлев с самого малого: еще в школе он увлекался строительством авиационных моделей, помогая сооружать и испытывать планеры. Окончив школу, он не пошел сразу в институт, а отправился в авиационные мастерские, на аэродром, и был простым рабочим, потом помощником моториста, механиком. В ангарах, около самолетов, в гуще авиационной жизни будущий конструктор проходил свой «трудовой университет», который многому его научил за четыре года практической работы.

Еще в школе, в авиационном кружке, Яковлев уже определил свое будущее: он твердо решил стать конструктором. Эта мечта не угасла и на аэродроме. Комсомольская организация, кружок Авиахима поддержали юношу, приободрили его дружескими советами. Помогли ему нынешние крупные деятели авиации — Сергей Владимирович Ильюшин и Владимир Сергеевич Пышнов, уже тогда являвшийся специалистом в области аэродинамики.

Много было прочитано в то время Яковлевым книг, испорчено чертежной бумаги, проведено бессонных ночей в поисках правильного решения конструкции авиетки!

В те далекие годы, когда только зарождалась мощная советская авиационная промышленность, когда не было ни авиационных институтов, ни сети аэродромов, не существовало еще Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре — всего, что стало потом символом индустриальной мощи нашей Родины, на самолет, тем более на самолетостроение, смотрели, как на чудо. Ребятишки бегали за летчиками, считая их жителями других планет. Нужно было обладать большой силой воли, чтобы заняться совершенно новым делом. Но и тогда, тридцать лет назад, как и сейчас, Коммунистическая партия смело выдвигала молодежь, помогала расти новым талантливым кадрам.

1936 год. Учебный самолет «УТ-2». Тысячи таких самолетов стали «летающей партой» для советских летчиков.

После года работы над проектом Яковлев получил одобрение технической комиссии Авиахима, и ему выдали собранные московской пионерской организацией деньги на постройку первого самолета.

Яковлева окружили энтузиасты, поверившие в талант юного конструктора. Все свое свободное время отдавали строительству авиетки механик Алексей Анисимович Демешкевич, летчик Юлиан Иванович Пионтковский и другие. Строилась авиетка в зале лабораторного корпуса Академии имени Н. Е. Жуковского. После работы на аэродроме сюда приходил Демешкевич, снимал промасленную спецовку и, заглядывая в яковлевские чертежи, принимался за дело. Часто навещали Яковлева Пышнов и Ильюшин. Около каркаса будущего самолета толпились и слушатели академии.

Большие испытания подстерегали юношу. Один из слушателей академии почему-то написал заявление о том, что вот, мол, деталь узла крепления крыльев рассчитана у Яковлева неправильно и авиетка в полете обязательно развалится. Пришлось ходить по «инстанциям» и доказывать свою правоту, портить нервы, терять время. Потом состоялся неприятный разговор с начальником учебного отдела академии.

— Вы не имеете никаких оснований для того, чтобы строить самолет,— говорил он Яковлеву.— У вас нет ни образования, ни опыта. А ведь вам отпустили большие деньги для постройки. И потом, не забывайте, что в самолет должен будет сесть человек. Где у вас уверенность, что летчик не разобьется? Я бы на вашем месте отказался от этой затеи. Имейте в виду: она может для вас плохо кончиться...

1943 год. Истребитель «ЯК-3».

Но Яковлев не испугался. Он продолжал увлеченно работать: был и конструктором, и чертежником, и казначеем, и прорабом, и администратором. Его не забывала общественность и старшие товарищи-коммунисты, верившие в талант, в волю юноши.

1 мая 1927 года самолет был готов и перевезен на аэродром. Это был маленький, легкий, изящный аэроплан.

Многие считали, что авиетка не будет летать. Нашлись даже

Хорошие аэродинамические формы яковлевских реактивных самолетов особенно наглядны на этом снимке.

люди, которые уговаривали летчика Юлиана Ивановича Пионтковского отказаться от испытаний. Но Юлиан после пробы мотора сел в кабину, дал газ, сделал пробежку, чтобы узнать, как самолет слушается рулей, добрался до старта — и в воздух! А 12 июня 1927 года Яковлев отправился с Юлианом Пионтковским в перелет Москва — Харьков — Севастополь. Обратно Пионтковский летел один (место пассажира заняп дополнительный бак с горючим). Новый самолет, не делая посадок в пути, пролетел из Севастополя в Москву. Это был мировой рекорд для спортивных машин на дальность полета — 1 420 километров, и такой же рекорд на продолжительность полета — машина пробыла в воздухе пятнадцать часов тридцать минут.

Скептики умолкли. По ходатайству Авиахима Александра Сергеевича, как хорошо зарекомендовавшего себя первой самостоятельной конструкторской работой, приняли в Военно-Воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. Здесь за время учебы он построил еще несколько самолетов. Его легкие машины летали в Иркутск, Минеральные Воды, утверждая новые рекорды.

Работать А. С. Яковлеву вначале приходилось на московском авиационном заводе, где в конце концов его постигла беда: директор приказал изгнать конструктора и всю его группу. Но за него заступилась заводская партийная организация. Дело дошло до правительства, и оттуда последовало указание руководству Глававиапрома создать условия Александру Яковлеву для его работы. Тогда деятели из Глававиапрома отдали конструктору на окраине Москвы старую кроватную мастерскую.

В кроватной мастерской стоял один примитивный токарный станок для навивки пружин; двор с грудами мусора зарос бурьяном. Можно было прийти в отчаяние, но коллектив энтузиастов авиации — молодежь — упорно добивался своего права на творчество. Они взялись за переоборудование кроватной мастерской, и теперь на ее месте стоит одно из самых культурных и отлично оборудованных предприятий.

...Образно говоря, «полмира летает» сейчас на учебных и спортивных самолетах А. С. Яковлева. В нашей стране, в странах народной демократии, в великом Китае нет летчика, который не прошел бы обучение на яковлевских самолетах, на «летающих партах» — «УТ-1», «УТ-2», «ЯК-11», «ЯК-18». Из конструкторского бюро, возглавляемого А. С. Яковлевым, вышла серия таких учебно-тренировочных самолетов, на которых вот уже двадцать лет ведется подготовка всех летных кадров нашей страны.

Но в КБ занимались не только учебными и спортивными самолетами. За минувшие годы талантливый коллектив создал первоклассные боевые машины. Во время Отечественной войны в боях с врагом прославились скоростные «ЯК-1», «ЯК-3» и «ЯК-9». Мировая печать оценила их тогда «лучшими истребителями». Показательно, что когда французским летчикам из полка «Нормандия» предложили выбирать любой истребитель — американскую «аэрокобру», английский «спитфайр» или какой-нибудь другой самолет,— они единодушно заявили: «Дайте нам «ЯК-3». После разгрома врага, отправляясь домой, летчики «Нормандии» получили в дар от советского правительства 40 яковлевских истребителей и с гордостью демонстрировали их во Франции.

Одна из самых славных страниц в истории конструкторского бюро — создание реактивных самолетов. Одиннадцать лет назад, в 1946 году, в Тушине на авиационном празднике, появились первые реактивные самолеты «ЯК-15» и «МИГ-9». Рев, свист, гул реактивных первенцев, их скорость потрясли зрителей. Вскоре военные летчики П. Стефановский и И. Полунин на «ЯК-15» впервые в мире выполнили сложнейшие фигуры высшего пилотажа. На яковлевских реактивных самолетах пятерка смельчаков, возглавляемая дважды Героем Советского Союза Е. Савицким, впервые исполнила групповой пилотаж.

1945 год. Построен первый реактивный истребитель «ЯК-15».

Из года в год в День воздушного флота москвичи наряду с машинами других прославленных советских авиаконструкторов видели в Тушине много яковлевских самолетов. «ЯК-12» проносили в небе знамена союзных республик, армада «ЯК-18» выписывала в небе слова привета: «Слава КПСС»; ведомые воздушными спортсменами, яковлевские машины принимали участие в показательных спортивных выступлениях; «ЯКи» приносили на своих крыльях и парашютистов. Затем в небе над Тушином появились самые большие в мире вертолеты — «летающие вагоны» — «ЯК-24». Вихрем пролетали яковлевские самолеты и в третьей части праздника. Наконец, в завершение большой и многообразной авиационной программы воздушного парада демонстрировались новейшие скоростные самолеты конструкций А. Туполева, С. Ильюшина, А. Микояна, В. Мясищева, О. Антонова, П. Сухого, А. Яковлева.

Скорость, скорость — вот девиз Яковлева и даже... его телеграфный адрес. В дружной семье талантливых советских авиаконструкторов он и его помощники штурмовали «звуковой барьер», создав самолеты, летающие со сверхзвуковой скоростью. Уже достигнута фантастическая быстрота полета, а конструктор продолжает думать о новых машинах и работает над преодолением «теплового барьера».

Я прошу Александра Сергеевича рассказать, как создается новый самолет.

— Прошел век талантливых одиночек,— говорит он.— Строительство самолета, воплощающего в себе новейшие достижения науки и техники, требует коллективных усилий, коллективного творчества. Лишь таким путем можно создать новый самолет. Мы знаем, что от него требуются не только отличные боевые качества, хорошая устойчивость, управляемость, но он должен быть легким, максимально удобным для серийного изготовления. Это очень трудная задача. Важно сделать новый самолет прочным и в то же время не очень тяжелым. А прочность и легкость всегда воюют между собой.

Сначала даже не на бумаге, а в мечтах рисуешь будущую машину, видишь ее архитектурные формы. Затем, словно просвеченный рентгеном, предстает каркас, кабина летчика, огневое вооружение. Мысленно представляешь не только внешний вид, но и материалы, из которых нужно строить самолет, тип, мощность двигателя, оборудование, размеры, профиль крыла и оперения. Бывает так, что нарисуешь и отвергнешь целую серию конструкций. Хлопот, забот и огорчений в эту пору у конструктора много. Бывает и так, что для достижения высоких скоростей и дальности полета требуются совершенно новые металлы и жароупорные сплавы, и тогда в промышленности начинается упорная борьба за выпуск новых материалов для сверхзвуковых самолетов.

Яковлев долго рассказывает о сложной творческой лаборатории конструктора, о тернистых путях, которые порой надо одолеть коллективу, чтобы воплотить свой смелый замысел. И не всегда и не все сразу верят в него. И мне кажется, что в эти минуты перед мысленным взором рассказчика встают картины большой жизни конструкторского бюро, готовые модели самолетов, помещенные в жерле аэродинамической трубы ЦАГИ, в которой бушуют ураганы, затмевающие все земные ветры. Может быть, видит он и ту маленькую авиетку, со стрекозиной легкостью порхнувшую тридцать лет назад в небо, от которой год от года и идет счет многих тысяч крылатых «ЯКов».

1948 год. Реактивный двухместный учебный самолет «ЯК-17 УТИ».

На старте — двухдвигательный реактивный истребитель конструкции А. С. Яковлева.

Рыбачья пристань в городе Созополе.
Фото Н. Козловского.

Любители-рыболовы на реке Ропотамо.

Чехословакия, 1957...

Сергей КРУШИНСКИЙ

Когда наш «ТУ-104» приземлился на пражском аэродроме, мой спутник, директор машинно-тракторной станции в Сальской степи, сказал с некоторым как бы недоумением:

— Два часа двадцать минут! Тогда, давно, этот путь занял у меня чуть побольше трех лет. Те, для кого война не прошла стороной, знают, что это значит: три года наступательных боев... Два тяжелых ранения, госпитали... Нет, не надо забывать, как тяжел был этот путь на помощь друзьям! И как же надо беречь эту дружбу!

...Есть в Праге целые районы, куда почти не доносится городской шум, где слышишь только шелест листвы да хозяйственный щебет черных дроздов, которые отлично уживаются здесь и вьют гнезда прямо под окнами.

В одном таком районе, в Нуслях, я и встретил Марию Маковскую, женщину, вся судьба которой говорит о широте тех изменений, которые принесла новая жизнь.

Маковской шестьдесят три года. Она прожила в Нуслях всю жизнь. Вот уже тридцать шесть лет соседи видят ее выходящей по утрам из одного и того же дома. До недавнего времени Маковская нигде не работала. Жила на заработок мужа, мелкого почтового служащего. Правда, она вырастила сына, который стал ученым. Но ведь этого мало для того, чтобы тебя выдвинули кандидатом в национальный комитет Большой Праги. А Маковская удостоилась этой высокой чести. Дело в том, что в течение двадцати лет она развивала в своем районе как будто и маленькую, как будто и незаметную, но по-человечески глубоко значительную деятельность: работала в общественной комиссии социальной помощи.

— О, это было нелегкое дело! — вспоминает Маковская.— Иной раз так насмотришься на эту беспросветность, на эту неотступную нищету, что потом целую ночь проплачешь. По городу собирали на бесплатные обеды для престарелых, больных, безработных. Буржуазное чехословацкое государство отворачивалось от простого человека, как только он становился не нужен капиталисту...

И еще Маковская играла на любительской сцене, все из того же благородного желания облегчить, украсить жизнь забытого «маленького человека».

И новый строй оценил этот прежде безвестный подвиг. В шестьдесят лет Маковская, сохранившая живой интерес к окружающей жизни, получила первую должность. Ее назначили директором районного Дома культуры.

Нет, она и теперь не забыла главного призвания своей жизни. В Нуслях, на окраине города, живет много людей, которые свое отработали. Материальную заботу о каждом из них взяло теперь на себя государство. Но ведь дело не только в хлебе и жилище! И Маковская неутомима, стараясь заполнить глубоким духовным содержанием жизнь людей, которые трудились, не жалея сил, пока у них были эти силы. Она устраивает киносеансы для престарелых, посылает им книги из Дома культуры, раз в неделю сама читает тем, у кого ослабло зрение.

Разве судьба этой женщины — депутата городского национального комитета — не вносит свой штрих в облик столичного самоуправления, да и в облик самой столицы народной Чехословакии?

...Незабываемо лицо города Моста с его широкими и открытыми дорогами, что ведут от центра к шахтам и разрезам, где добывается бурый уголь. Сразу чувствуешь: здесь живут рабочие — хозяева заводов и недр.

Четверть века назад в майские дни здесь разразилась массовая забастовка, знаменитая забастовка мостецких шахтеров, выступивших против закрытия шахт, нищенского уровня жизни. Забастовка пользовалась широкой поддержкой в народе. Крестьяне окрестных селений снабжали забастовщиков продовольствием. Движение солидарности всколыхнуло и интеллигенцию. Привлекло, например, таких людей, как Зденек Неедлы, молодой Юлиус Фучик, Иван Ольбрахт, Мария Майерова, Витезслав Незвал. Против фронта наступающей буржуазии встал народный фронт. И тут «сверхлиберальное» пражское правительство, отбросив в сторону пышно разрекламированную маску гуманизма, призвало на помощь жандармерию, конных улан и совершило бесчестное кровавое нападение на угольщиков...

Иным был в то время Мостецкий район. Добыча угля в бассейне даже в годы процветания не поднималась выше двадцати двух — двадцати трех миллионов тонн, а когда начался кризис, шахтовладельцы сократили добычу еще на одну пятую. Большего количества мостецкого угля не могла поглотить промышленность того времени.

А вот как повела дело народная власть. В текущем году горняки бассейна обещали дать стране тридцать три миллиона тонн угля. Фактическая добыча идет впереди программы. Согласно планам, через три года добыча подымется на десять миллионов тонн, а за следующие пять лет — еще на пятнадцать миллионов тонн. И это несмотря на то, что в будущем предусмотрен отказ от сжигания угля в топках электроцентралей. Электроэнергия будет производиться за счет атомных и водных ресурсов. Угольные богатства будут использоваться как высокоценное сырье. Тем не менее промышленность поглотит их без остатка...

Социализм открыл пути к осуществлению самых дерзновенных замыслов. При этом в развитии Чехословакии все заметней выступает одна замечательная черта: умение в борьбе за большие цели не пренебрегать малыми средствами. Здесь существует массовое движение, названное борьбой за эффективность производства: извлекать предельную выгоду, обходиться без крупных капиталовложений всюду, где это возможно. При проектировании и производстве машин экономить каждый килограмм металла.

— Гвоздь для крепления рельсов шахтной узкоколейки, и тот должен быть легче,— говорили мне мостецкие рабочие,— и на нем можно сэкономить!

Деловое, сделанное как бы между прочим, хозяйское замечание, может быть, лучше длинных речей объясняет причину быстрого развития и этого края и всей республики...

Южная Чехия. Небольшое село прилепилось к шоссейной дороге двумя десятками аккуратных домиков. С одной стороны над ними возвышается крутой холм и по склону его подступают леса Шумавы в заплатах распаханных полей, по другую — простирается округлая долина. По ней, огибая пруд, то и дело пробегает, мелькая меж стволами плакучих ив, небольшой трактор на резиновом ходу, с прицепной площадкой.

— Возим землю на луга,— сказал мне человек в помятом вельветовом костюме.— Теперь нам все под силу! Трактор, между прочим, наш, кооперативный. Большие работы выполняет нам государственная станция, а для малых у нас свой трактор. Целый день он на посылках. Семена подбросить на пашню — он. Молодежь повезти в кино — опять он. Где грузовику с ним тягаться! А насколько дешевле! Трактор и ходит-то на керосине! Случись нужда вспахать кому-нибудь загуменный участок — опять выручает тот же трактор!

Года полтора назад середняк, владелец девяти гектаров земли, Ян Хмелец написал в газету. «Я живу хорошо,— писал Хмелец,— собираю неплохой урожай, продаю молоко и хлеб, но все же предпочел бы работать в «дружестве».

В ответ посыпались письма из всех уголков страны. Незнакомые люди спрашивали, все ли он хорошо обдумал. Одни поддерживали, другие возражали ему. Не обошлось и без анонимных угроз. Тем временем Хмелец распахал межу, защиту которой еще недавно считал самым святым делом своей жизни. В Скочице по его призыву образовался единый сельскохозяйственный кооператив.

Первый год совместной работы принес скочицким кооператорам полное удовлетворение. Соревнование с единоличниками было тем более наглядным, что и те и другие владели одинаковой площадью: сто семь гектаров пахотных угодий. Год был удачливым. Единоличники собрали по двадцать три центнера зерновых с гектара. Но кооператоры опередили их. Пшеницы у них на полях уродилось по двадцать пять центнеров, ячменя и овса — по двадцать шесть. Помогло применение химических средств при уничтожении сорняков, более ранняя уборка урожая с помощью машин.

И вот перед новым выездом на поля объединилось в кооперативе все селение; лишь две — три полоски за лесом не вошли еще в общий массив.

— Сдвинется с мертвой точки и животноводство,— говорит мне Ян Хмелец.

С первых же шагов кооперативам удается расширить кормовую базу. Путь? Мелиорация лугов, силосование кормов. Мелким крестьянам силос вообще не был известен. Другое дело — коллектив. Уже есть кооперативы, где для каждой коровы готовят в зиму семь — восемь тонн силоса. Много выгод приносит лучшее содержание скота. Здесь распространен туберкулез коров. И до тех пор, пока коровы круглый год стоят в темных, душных хлевах, бороться с этой болезнью невозможно. Другое дело — кооператив. Появляется светлая, хорошо проветриваемая ферма, а вслед за ней и выгон, хотя бы небольшой, чтобы скот можно было выпускать на прогулку...

От Праги до глухого селения — всюду в Чехословакии на тринадцатом году ее новой истории видишь картины рождающегося в труде и борьбе социализма.

Прага. На Пршикопе.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Об этой книге начали говорить еще до выхода ее в свет. Друг Джона Рида журналист А. Вильямс писал, что, когда Рид в 1918 году прибыл из революционной России в гавань Нью-Йорка, агенты американской охранки отняли у писателя рукописи и другие материалы поездки. Джон Рид все-таки сумел вернуть их. Американские молодчики шесть раз врывались в контору издательства, пытаясь украсть и уничтожить рукопись книги Рида.

«10 дней, которые потрясли мир» — книга о Великой Октябрьской социалистической революции, о первых днях Советской власти. Владимир Ильич Ленин в предисловии к американскому изданию книги писал: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

В настоящем, двенадцатом издании книги даны приложения Джона Рида, его записи, различные документы и материалы политической жизни России 1917 года. Заключающая книгу «Биография Джона Рида», написанная А. Вильямсом, рисует увлекательную, полную опасностей жизнь американского писателя-коммуниста, «странника больших дорог мира».

Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. Госполитиздат. Москва. 1957. 352 стр.

«БИБЛИОТЕЧКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА»

Более ста лет назад с появлением на свет революционного марксизма социализм впервые получил научное обоснование и превратился из утопии, каким он был до Маркса, в науку.

Ныне социализм — это уже не отдаленная мечта, а живое дело миллионов трудящихся нашей Родины, построивших под руководством Коммунистической партии новое, социалистическое общество, это творческая деятельность трудящихся стран народной демократии, идущих вперед по славному пути социализма.

Теория научного социализма разработана гениальными учителями рабочего класса и всех трудящихся Марксом, Энгельсом, Лениным. Огромный вклад в дальнейшее развитие теории марксизма-ленинизма внесли виднейшие революционные деятели различных стран, руководители Коммунистической партии Советского Союза и братских коммунистических и рабочих партий.

Чтобы помочь партийным, советским и хозяйственным кадрам, а также советской интеллигенции в изучении марксистско-ленинской теории, Госполитиздат предпринимает издание «Библиотечки научного социализма».

Библиотечка будет включать произведения классиков марксизма-ленинизма, виднейших пропагандистов и популяризаторов марксистской теории, работы руководителей КПСС и братских коммунистических партий. В нее войдут произведения, которые освещают основные проблемы научного социализма: учение о классах и классовой борьбе, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, учение о партии, о союзе рабочего класса и крестьянства, национальном вопросе и пролетарском интернационализме, о формах перехода различных стран к социализму, возникновении и развитии мировой системы социализма, а также произведения, разоблачающие ревизионистские теории и империалистическую сущность современного капитализма.

Библиотечку предполагается издавать в виде отдельных выпусков, содержащих одно или несколько произведений того или иного автора, объединенных единой темой. Библиотечку откроет гениальное произведение научного социализма — «Манифест Коммунистической партии». В следующих выпусках будут опубликованы произведения К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы» и другие, а также произведения Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы», «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Из работ В. И. Ленина в библиотечку войдут: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Три источника и три составных части марксизма», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и многие другие. Ряд выпусков будет представлять собой сборники произведений В. И. Ленина по коренным вопросам строительства социалистического общества — «Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма», «Против ревизионизма, в защиту марксизма», «О государстве», «Вопросы строительства социализма и коммунизма в СССР», «О социалистической идеологии и культуре».

Специальные выпуски библиотечки будут содержать произведения виднейших пропагандистов и популяризаторов марксизма конца XIX — начала XX века: Г. Плеханова, П. Лафарга, А. Бебеля, К. Каутского, К. Цеткин, В. Либкнехта, Ф. Меринга, Д. Благоева, В. Коларова, Р. Люксембург, К. Либкнехта, А. Лабриолы, А. Грамши и других.

Несколько выпусков библиотечки будет посвящено вопросам строительства социализма и коммунизма в СССР. Сюда войдут работы руководителей Коммунистической партии Советского Союза и виднейших государственных деятелей нашей страны.

Вопросам международного коммунистического движения, развития и укрепления социалистического лагеря посвящены выпуски библиотечки, содержащие произведения крупнейших деятелей зарубежных коммунистических и рабочих партий: Г. Димитрова, Э. Тельмана, Мао Цзэ-дуна, В. Пика, М. Тореза, П. Тольятти, Бела Куна, Ж. Дюкло, М. Реймана, У. Фостера, Г. Поллита, Д. Ибаррури, К. Готвальда, Б. Берута, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лая, В. Ульбрихта, А. Новотного, Г. Георгиу-Деж, В. Гомулки, Я. Кадара.

«Библиотечка научного социализма» будет содержать приблизительно 68—70 отдельных, одинаково оформленных книг единого формата. Издание библиотечки будет осуществлено в два—три года.

К. БОГОЛЮБОВ

НА РЕКЕ РОПОТАМО

Созопол, пожалуй, самый своеобразный городок на всем Черноморском побережье Болгарии. Он суров, как и обветренные лица его рыбаков, как их быт, как скалы, на которых лепятся друг к дружке созопольские дома.

Зимние штормы с тысячеверстного разгона бьют в отвесную высокую скалу, и тогда брызги, подобно картечи, летят по улицам городка. Поэтому созопольцы обшивают наружные стены домов дранкой, которая серебрится и похожа издали на рыбью чешую.

Кроме этой дранки, тут вокруг все камень да камень. Узкие, причудливо извивающиеся улочки похожи на траншеи, вырубленные в скале...

Созопол не был целью нашей поездки. Мы надеялись пробраться в устье реки Ропотамо и подняться вверх по ее течению.

Книги по географии и туристские справочники, друзья и случайные знакомые твердили нам, что Ропотамо — один из самых красивых и диких уголков Болгарии.

Ранним утром, обогнув мыс, мы очутились лицом к заре: перед нами не было ничего, кроме зари да моря. Утренний румянец неба был, однако, не так еще ярок, чтобы окрасить волны, и вокруг бота по-прежнему плескалась зелено-желтая лунная жидкость. Вылетая из красной зари, неслись над морем навстречу нам черные птицы, словно там, за горизонтом, раздували гигантский горн, а хлопья сажи и пепла падали далеко в разные стороны. Птицы летели стремительно и постепенно утрачивали свою черноту, становясь красными от купания в потоках обильной, бьющей как бы фонтаном зари. Это были чайки.

По правому борту, в отдалении, громоздился берег. Ни дерева, ни дома нельзя было разобрать. Только в одном месте зиял черный пролом ущелья, из которого стекало на морскую гладь густое молоко тумана. Там и было устье реки Ропотамо. Мы искусно проскочили между камнями, и вместо пестреющего белыми барашками моря мертвенная, как бы застекленная гладь окружила нас.

Берег раздвигался скупо — боту нашему и не развернуться без заднего хода. Теперь каждая травинка видна и на правом и на левом берегах реки. Что и говорить, не очень широка Ропотамо. Не широка, но сказочно красива! Еще и потому она, должно быть, знаменита в Болгарии, что все остальные реки бурны, кипящи, стремительны, мутны, узловаты, каменисты,— одним словом, горные реки, которые, и разливаясь по долинам, не утрачивают своего темперамента.

А эта тихая, задумчивая красавица, прозрачная, как бы даже не текучая, прихотливо извивается среди воистину джунглеподобной зелени.

Не успели мы высадиться, как на поляну выскочили из чащи два некрупных кабана, черных, щетинистых, злых. Они недоуменно поглядели на нас и скрылись в зарослях зонтичных трав, похожих скорее на деревья.

Удивительные растения совместила здесь щедрая природа! Взять хотя бы эти зонтичные. Высотой почти с телеграфный столб, толщиной с добрую оглоблю, они поднимались непроходимой стеной, заставляя вспоминать прочитанные в детстве научно-фантастические книжки.

Рядом свисают с деревьев зеленые веревки лианоподобных растений, и яркие птицы прыгают по ветвям. А поодаль вдруг набредете вы на озерко, заросшее белыми лилиями, — ни дать ни взять где-нибудь под Солотчей в приокской пойме.

Перевалив за гребень одного холма, ни с того ни с сего вы попадаете в песчаные дюны. Пейзаж настоящей пустыни, с чахлыми кустиками колючих трав, даже с лошадиным черепом, полузанесенным песком, окружает вас. Здесь смело можно было бы снимать фильм, местом действия которого была бы пустыня. И все это на берегу реки, в которой первозданно кишит и речная и морская рыба...

В. СОЛОУХИН

Поэты гордого народа

«Лицом бел, рябоват, глаза светло-русые, нос посредственный, волосы на голове и бровях черные»,— такими словами в 1832 году описывал штабной писарь облик великого просветителя кабардинского народа Шору Бекмурзина Ногмова. Писатель Хачим Теунов, приведя эти строки, замечает: «Ни словом, конечно, не обмолвился составитель «формулярного списка», какой «рост» имела, чем была заполнена могучая душа поэта и просветителя из Кабарды».

В книге Хачима Теунова «Свет с Севера», рассказывающей о судьбе трех поэтов — Шоры Ногмова, Бекмурзы Пачева и Али Шогенцукова, нет исчерпывающих биографических сведений об их жизни. Но зато из рассказов Теунова четко вырисовывается величие души, характеры людей, которые отдали все свои силы на то, чтобы их родина была свободной и счастливой, а трудолюбивый кабардинский народ — просвещенным, культурным.

Знаменательно схожи жизненные устремления трех поэтов. И Шора Ногмов, и Бекмурза Пачев, и Али Шогенцуков трудились над созданием кабардинской письменности, разрабатывали национальный алфавит. Они несли грамотность в сакли бедняков. Ногмов, Пачев, Шогенцуков не только пламенным поэтическим словом, но и своими замечательными делами восстали против диких, уродливых черт в жизни кабардинцев, против засилья невежественных мулл, царских чиновников, князей и уорков. Достаточно вспомнить, как Бекмурза Пачев вместо приветствия бросил в лицо начальнику Терской области гневные стихи:

Зачем ты, небо хмуря,
Народ бросаешь в бездну...

На заре девятнадцатого века в русскую крепость пришел юноша Шора Ногмов и обрел в ней друзей и духовных руководителей. Мы видим молодого офицера Шору Ногмова рядом с великим Пушкиным.

Затем Теунов переносит нас в Советскую Кабарду, и мы присутствуем на съезде колхозников, слушаем льющуюся, как песнь, речь седобородого народного поэта Бекмурзы Пачева, заглядываем в заветную землянку, где Пачев создавал свои стихи и поэмы. Вот вместе с Али Шогенцуковым мы бродим по цветущим взгорьям обновленного края. И везде в книге Теунова за биографиями трех поэтов ощущается большая судьба народа, судьба горной Кабарды, которая четыреста лет тому назад добровольно присоединилась к России. Весь образный строй книги раскрывает благотворное влияние русской культуры, революционных освободительных идей, которые шли с севера из России!

«Гробница человека разрушается, а песня до разрушения мира не исчезнет»,— говорит народная кабардинская пословица. Заботой о судьбе песни и проникнута книга Хачима Теунова.

К. БАКШИ

Хачим Теунов. Свет с Севера. Рассказы о поэтах. Издательство «Молодая гвардия». 1956. 160 стр.

Так проходили заседания VIII Международного конгресса моды.

Костюм для зимнего спорта (Румыния).

КОНГРЕСС МОДЫ

Костюм спортивного типа (Венгрия)

Выходное платье на полную фигуру (Польша).

Как должна быть одета женщина на работе? Как надлежит выглядеть девушке на танцевальном вечере? В каком костюме удобнее заниматься спортом? Какие цвета и формы пальто больше подходят для пожилой, полной женщины? Какую одежду надо шить для наших детей и каким должен быть модный мужской костюм? Все эти вопросы, интересующие очень многих людей и в нашей стране и за рубежом, обсуждались на недавно проходившем в Москве VIII Международном конгрессе моды.

В этих обсуждениях приняли участие делегации Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая (присутствовавшая в качестве наблюдателей), Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Они привезли в Москву на авторитетный суд коллег самые лучшие, самые модные и красивые модели. Здесь соревновались не только художники-модельеры, задумывающие модели, и манекенщицы, демонстрирующие их,— соревновались швейники, воплотившие в жизнь замыслы художников, текстильщики, создавшие новые ткани, кожевенники, обувщики... Все они вложили немало своего труда, вкуса, искусства на то, чтобы создать красивую, модную, удобную и недорогую одежду.

Главное условие для показанных на конгрессе моделей — возможность внедрить их в массовое производство. Это стремление воодушевляло всех участников конгресса, определило общее направление, стиль показанных вещей.

Свыше четырехсот моделей было продемонстрировано в Общесоюзном Доме моделей во время конгресса. Они были созданы на пятьдесят ранее заданных тем. Скромные, элегантные, красивых модных линий и цветов платья сделаны преимущественно из хлопчатобумажных или искусственных тканей. Несмотря на единый стиль всей коллекции, модели каждой страны имеют свой собственный, ярко выраженный характер.

Подробно обсуждают присутствующие каждую вещь: ее соответствие назначению, климатическим условиям страны, возрасту, для которого она предназначена; детально разбирают цвет и форму платья, шляпы, сумки, туфель, перчаток, украшений. Только при полной гармонии всех элементов одежды модель получает одобрение. Но надо сказать, что такие отзывы получили многие модели, и не только от членов делегаций, но и от присутствующих на конгрессе многочисленных корреспондентов стран — участниц конгресса и многих других.

А когда закончился конгресс, большинство моделей было показано во Дворце спорта в Лужниках. Здесь с ними познакомились десятки тысяч москвичей. Пройдет еще немного времени, и сто пятьдесят из показанных на конгрессе моделей начнут шить швейные фабрики каждой страны.

И. СЕМЕНОВА

Фото О. КНОРРИНГА.

Демонстрация моделей в Лужниках вызвала большой интерес москвичей.

Спортивное пальто (ГДР).

Зимнее пальто (СССР).

Выходное летнее платье (Чехословакия).

В заключение просмотра были показаны вечерние туалеты (Болгария).

Заметки стайера

В. КУЦ,
заслуженный мастер спорта

Чем дальше отходили в прошлое XVI Олимпийские игры, тем все больше ярких черточек, казалось, вовсе не замеченных раньше, возникало в памяти. Так наступил момент, когда я как бы снова оказался в Мельбурне, снова увидел австралийскую весну в ноябре, весну человеческих отношений в разгар самой острой спортивной борьбы, снова увидел теплые улыбки незнакомых людей и хорошо знакомых мне соперников.

Видимо, столь велико было нетерпение, с которым я ждал встречи с ними на беговой дорожке, что я мог думать только о них, оставляя за пределами своего внимания все то, что прямо к этому не относилось. Но теперь я смотрю на пережитое как бы другими, более спокойными и зоркими глазами.

В течение многих лет мировые рекорды в беге на 5 и 10 тысяч метров принадлежали спортсменам только одной страны — Финляндии. Колехмайнен, Нурми, Лехтинен, Ритола и их ученики от года к году, как эстафету, передавали друг другу рекорды. В конце концов многим стало казаться, что в других странах для них нет и не может быть конкурентов. Более того, нашлись такие знатоки, которые пришли к выводу, что сами стайеры Финляндии уже почти исчерпали все возможности для увеличения скорости бега, что они подходят к пределу человеческих сил. Но вот в 1942 году, спустя тридцать лет после того, как Колехмайнену удалось установить гегемонию финских бегунов на дистанции 5 тысяч метров, шведский бегун Хэгг показал новый мировой рекорд — 13 минут 58,2 секунды. А через семь лет был положен предел и превосходству финнов в беге на 10 тысяч метров: Эмиль Затопек зачеркнул результат последнего финского рекордсмена Хейно, с тем чтобы весной 1954 года расправиться и с результатом Хэгга.

В том году на большую спортивную арену вышло новое поколение бегунов. Оно состояло из англичан, венгров и советских стайеров. К этому поколению принадлежал и я.

Говорят, что путешествие в тысячу миль начинается с одного шага. То же самое и в спорте. Свой первый шаг на трудной и долгой спортивной дороге я сделал в зимний воскресный день, когда случайно нашел в лесу обломок лыжи, брошенный красноармейцами, проходившими через наше село.

В те годы мы, деревенские мальчишки, еще не знали, что такое настоящие лыжи, и потому товарищи считали, что мне привалило большое счастье. Но обломок — это еще не лыжа. И вот вечерами, наскоро сделав уроки, я принимался за работу. Вскоре обломок стал снова лыжей, а вторую я сделал из доски старой, рассохшейся бочки. Можно ли забыть тот день, когда я попробовал проехаться около дома, те дни, когда я уже носился вдоль леса!..

Было это двадцать лет назад на Украине, в маленьком селе Алексино, Сумской области, где я родился и где прошло мое детство. Мог ли я думать тогда, что лыжи станут для меня трамплином к беговой дорожке, к мировым рекордам!

Сейчас, когда я отметил свое тридцатилетие, мне невольно вспомнился этот эпизод из моего далекого детства. Именно тогда зародилось у меня желание бегать, мчаться вперед. И хотя с первыми весенними днями лыжи были спрятаны до будущей зимы, но желание бегать нельзя было спрятать. И я бегал при любой возможности: в школу, в соседнее село. Конечно, эти пробежки никак нельзя было назвать тренировками, но они, видимо, были мне на пользу. В 1942 году, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я по нескольку десятков километров проходил с тяжелым мешком за плечами, спасаясь от нашествия гитлеровцев, и не отставал от взрослых. После освобождения Алексина я поступил работать в МТС, которая находилась в пяти километрах от моего дома. И вот, чтобы не опоздать на работу, я каждое утро пробегал все расстояние бегом. Это была моя первая «дистанция».

Финиш В. Куца на олимпийском стадионе в Австралии.

В восемнадцать лет я был призван в ряды Красной Армии и после войны продолжал службу на флоте. Балтийское море. Островок, затерянный среди волн. Как непохожа была окружавшая меня природа на зеленые и спокойные украинские поля, тихие перелески, медлительную речушку Боромлю! Но я полюбил насыщенные трудом и учебой будни матросского быта, его четкий, размеренный распорядок. В этом распорядке спорт занимал большое место. Занимались мы ходьбой на лыжах, греблей, боксом. Помню, как впервые я вышел на лыжню, как вел борьбу с сильнейшими гонщиками нашего соединения, но успех пришел не сразу.

Чем больше времени я уделял спорту, тем чувствовал себя крепче. По тревоге раньше меня никто не прибегал на боевой пост. Но вот кончилась зима, а весной в честь Дня победы я участвовал в кроссе. В забеге принимали участие 24 солдата и я, один моряк. Когда дали старт, то я сразу же бросился вперед, но широкий матросский клеш долго не давал мне лидировать. На ходу я привел себя в спортивный вид, бескозырку, которая все время слетала с головы, схватил в руку и продолжал бежать. Мне очень не хотелось проигрывать.

После половины дистанции я стал приближаться к лидеру и за 100—200 метров до финиша вырвался вперед и стал победителем.

После этого кросса несколько дней болели все мышцы, и когда я об этом сказал врачу, который сам был много лет спортсменом, он мне ответил:

— Чтобы не болели мышцы, надо регулярно бегать.

Так начались мои первые тренировки.

Трудно досталась мне эта победа, но впереди были значительно бо́льшие испытания: потребовалось два года упорных занятий, прежде чем удалось достигнуть первых ощутимых успехов. Произошло это в 1953 году. В том году на фестивале в Бухаресте я впервые встретился с замечательным чехословацким стайером Эмилем Затопеком.

Я много слышал о нем, мечтал о том, чтобы узнать систему его тренировки, и вот теперь Затопек был рядом со мной на старте. Верный своей привычке, я сразу вырвался вперед. Я вел почти всю дистанцию, только у самого финиша я увидел впереди Затопека. А в следующем году мне удалось внести поправку в его результат на пятикилометровой дистанции. Это было в Берне.

Бег на 10 тысяч метров на олимпийском стадионе в Мельбурне. Первым бежит Владимир Куц. За ним — Гордон Пири (№ 189).

Правда, этим рекордом обладал я недолго. В дружеском матче Лондон — Москва на стадионе Уайт-сити Кристофер Чатауэй блестящим рывком на последних метрах внес третью поправку в таблицу мировых рекордов. Но я считал, что и этот высокий результат Чатауэя можно улучшить, что и сделал в Праге через 10 дней.

С этого-то и началось победное шествие бегунов нового поколения. Четыре раза улучшался рекорд на 5 тысяч метров за сезон 1954 года и трижды — в 1955 году, когда в борьбе со мной венгр Шандор Ихарош в конце концов установил мировой рекорд, равный 13 минутам 40,6 секунды, а следующим летом я встретился в Бергене с другим, английским стайером, Гордоном Пири, и ему удалось показать феноменальный результат — 13 минут 36,8 секунды, который и сейчас еще никому не удалось превзойти. После этого в том же 1956 году я осуществил свою давнюю мечту — установил мировой рекорд в беге на 10 тысяч метров.

Готовясь к XVI Олимпийским играм, мы считали наиболее опасными конкурентами венгерских бегунов Иожефа Ковача и Миклоша Сабо, австралийцев Лоуренса и Стивенса, но прежде всего я думал о Гордоне Пири и Кристофере Чатауэе.

Гордон Пири, мистер «Пуф-пуф», как называли этого сердечного, искреннего человека зарубежные журналисты,— вот с кем мне прежде всего хотелось помериться силами! Именно думая о Пири, еще за 4 месяца до отлета в Мельбурн я и стал отрабатывать свою новую тактику.

Я собирался применить в Австралии так называемый «рваный бег», стремясь к тому, чтобы при общей высокой скорости мой темп на дистанции резко менялся, то падая, то внезапно бурно возрастая. Только такая тактика, основанная на этих внезапных и разнообразных рывках, могла мне помочь добиться победы.

К моменту вылета в Мельбурн я чувствовал себя в отличной форме, и мне хотелось как можно быстрее совершить гигантский прыжок в Австралию, как можно скорее акклиматизироваться там.

Не раз спортивная судьба забрасывала меня в страны, о которых до этого приходилось только читать. Казалось бы, можно и привыкнуть к такому разнообразию впечатлений, но здесь, в Австралии, все было таким необычным, начиная с климата и кончая удивительными животными — кенгуру.

Правда, мой давний друг, австралийский бегун Дейв Стивенс, встречавший меня на правах гостеприимного хозяина, все сделал для того, чтобы помочь мне быстро войти в обычную колею жизни, но я знал, что к этому ведет только один путь: тренировки, нормальный, привычный мне спортивный режим, такой же, как в Москве. Поэтому на следующий же день после приезда в Мельбурн я и отправился на тренировку. Беговая дорожка находилась на территории олимпийской деревни, и там я встретил Гордона Пири. Где мы уже с ним не встречались! В Англии, Норвегии, СССР, а теперь вот на краю земли — в Австралии.

Пири не скрыл от меня, что он отлично акклиматизировался за месяц жизни в Австралии. О его хорошей форме писали и газеты. Как и следовало ожидать, они уделяли много внимания нашим персонам, причем большинство журналистов скептически относилось к моим шансам.

Спортивные обозреватели называли меня «человеком-машиной», «роботом». «Сможет ли «робот» победить спортсменов-мыслителей?» — спрашивала одна из мельбурнских газет и давала отрицательный ответ, считая, что в хитроумной тактической борьбе такие спортсмены, как я, победить не могут. За мной оставляли только одно право — очертя голову бросаться со старта вперед. Интересно отметить, что даже такой квалифицированный обозреватель, как Роджер Баннистер, заявил, что в Куце он не нашел ничего, кроме безжалостной беговой машины.

По совету Стивенса я избрал местом тренировки ипподром. Расположенный в ложбине, окруженный со всех сторон зеленью, он был надежно защищен от ветра, который в Австралии дует беспрерывно. В первой тренировке Дейв бежал вместе со мной, но, пройдя 13 раз по 400 метров, сошел с дорожки и заявил, что Пири не сможет победить меня. Однако я и мой тренер Григорий Исаевич Никифоров были настроены менее оптимистично. После первой же тренировки мы убедились в том, что здесь меня словно подменили. Секундомеры показывали очень плохое время. Я ощущал физическую слабость, какую-то непонятную апатию.

И только спустя 10—11 дней я наконец почувствовал приток новых сил. Но тут последовала катастрофа, едва не лишившая меня возможности участвовать в соревнованиях.

19 ноября, за три дня до начала Олимпийских игр, перед выездом на тренировку явился репортер одной австралийской газеты и попросил меня сесть за руль машины, на которой меня обычно возили по Мельбурну. Эта машина принадлежала местному жителю, который любезно согласился обслуживать нашу делегацию. Репортер хотел меня сфотографировать, и я, являясь страстным автолюбителем и соскучившись по баранке, с удовольствием согласился. Пока я, сев за руль, знакомился с управлением машины (в Австралии руль находится в правой части автомобиля из-за левостороннего движения), репортер сделал несколько снимков, и тогда хозяин машины предложил мне проехаться по олимпийской деревне. Не проехав и 50 метров, я врезался в столб. Раздался звон разбитых стекол, баранка руля вдавилась в грудь, а когда я выбрался из машины и увидел растерянное лицо хозяина, не знающего, видимо, чем больше огорчаться: тем ли, что разбит его автомобиль, или тем, что ранен незадачливый его водитель,— мне стало совсем не по себе. Все же на второй машине я уехал на тренировку, а вернувшись в олимпийскую деревню, увидел сбращенные на меня сотни глаз. Оказывается, газеты уже успели сообщить, что я попал в автомобильную аварию, что у меня сотрясение мозга и что участвовать в Олимпийских играх я не смогу.

Сообщения эти были сильно преувеличенными, но волнений пришлось перетерпеть порядочно. И теперь я могу, пожалуй, признаться, что скрыл от своих товарищей по команде и боль в коленях и боль в груди, которую я испытывал после этой аварии и которая еще не прошла в тот день, когда я бежал 10 тысяч метров.

22 ноября состоялось открытие XVI Олимпийских игр, на которых мне не пришлось присутствовать: на следующий день я должен был выйти на старт, и мне приходилось беречь каждую каплю сил.

И вот наступил наконец тот час, о котором я столько думал, к которому так долго и тщательно готовился. Вот что я записал в своем дневнике, который вел в Мельбурне:

«Приехал на стадион. Встреча с соперниками. «Добрый день... Добрый день!» — традиционный обмен приветствиями, традиционные вопросы о здоровье и такие же ответы: я не гут, и он не гут,— и каждый в душе хочет быть первым. Настроение у меня боевое, но самочувствие во время разминки вялое. Начинаю одевать шипы и вдруг замечаю, что волосы мои стоят дыбом. А я-то думал, что так говорят только для красного словца. К старту готовятся бегуны, представители многих стран мира. Все хотят быть первыми — Ковач, Мимун, Лоуренс, Пири и я. Какой же спортсмен, выходя на дорожку, не хочет победы! Часы показывают 17 часов 40 минут. Волнение. Меня лихорадит. Ведь это первая моя встреча на Олимпийских играх. Почетно быть рекордсменом мира, но еще почетнее — олимпийским чемпионом. Я знаю, за мной сейчас следят 200 миллионов советских людей. Вместе со мной хотят они этой победы».

После выстрела я сразу же вырвался из середины первого ряда и предложил темп, который был мною выверен на многих тренировках: первый круг — 61,4 секунды. Это обычный темп для меня, но он не совсем приятен для многих соперников. Пири следует за мной. Он верен своей обычной тактике.

Вот еще несколько строк из дневника:

«За мной Пири, я это вижу по его длинной тени, которая скользит по зеленой траве рядом с моей. Эта тень преследует меня шаг в шаг, несмотря на все попытки оторваться».

Пири идет так близко, что невольно задевает шипами за мои шипы. Это очень неприятно, и я несколько раз предлагаю ему дорожку, но он не выходит вперед.

— Шестьдесят восемь и шесть десятых. Шестьдесят восемь и восемь десятых... Шестьдесят восемь...— узнаю я после каждого круга свою скорость. Скорость равномерна и высока, а Пири по-прежнему рядом. Я чувствую каждый его шаг. Он, наверное, бежит легко и свободно, и зрителям кажется, что он даже сдерживает себя. Я делаю свой первый рывок. Первую попытку оторваться от своего преследователя. Это дает мне маленький, кратковременный успех. Пятый круг пройден за 65,4 секунды. Но вот тень Пири снова рядом с моей тенью, снова я чувствую затылком его дыхание. Трибуны аплодисментами отмечают ответный рывок англичанина. И тогда я резко сбавляю темп. Настолько резко, что Пири чуть ли не натыкается на меня. Круг мы проходим за 71,6 секунды. Это и есть «рваный бег». Но Пири верен своей неизменной тактике. Он по-прежнему остается сзади, и теперь, воспользовавшись снижением скорости, нас догоняют Ковач, Лоуренс и Чернявский.

Один круг мы бежим небольшой группкой, но затем я снова предлагаю высокий темп, и мы с Пири уходим вперед. Снова мы с ним вместе. Надо увеличивать скорость. И темп снова возрастает от круга к кругу — 68,6 секунды... 67,6 секунды... 67,6 секунды... Это большая скорость для бега на 10 тысяч метров, но Пири по-прежнему держится за мной, по-прежнему мы несемся вперед, словно связанные навсегда, далеко отбросив от себя остальных.

Кто же из нас охотник и кто жертва? Видимо, большинство зрителей считает охотником Пири. Он держится настолько близко от меня, что снова задевает своими шипами за мои шипы, сбивает меня с ритма. Наши две тени на траве словно сливаются воедино. А что, если уйти с первой дорожки на вторую? И я освобождаю Пири бровку, но он и на этот раз отказывается от чести быть лидером. Еще бы, его задача ясна: удержаться за мной, во что бы то ни стало удержаться с тем, чтобы за 100—200 метров до финиша пустить в ход свой главный козырь: превосходство в скорости.

Пять тысяч метров пройдены за 14 минут 6,6 секунды. Для нас все еще впереди, но зрителям и многим журналистам кажется, что Пири уже победил, что все мои попытки оторваться от него безнадежны. И действительно, я резко замедляю темп бега: тринадцатый круг — 71,8 секунды, четырнадцатый — 72,2 секунды. Моя скорость падает, но Пири не выходит вперед. И тогда я снова включаю самый высокий темп — пятнадцатый круг — 66,4 секунды. «Рваный бег» в действии! Верный своей тактике, я выполняю намеченный план и на шестнадцатом круге снова замедляю движение — 73,4 секунды. Снова я уступаю Пири первую дорожку, но он переходит за мной на вторую. Как же мне посмотреть в его лицо? Мне нужно обязательно посмотреть. Мне нужно увидеть, бежит ли он легко, или ему так же тяжело, как и мне. Но как это сделать, если Пири по-прежнему позади, если только по шороху шипов, по шуму дыхания могу я догадываться о его самочувствии?

На семнадцатом круге я решаюсь на новое ускорение. Я чувствую по себе, как трудно его выдержать. Сколько месяцев упорно, упрямо готовил я «рваный бег» для Мельбурна, и теперь мои силы на пределе! А Пири под взглядами 100 тысяч человек по-прежнему казался невозмутимым и продолжал сохранять легкость и непринужденность движений. Даже после этого рывка он держался за мной.

До финиша оставалось еще более трех километров, когда многие уже окончательно решили, что золотая медаль в руках англичанина. Как уверенно, как спокойно держался он на дорожке! И, может быть, только несколько человек, самых осведомленных, следящих за этим бегом по циферблату секундомера, доверяющих только цифрам, а не своим желаниям, понимали, что Пири держится за мной только потому, что после внезапного ускорения, последовавшего на семнадцатом круге, темп бега снова резко снизился. А в это время я готовился к последнему, решающему рывку, который, по моему плану, должен был последовать на двадцатом круге. Пора выполнить свое намерение! На полной скорости я перехожу с первой дорожки на вторую — Пири следует за мной. Со второй на третью — Пири следует за мной. С третьей на четвертую — Пири следует за мной. С четвертой на первую — Пири по-прежнему сзади. И вдруг я настолько замедляю этот необычный зигзагообразный бег, что почти совсем останавливаюсь и, повернувшись назад, жестом предлагаю Пири выйти вперед... И Пири наконец выходит! Мы бежим теперь рядом, и впервые за весь этот бег я вижу рядом с собой его поникшую фигуру, предельную усталость, написанную на его лице, и по этому лицу я понимаю, что момент решающего ускорения наступил...

«Куц выиграл у Пири нокаутом, после того, как он в течение получаса осыпал его градом ударов редкой силы», — так описывал наш бег в «Экип» известный бегун Марсель Анзель.

Пробежав рядом с Пири 100 метров, я снова развил большую скорость, окончательно оторвался от англичанина, а он, видимо, исчерпав остатки своих сил, отставал все больше и больше. Один за другим его обходили Ковач, Лоуренс, Кжышковяк, Норрис, Чернявский, Пауэр.

Последняя капля переполнила, видимо, чашу усталости Пири. И вот двадцать пятый, последний круг. Он был пройден мной за 66,6 секунды. Я летел к финишу, к своей победе, и в эти последние секунды, видимо, даже судьи не смогли остаться бесстрастными. Как выяснилось после конца бега, они не заметили, что немец Клаус Порбадник пробежал на один круг меньше...

Пири финишировал восьмым. Я видел его последние усилия. Он стал как будто бы ниже, видимо, потому, что бежал на согнутых от усталости ногах, а поздравив меня с победой, Гордон Пири заявил журналистам: «Он был слишком хорош для меня. Я бы никогда не смог бежать так быстро».

Да простят меня читатели за эту не очень скромную под моим пером цитату. Я бы не стал ее приводить, как не привожу других хвалебных цитат из газет, если бы она не принадлежала Гордону Пири и не характеризовала его чистосердечия и мужественной откровенности.

Впрочем, я должен сделать исключение еще для одного заявления, сделанного в прессе. Оно принадлежит Роджеру Баннистеру. В своей статье, озаглавленной «Куц — кошка, Пири — мышка», он писал: «Куц не просто машина. Его ум такой же сильный, как и тело, и обладает тактическим искусством».

Так была завоевана первая победа в Мельбурне, и отклик на нее был удивителен. Уже через несколько часов стали приходить первые поздравительные телеграммы с Родины. С каждым днем рос их поток. Все свободное время я уделял тренировкам и чтению этих дорогих для меня телеграмм. И то и другое наполняло меня новыми силами, уверенностью, что вторая встреча с Гордоном Пири и другими сильнейшими стайерами мира пройдет так же благополучно...

26 ноября я снова вышел на старт. Проходили предварительные забеги на 5 тысяч метров. И каково же было ликование и радость австралийцев, когда первым на финише оказался не я, а Аллан Лоуренс, их земляк! Они хотели видеть в этом силу своего спортсмена, а не мое намерение беречь силы для финала. К сожалению, австралийский бегун не смог принять в нем участие: он заболел. Не повезло и другому известному стайеру, поляку Ежи Хромику. Болезнь помешала ему показать в Мельбурне отличные результаты.

Через день состоялся финальный бег. В нем приняли участие стайеры, не растратившие еще своих сил, отлично тренированные и жаждущие победы, такие, как Кристофер Чатауэй, Дерек Ибботсон, Ласло Табори, Миклош Сабо. Все они не принимали участия в беге на 10 тысяч метров, и в этом было их большое преимущество по сравнению со мной и Гордоном Пири.

Гордон Пири, конечно, обескуражен, он, может быть, не успел хорошо отдохнуть перед новым стартом, но разве можно сомневаться в том, что этот настоящий спортсмен, конечно же, попытается на сей раз добиться золотой медали? С этим нельзя было не считаться.

Я много думал о том, как лучше провести этот бег. Конечно, мне очень хотелось победы, так же как и всем участникам этого большого соревнования, но достигнуть ее будет очень нелегко.

Еще в Москве мне было ясно, что бег на 5 тысяч метров следует вести только на предельной скорости. Я понимал, что мне придется рассчитывать только на свою выносливость, на свою выдержку, на непреклонное желание победить, несмотря на все преимущества, которыми обладают такие грозные соперники, как Пири, Чатауэй, Табори. Ведь все они лучшие бегуны в мире не только на 5 тысяч метров, но и на дистанции 1 500 метров, а скорость является сейчас ключом к победе в стайерском беге.

День с утра был облачный, но потом выглянуло солнце, которое помогало мне определить, на каком расстоянии находятся противники. Как в первом беге, их тени неслись рядом с моей тенью по густой австралийской траве.

Трудно рассказывать о самой борьбе, которая развернулась на беговой дорожке в Мельбурне; слишком велико было напряжение, слишком высок темп. Когда на втором круге Табори вырвался вперед, я сразу же понял, в чем таится опасность: Табори, заняв бровку, сразу же замедлил темп. Если соперникам удастся все время сбивать меня с темпа, то кто-нибудь из них, сохранив силы, конечно, обойдет меня на финише. Значит, мое решение было правильным: вести бег в предельном темпе, какой я только смогу выдержать. И я уже больше никого не выпускал вперед.

Только по шороху шипов своих соперников мог я определить, на каком расстоянии они находятся, по крикам зрителей угадывать поведение своих соперников.

Уже потом мне сказали, что на восьмом круге Чатауэй сделал сильный рывок, чтобы выйти вперед. Этот спурт был для него роковым, и на финише он был только одиннадцатым.

Сам характер борьбы сложился так, что мои соперники невольно объединились как бы в одну коалицию и попытались совместными усилиями нарушить мои планы, сбить мой темп, а значит, и сохранить свои силы для финиша. Противопоставить им я мог только одно: свою выносливость, свой рывок, — и я мчался вперед, несмотря на мягкую беговую дорожку и встречный ветер, который очень мне мешал. Я не знал, что делается позади, не видел своих соперников, но, конечно, ждал, что в любой момент рядом со мной могут появиться или Чатауэй, или Пири. Все те минуты, которые продолжался этот бег, я думал о них и, напряженно вслушиваясь в шум шагов, доносившихся сзади, пытался по реакции трибун представить себе картину борьбы. Но только после фини-

«ПРИЗ ХЕЛМСА»

Вручение «Приза Хелмса» Владимиру Куцу.
Фото А. Бурдукова.

Недавно в адрес олимпийского чемпиона пришла посылка из США. Это была плоская коробка средних размеров и довольно тяжелая. В ней оказалась серебряная плита с изображением земного шара, покоящегося на колонне сплетенных олимпийских колец. Это «Приз Хелмса», который ежегодно присуждается шести сильнейшим спортсменам мира.

Интересна история этого приза. Он учрежден в 1936 году известным меценатом спорта Паулем Хелмсом из Лос-Анжелоса. Целью учреждения приза была популяризация спорта. В этом году совет «Хелмс Атлетик Фаундейшн», занимающийся присуждением приза, отметил почетной наградой Владимира Куца как лучшего спортсмена Европейского континента.

Призы, которыми награждены лучшие спортсмены 1956 года, представляют собой уменьшенную копию «Приза Хелмса», который хранится в специально выстроенном двухэтажном здании «Хелмс Холл» в Лос-Анжелосе. «Приз Хелмса» высотой в 2,4 метра сделан из золота, серебра и бронзы и покоится на мраморном основании. Стоит он в центре большого зала в здании «Хелмс Холл».

Имена спортсменов, награжденных почетным призом, гравируются на поверхности основного приза. На серебряной копии, врученной Куцу, указаны имена тех, кто награжден им в этом году.

Б. КОСВИНЦЕВ

МАШИНЫ МЧАТСЯ ПО ШОССЕ

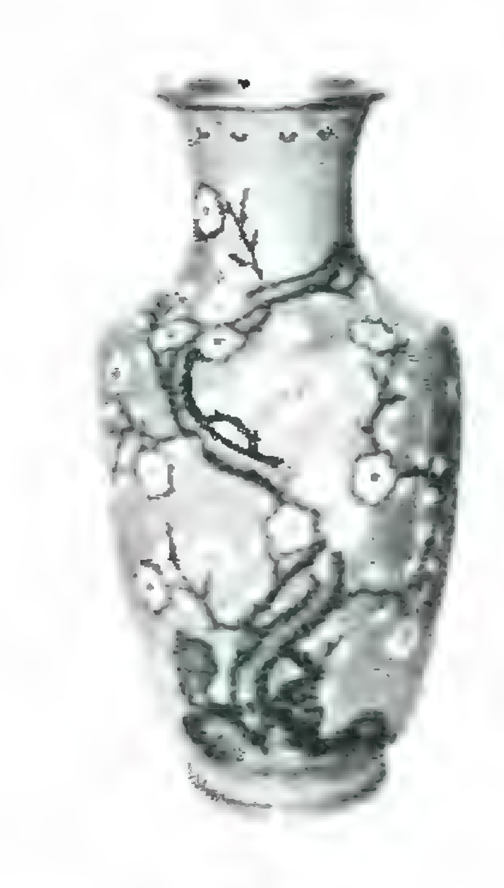
КТО ЗАВОЮЕТ ПРИЗ «ОГОНЬКА»?

Началась традиционная многодневная гонка. На сей раз сильнейшие гонщики страны направились по Минскому шоссе для того, чтобы, пройдя 2 662 километра по дорогам Белоруссии, Украины и Российской Федерации, вернуться 7 июля в Москву по Симферопольскому шоссе.

В этом году в гонке участвует 14 команд, однако велосипедисты Центрального спортивного клуба Министерства обороны уже прочно заняли положение лидеров.

Гораздо острее идет борьба за личное первенство. На первом этапе, между Москвой и Гжатском, несмотря на встречный ветер, гонщики развили большую скорость — свыше 40 километров в час. За 50 километров до Гжатска группе в 10 человек удалось оторваться от общей массы гонщиков. Постепенно увеличивая просвет, эта группа мчалась к финишу. Первым закончил этап спартаковец Айкарам Баяджан.

Не менее остро прошла борьба на втором этапе. Заметно было, однако, что гонщики ЦСК МО шли организованнее других. Они и выиграли второй этап. А первым линию финиша пересек член этой команды Евгений Клевцов.

Приз журнала «Огонек».

На коротком этапе Смоленск — Орша картина несколько изменилась. Примерно за 20 километров до финиша слесарь Харьковского велосипедного завода Михаил Курбатов («Торпедо») вырвался вперед. На это никто не обратил внимания, полагая, что молодой спортсмен далеко уйти не может. Однако просвет между ним и ближайшей группой непрерывно увеличивался. И когда опытные гонщики спохватились и организовали погоню за «нарушителем спокойного темпа», было уже поздно. Первым на улицы Орши влетел Михаил Курбатов. Четвертый этап, закончившийся в Минске, выиграл Евгений Немытов.

После однодневного отдыха в столице Белоруссии спортсмены продолжили свой путь. Они стартовали на Бобруйск. Это был пятый этап. У самого финиша вырвались Н. Сиротин, Е. Немытов и М. Курбатов. Первым был Н. Сиротин.

Гонка продолжается.

* * *

Семь лет назад, когда впервые после войны была организована многодневная гонка, редакция журнала «Огонек» установила приз гонщику, который затратит наименьшее количество времени на покрытие всей трассы.

В нынешнем году приз «Огонька» будет вручен тому гонщику, который наибольшее количество раз окажется победителем этапов, а их на всем маршруте пятнадцать.

Пока претендентами на приз являются А. Баяджан, Е. Клевцов, М. Курбатов, Е. Немытов и Н. Сиротин.

На трассе гонки.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

В июне 1958 года в Швеции начнется заключительный этап розыгрыша первенства мира по футболу. В нем примут участие 16 сильнейших команд четырех континентов. Сейчас идут отборочные соревнования.

Европа разделена на 9 групп. В одной из них встречаются команды СССР, Польши и Финляндии. Каждый из этих коллективов должен сыграть друг с другом по два матча: на своем и чужом поле. Первый матч состоялся 23 июня. Следующая игра сборной команды СССР состоится в Москве в июле с командой Финляндии, затем советские футболисты будут играть в августе в Хельсинки и в октябре в Варшаве.

Команда, набравшая в этих состязаниях наибольшее количество очков, и получит право участвовать в финальных состязаниях в Швеции.

На поле вышли лучшие футболисты Польши и Советского Союза. По всем данным, обе команды тщательно готовились к этому ответственному матчу.

Первые же минуты игры вскрыли тактические замыслы польской команды. Тренеры решили усилить оборону и соответственно расставили игроков.

Они хотели обезопасить зону перед воротами от прорывов Э. Стрельцова и В. Иванова и затруднить действия центра нападения Н. Симоняна. Кроме того, они ставили своей задачей не дать свободно действовать И. Нетто, который умело организовывал игру наших форвардов.

В моменты же атак поляки выдвигали вперед то ранее оттянутого И. Гавлика, то полузащитника Э. Зентара.

Советская команда никаких оборонительных вариантов не применяла и поэтому не нарушала обычную расстановку игроков.

Несмотря на тяжелый грунт (весь день шел дождь), матч начался в очень быстром темпе. Уже это давало возможность предположить, что выиграет та команда, которая лучше подготовлена физически. В первой половине трудно было определить победителя, хотя мяч, правда, не без помощи польских защитников, и побывал в сетке их ворот.

Можно было заметить, что форварды гостей играют только мелкими пасами, в то время как наши умело чередовали мелкие, средние и длинные передачи. У поляков выделялся левый инсайд Г. Кемпны. Сочетая индивидуальное единоборство и коллективную игру, ему удавалось несколько раз обходить К. Крижевского и создавать опасные моменты у наших ворот. Однако хладнокровное поведение защитников и высокое мастерство вратаря Л. Яшина позволили отстоять ворота нашей команды.

Вторая половина соревнования прошла при явном преимуществе советских футболистов. Достаточно сказать, что за весь хавтайм гости всего три раза ударили по нашим воротам. После же того как Н. Симонян послал в верхний угол неотразимый мяч, польские футболисты были обескуражены. Они начали подолгу «таскать» мяч, видимо, желая сбить высокий темп нашей атаки.

Под конец матча почти все польские форварды оттянулись на защиту, но наш штурм был так силен, что скоро был зафиксирован судьей третий гол, забитый А. Ильиным. Счет 3 : 0.

Таким образом, два фактора решили исход встречи. Во-первых, наша команда была лучше физически подготовлена, а во-вторых, выражаясь шахматным языком, поляки не лучшим образом применили свою тактику. Их полузащитники и инсайды, оттянутые назад, явно не успевали переключаться в нападение.

Наша команда сыграла хорошо. Нападение действовало энергично, хотя, как мне кажется, крайние нападающие могли бы больше взаимодействовать со своими партнерами.

А в общем-то встреча была очень интересной и показала, что наши спортсмены могут успешно выступать в серьезных международных встречах.

Константин БЕСКОВ,
заслуженный мастер спорта.

Фото А. Бочинина.

ша понял, насколько убийственным был темп этого бега. За 400 метров до финиша Пири вел уже борьбу только за второе место, а я закончил бег за 13 минут 39,6 секунды, установив, таким образом, второй олимпийский рекорд.

Много впечатлений сохранил я в своей памяти от этой поездки в Австралию. Впервые в своей жизни довелось мне стать свидетелем состязания марафонцев. Я видел, как стремился к победе мой старый знакомый французский стайер Мимун, и был рад возможности пожать его руку. Посещал я и другие интересные соревнования. Но самое незабываемое впечатление осталось у меня от встречи с простым австралийским народом. На каждом шагу я видел столько дружеской симпатии, такой живой интерес к моей Родине, что душа невольно раскрывалась для этих радушных людей.

Особенно запомнилась мне поездка в Сидней, к докерам. Нескольких советских спортсменов пригласили туда на бал. Огромный зал был заполнен до отказа. Со всех сторон к нам протягивались крепкие, мускулистые руки грузчиков, моряков, рабочих...

И вот наконец погас олимпийский огонь. На торжественной церемонии закрытия Олимпийских игр мне была оказана большая честь — представлять на параде спортсменов Советского Союза. И когда стадион увидел в моих руках гордо реющий в воздухе красный флаг, буря аплодисментов прокатилась над рядами. А я, стоя в одном ряду с представителями 67 стран земного шара, понял, какое большое дело сделали мы, посланцы советской молодежи, для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами!

...Теперь Мельбурн далеко позади. Снова многие тысячи километров отделяют нас от австралийской земли. XVI Олимпийские игры уже стали историей, но еще долго будут изучаться их результаты, еще долго будут повторяться имена победителей. Будем вспоминать Мельбурн и мы, спортсмены, но не для того, чтобы почивать на лаврах, полученных там. Нет, мы будем вспоминать XVI Олимпийские игры для того, чтобы, используя их опыт, стремиться к новым успехам, к новым рекордам. К ним сейчас готовлюсь и я. Мне хочется улучшить результаты. Я знаю, это очень трудно. Но сейчас, когда партия и Советское правительство столь высоко отметили мои успехи в спорте, наградив меня орденом Ленина, разве могут быть для меня какие-либо препятствия?

Я полон сил и желания и дальше, чем только смогу, служить нашему советскому спорту.

Кого привез самолет

Пассажиров выносили из самолета со всеми возможными предосторожностями. Заболели в дороге? Нет. Дело в том, что пассажирами были... животные. Четвероногие, пресмыкающиеся, крылатые. И проделали они длинный путь — из Китая в Москву. Часть этих необычных воздушных путешественников будет распределена по зоопаркам Советского Союза, остальные полетят дальше: у них «транзитные визы» до Праги и Берлина.

А пока им предстоит пользоваться временным гостеприимством подмосковной базы зооцентра, куда и умчал их автобус.

Как же чувствует себя здесь столь пестрая компания «переселенцев»?

Прежде всего работники зообазы поинтересовались самочувствием двух саламандр, которые с невозмутимым спокойствием лежали на дне кадки с водой. Предпочтение саламандрам оказано потому, что им нужно регулярно менять воду. С «китайской» водой они распростились еще в Иркутске, а теперь им предстоит окунуться в подмосковную. Пока совершалась эта несложная процедура, старшая саламандра погрелась на солнышке, лениво перебирая крохотными пальцами; у нее на передних лапах по четыре пальца, а на задних — по пяти.

Следующим «на приеме» был тигровый питон. «Рожденный ползать», он оказался одним из тех немногих «счастливцев», которым все же довелось полетать. И хотя питон, видимо, утомлен от длительного полета и непривычных жилищных условий в деревянном ящике, все же он очень грозен и не на шутку испугал молоденьких работниц зообазы. Но Иван Васильевич Кукляев, директор, спокойно положил питона на плечи и перенес его на новое место.

А крокодилы, хоть их и много, никого не испугали. Еще недавно они резвились в мутно-желтых водах Янцзы и не ждали, не гадали, что им предстоит. «Янцзята» ничем не выразили своего неудовольствия, когда их брали на руки, раскрывали пасть, где пробивался частокол зубов будущего грозного аллигатора, и ветврач Нина Семеновна Монахова делала орошение раствором пенициллина.

Быстро освоились и утки «мандаринки», очень любопытные, очень нарядные, вполне достойные своего нового назначения: они будут выпущены на пруды московских парков. «Мандаринки» шумно помылись в тазах после дороги, насытились и утолили жажду, и после этого иные из них даже попытались поразмять крылья в воздухе.

Больше всего «забот» у свирепой и весьма амбициозной собаки Комы: ведь под ее охраной находятся не только удавы или какие-то там легкомысленные «мандаринки», но и львы!

Два грозных льва с интересом наблюдали за «переселенцами» из Китая. После длительной цирковой карьеры они вышли в отставку и поедут в Пекинский зоопарк. Львы только что перекусили — почти пудом мяса на двоих.

— А чем вы накормили питона и крокодилов? — спросили мы у Кукляева.

— С ними не так просто, — ответил Иван Васильевич. И он рассказал о том, что зообаза прежде всего навела справки, когда питались последний раз питон и крокодилы. Дело в том, что эти животные в дорожных или перевалочных условиях не будут есть. Питона нужно поместить в теплое помещение, с естественной для него температурой, на подогретый песок. Только согревшись, он «окажет честь» живой крольчатине. Питон может жить без пищи три месяца и даже больше. Оказалось, что питон еще может потерпеть. Покормят его уже в зоопарке.

То же самое будет с «янцзятами». Они еще не проголодались. А в зоопарке их положат в теплую воду, и только после того, как крокодилы «разогреются», они станут ловить живую рыбу.

В. РУДИМ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Достоевский играл Шпекина

«Счастливые купцы! Мало того, что товары их продаются на вес золота, но еще платят деньги, чтобы только на них посмотреть».

Карикатура из журнала «Искра», на которой изображены Тургенев, Майков, Курочкин и другие.

Известный поэт-переводчик Вейнберг в своих литературных воспоминаниях, помещенных в журнале «Ежегодник императорских театров» за 1895 год, рассказывает о необыкновенном спектакле, состоявшемся в Петербурге 14 апреля 1860 года. Была поставлена комедия «Ревизор» Гоголя, причем весь сбор от продажи билетов на этот спектакль был передан в фонд Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым, известный под названием Литературного фонда. В спектакле принимали участие виднейшие русские писатели того времени. Вот распределение некоторых ролей:

Городничий	А. Ф. Писемский.
Анна Андреевна	И. С. Кони (Сандунова).
Шпекин, почтмейстер	Ф. М. Достоевский.
Добчинский, помещик	В. И. Аничков.
Бобчинский, помещик	И. И. Ознобишин.
Хлестаков, чиновник из Петербурга	П. И. Вейнберг.
Коробкин, житель города	А. Н. Михайлов.
Свистунов, квартальный	А. П. Сниткин.
Слуга трактирный	В. П. Свиньин.

Как рассказывает П. И. Вейнберг, поистине великолепным Сквозник-Дмухановским был Писемский. Достоевский с радостью согласился сыграть роль почтмейстера, причем отметил, что это одна из самых комических ролей не только в гоголевском, но и во всем русском репертуаре, исполненная глубокого общественного значения. Трудно было представить Достоевского комиком, притом комиком тонким, умеющим вызвать гоголевский смех, а между тем Достоевский в роли Шпекина был безукоризнен.

Спектакль прошел с огромным успехом. Бурными аплодисментами была встречена первая сцена, когда зрители увидели Писемского-городничего. Новые рукоплескания раздались при выходе Достоевского-почтмейстера. Но неописуемый восторг вызвал у зрителей выход купцов, которых играли Тургенев, Краевский, Григорович, Майков, Дружинин и Курочкин. Восторженные возгласы длились так долго, что Вейнбергу, игравшему роль Хлестакова, пришлось отойти в сторону и сесть на стул в ожидании конца оваций: один вид Тургенева в длиннополом купеческом сюртуке, с головкой сахара в руках и в пенсне чего стоил!

В. КРЕСТОВСКИЙ

Отвечаем читателям

СОВЕТЫ ОФОРМИТЕЛЯМ

Читателя А. Черепахина (г. Джамбул) и его сослуживцев, которые изготовляют различные принадлежности оформления, интересуют способы нанесения бронзового порошка на дерево, картон и гипс. Нельзя ли, спрашивают эти читатели, покрывать их, как фарфоровую посуду, нетемнеющей краской?

Е. Г. Розинский, главный художник ГУМа, в художественно-декоративном комбинате которого выполняются самые различные виды оформления, сообщил:

— Способы окраски фарфора, подвергаемого действию высокой температуры, в данном случае, конечно, неприменимы. Бронзовый порошок для покрытия дерева, картона или гипса растворяется натуральной олифой, дамарным или масляным лаком, употребляется также нитролак или лак цапон. Окрашиваемая поверхность должна быть предварительно доведена до гладкости наждачной бумагой и загрунтована тонким и ровным слоем жидкого столярного клея. Для грунтовки применяется также натуральная олифа или дамарный лак.

Пользоваться преимущественно бронзой не следует. Эта краска «тяжела» и при неумеренном употреблении делает предметы оформления грубо вещественными, вместе с тем ее блеск отвлекает от тех материалов, ради которых создается оформление. Кроме бронзы, широко применяются гуашевые краски, а для постоянных деталей — нитрокраски. Они сочны по цвету и быстро сохнут. Нитрокраски выпускаются в готовом виде, а если они густы, их разводят нитрорастворителем и ацетоном.

Менее всего бронза пригодна для окраски больших плоскостей: покрыть бронзой весь стенд — значит превратить его в аляповатую икону. Стенд должен быть легким и не бросаться в глаза: он ведь только подставка для материалов. Фотографии и портреты, например, лучше смотрятся на стенде, обтянутом холстом или покрытом картоном, крашенным гуашью.

Краски, лаки, растворители, о которых идет речь, можно приобрести в магазинах Главхимсбыта или магазинах хозяйственных товаров, а дамарный и масляный лак—в магазинах для художников.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Минерал, красный железняк. 8. Русский полководец. 9. Животное семейства куньих. 11. Соглашение. 12. Французский писатель XVII века. 13. Шелковая ткань. 15. Радиоактивный элемент. 16. Перечень книг, журналов, статей. 17. Создатель нового, неизвестного прежде. 20. Доказательство. 22. Духовой инструмент. 24. Род травянистых растений. 26. Войсковое соединение. 27. Приток Волги. 28. Водяная птица. 29. Представитель народа романской языковой группы.

По вертикали:

1. Инструмент альпиниста. 2. Историческая область во Франции. 3. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 4. Шумный успех. 5. Первая в России женщина-офицер. 6. Легкий газ. 10. Взаимное расположение предметов или их частей. 11. Неизменяемая форма глагола. 14. Кровельный и изоляционный материал. 15. Консультант по определенным вопросам. 18. Руководитель хора в древнегреческой трагедии. 19. Пробное изделие. 21. Древнеримский поэт. 23. Прерывистый и длительный гул. 24. Часть Азовского моря. 25. Спортивный бег.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 26

По горизонтали:

7. Ленинград. 8. Пожарский. 9. Перрон. 10. Розинг. 13. Метол. 14. «Пигмалион». 15. Франк. 18. Сервантес. 20. Окончание. 21. Реборда. 22. «Знамя». 23. Сабза. 27. Рикошет. 31. Шампиньон. 32. Ярославна. 33. «Марта». 34. «Караваево». 35. Обзор. 38. Треста. 39. Проект. 40. Альпинизм. 41. Синтаксис.

По вертикали:

1. Сельдерей. 2. Огарь. 3. Калорифер. 4. Поговорка. 5. Сабир. 6. Дистанция. 9. Плотва. 11. Герман. 12. Картон. 16. Интендант. 17. Энтузиаст. 19. Сенявин. 20. «Одиссея». 24. Морава. 25. Караджале. 26. Эпитет. 27. Романтизм. 28. Травертин. 29. Гамбит. 30. Индонезия. 36. Сеанс. 37. Веста.

Из почты «Огонька»

ШУТКА ДО СЛЕЗ

Фото Ю. Крестьянинова.

г. Киров.

НОВЫЕ МАРКИ

Филателисты могут начать новый отдел в своих марочных альбомах. Гана стала выпускать свои почтовые марки. На воспроизведенной здесь марке Ганы показано на фоне карты Африки расположение нового государства.

ЛЬВЫ РЫКАЮЩИЕ

Восьмым чудом мира называли современники дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском, близ Москвы. Живопись, позолота, затейливая резьба обильно украшали деревянные хоромы.

У главных ворот и у трона царя лежали львы. Золотыми кольцами завивалась грива и лоснилась шерсть на спинах. Вдруг рычание прерывало торжественную тишину. Но зверь был все так же неподвижен. Трепет охватывал того, кто приближался ко львам.

В действительности это были искусственные львы, покрытые овечьими шкурами. А рычали они с помощью часового механизма. Часы помещались в чулане. В определенное время приводились в движение органные меха, и производился звук, походивший на рычание. По каналу звук передавался к пасти львов. Эти каналы были найдены при работах в селе Коломенском.

М. МОИСЕЕВА

«Эти дикари не поймут меня».

Изошутка И. Оффенгендена.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Васнецова — «Баян», В. Перова — «Монастырская трапеза», И. Левитана — «Сумерки. Луна» и «Овраг» и четыре страницы цветных фотографий.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

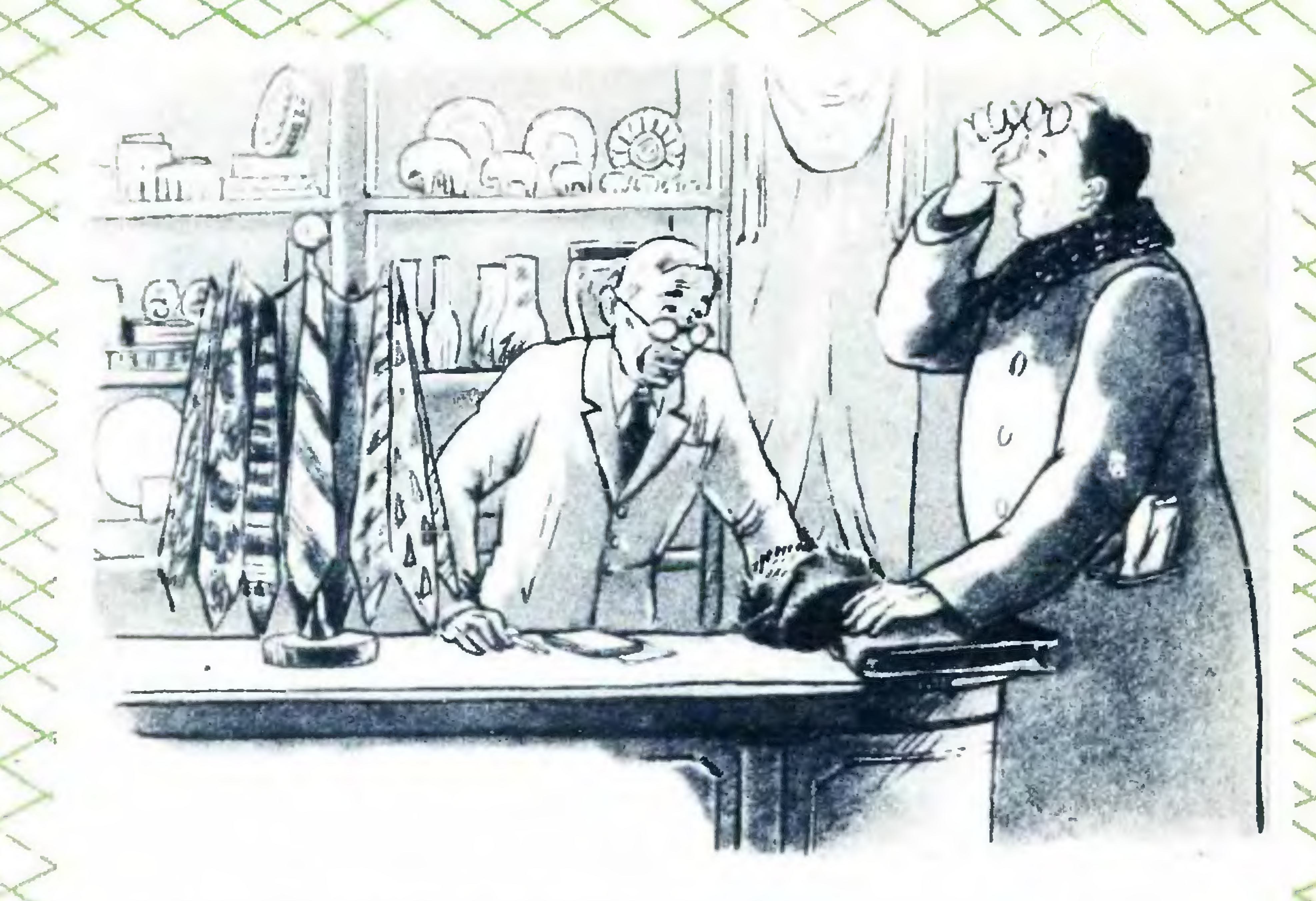
А 05279. Подписано к печати 26/VI 1957 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 734. Заказ № 1550.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

— Приятно глядеть, когда продавец и покупатель взаимно вежливы.
— Так эта покупательница — жена директора магазина!

Рисунок Е. Ганкина.

— У вас есть изделия местной промышленности?
— А вам из какой местности? Есть с Урала, из Сибири, с Украины...

Рисунок М. Житницкого.

ИЗ ЖУРНАЛА
«ВОЖЫК»

— Три раза вы ко мне приходили и каждый раз сдавали на единицу.
— Ну, вот, поставьте тройку, тогда и ходить больше не буду.

Рисунок В. Швецова.

— Почему дома отсиживаешься?
— Сил набираюсь. Илья Муромец до тридцати лет сиднем сидел и только после этого сил набрался. А мне только восемнадцать.

Рисунок Р. Громыки.

— Что там за крик, Вовочка?
— Папа с мамой обсуждают, как нас воспитывать.

Рисунок В. Швецова.

— Разбуди меня, когда я захочу опохмелиться.
— А как же я об этом узнаю?
— Ты меня только разбуди...

Рисунок М. Гурло.

Цена номера 3 руб.